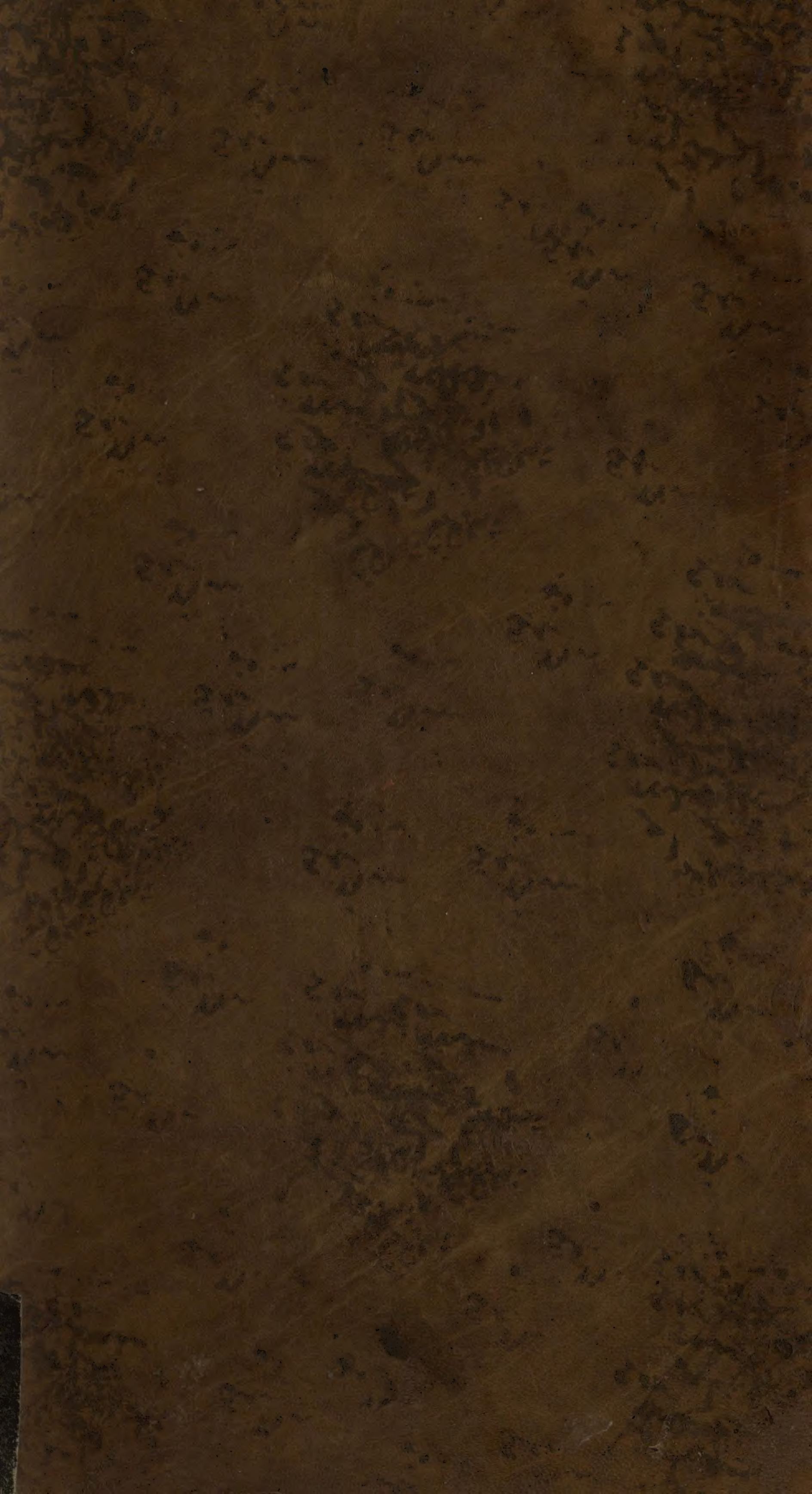


Рик XVIII
осн.
вар. А.

Автгр Штендер

ср 92-я первоначальная,
неисправленная

ИСТИНА РЕЛИГІИ

ВООБЩЕ

въ

двухъ частяхъ,

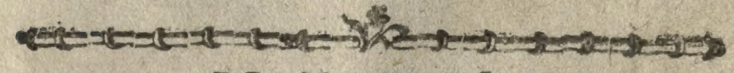
изъ которыхъ

Въ первой доказывается истина религіи вообще противу невѣрія вольнодумцовъ и натуралистовъ; а во второй утверждается истина Христіянской религіи, слѣдуя Священному Писанію противу невѣрія натуралистовъ.

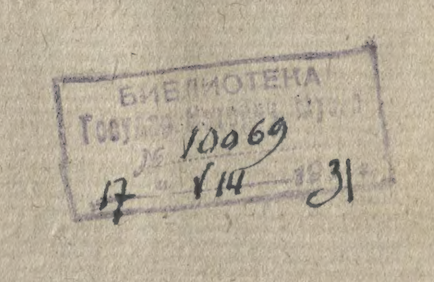
Παντα Θεȣ πληρη, παντα Θεος εκφανωται.
Все исполнено Бога, все Бога возвѣщаетъ.

Часть I.

Иждивеніемъ Типографической Компаніи.



ВЪ МОСКВѢ,
Печатана въ вольной Типографіи И. Лопухина,
съ указнаго дозволенія, 1785 года.



ПРИНОШЕНІЕ ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ

СВѢТЛѢЙШАЯ КУРЛАНДІЯ!

Дражайшее Отечество мое!

Въ нѣдрахъ твоихъ получилъ я дыханіе мое и многимъ пользовался благословеніемъ. Ему, всеобщему нашему Отцу небесному, и тебѣ обязанъ я усердіемъ къ мѣстамъ родины моей.

Кровь предковъ твоихъ, противъ мрачнаго язычества пролитая, пріобрѣла тебѣ здѣсь стяжаніе и преимущества, а свѣтъ Евангелія знатность и спасеніе; престарѣлые отцы мудростію прославляли правленіе твое, довѣренность и вѣрность одушевляли сердце братьевъ, милость и великодушіе означало преимущество твое, всѣ жили для вольности и чести. Сколь святы были для тебя дни Господни! Колѣны преклонныя молились въ святилищахъ. Ты слѣдовала Божественному ученію, и слѣды религіи исполнены были благословеніемъ. Служители олтаря принимали участіе во всѣхъ дарахъ, Провидѣніемъ на тебя ниспосылаемыхъ;

)(2 чада

чада твои возрастали яко вѣтви масличныя при коренѣ своемъ; подданные твои праздновали съ восклицанiемъ; ты отирала слезы бѣдствующихъ, и десница Божiя простиралась надъ тобою. Онъ обращалъ къ тебѣ сердце помазанныхъ; Монархи уважали тебя; украшенiе твое походило болѣе на самую природу, и состоянiе твое веснѣ райской уподоблялось. Таковъ былъ златый вѣкъ твой! Куда сокрылся онъ? — Уже и серебреные дни твои изчезаютъ!

О вы, смиренные родители, которыхъ оживляетъ еще Христiянское ревнованiе! посмотрите, сколь сильно премѣняетъ время теченiе вещей! юный мiръ превращаетъ нравы и образъ мыслей, и не рѣдко понуждаетъ васъ проливать безмолвныя слезы. Пышность и степи возрастаютъ, а избытокъ уменьшается; надмѣрныя работы и тяжкiя воздыханiя принесены въ жертву непостоянному украшенiю одежды, игрѣ и безчувствiю къ Евангелiю; храмы опустѣли, огнь религiи и человѣколюбiя угасаетъ и благословенiе Божiе удаляется. Страждетъ

ваша

ваша собственная внутренность, когда церкви ваши въ землѣ разрушаются. Нѣтъ ничего случайнаго. На что имущество, капиталы, права, когда нѣтъ главнѣйшихъ наслѣдій, страха Божія и премудрости?

О сколь сильно начинаешь ты, Отечество мое! отступать прежней внутренней славы твоей! Сколь легко можетъ изчезнуть и наружная, когда столпъ религіи колеблется, и обратиться въ житіе, только снаружи блестящее, отъ намѣренія Божественнаго Искупителя отдаляющееся и развращеніе сердецъ распространяющее!

Обратись къ прежнему источнику благословенія, и Богъ обратится къ тебѣ съ вящшимъ свѣтомъ и благословеніемъ. Вспомяни жребій прежде бывшаго народа Божія и седьми церквей въ Азіи.

Господи, иже готовъ еси и десяти ради праведныхъ пощадити цѣлую область! не лиши насъ еще покрова милости Твоей ради малаго числа тѣхъ, которые ищутъ имени Твоего, которые не преклоняютъ предъ Вааломъ

аломЪ колѣно свое, и которыхЪ уста не лобызаютЪ его.

Тебѣ, любезнѣйшее Отечество мое! посвящаю я листы сіи: употребляй ихЪ во спасеніе твое; я же беспрестанно молю о тебѣ Бога, и умру

Твоимъ почитателемЪ

СОЧИНИТЕЛЬ.

ПРЕДИ-

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Сочиненіе сіе написано противъ ядовитаго кощунства невѣрія. Сей свѣдаетъ вкругъ себя подобно раку; распространяется противъ истинны религіи, и блестящее уваженіе, къ нѣкоторымъ предшественникамъ являемое, ослабляетъ въ слабыхъ умахъ златое чаяніе будущаго. Но всѣхъ общее чувство научаетъ смертныхъ, что они хотятъ лучше быть, нежели не быть; лучше быть щастливыми, нежели нещастливыми, и сего желаютъ они даже и за гробомъ. Однакожъ противъ онаго невѣріе принимаетъ на себя притворное дерзновеніе, когда необузданной волѣ дается свобода. Безъ свѣта, безъ испытанія, противъ чувства сердечнаго, противъ всякаго познанія натуры и міроправленія Божескаго, противъ свѣта премудрости тысячи умовъ мыслящихъ, ради однихъ пустыхъ воображеній, потворствующихъ похотямъ нашимъ, осмѣивать то, что болѣе

всего

всего достойно желанія нашего, и рѣшеніе вѣчности полагать на слѣпую удачу; ежели сіе не есть безуміе, то уже я не знаю, что означаетъ слово сіе. Сіе безуміе столь велико, что превышаетъ и то нелѣпое безуміе Индѣйскихъ женщинъ, которыя, обуявъ умомъ, въ великолѣпнѣйшемъ нарядѣ, при звукѣ дикихъ инструментовъ пляшучи, бросаются въ огонь. Поступать противъ чувствованія есть уже не натурально: сколь же безчеловѣчно должно быть то, чтобъ соблазнять невинныхъ и похищать у нихъ вещь драгоцѣннѣйшую, покой душевный! Боже! доколѣ терпитъ судъ Твой сію дерзость противу нравственнаго скипетра Твоего? Мысль, отъ которой на главѣ кощунствующаго власы вздыматься должны! Но время сіе не далеко.

Собственная моя участь понудила меня писать противъ сего рода враговъ человѣчества, и предложить ощутительно Божественное достоинство испытанныхъ истиннъ религіи. Случай къ оному былъ слѣдующій:

Послѣд-

Послѣднее мое въ чужихъ земляхъ пребываніе привело меня въ тѣсное знакомство съ однимъ знатнымъ Министромъ. Я удивлялся великимъ свѣдѣніямъ его въ обширномъ полѣ знаній человѣческихъ, но притомъ ужаснулся непреодолимой силѣ невѣрія его въ религіи, которое превосходило и великость духа его. За столомъ обыкновенно упражнялся онъ въ тончайшихъ насмѣшкахъ противъ Христіянства. Часто случалось намъ вдаваться въ философической споръ о религіи, въ чемъ находилъ онъ удовольствіе свое. Необычайное чтеніе подавало остротѣ его всегда новую матерію противъ святыни человѣчества. — Наконецъ узналъ я всю систему господина сего, привелъ ее въ тотъ порядокъ, въ которомъ находится она въ сочиненіи семъ; показалъ наготу и неосновательность оной, и утвердилъ истинну религіи, такъ какъ натура и чувствованіе сердца человѣческаго насъ оной научаетъ. Сперва отдалъ я сочиненіе мое на разсмотреніе одному извѣстному Богослову, характиръ котораго составляли правота и смиреніе.

реніе. Чистосердечная похвала почтеннаго старца сего, котораго прахъ я на вѣки почитаю, ободрила меня къ изданію онаго. Но я отдалъ его тому самому, противъ кого оно писано было. Первый благословенный плодъ трудовъ моихъ былъ тотъ, что съ того самаго времени прекратились вдругъ всѣ кощунства. Еще болѣе онъ сталъ меня слушать, когда изображалъ я чувствованія и виды для вѣчности сотворенной души моей. Онъ подтверждалъ вѣру мою; поелику оная содержала умъ мой въ веселіи. Но предоставилъ себѣ разсмотреніе правилъ моихъ, которое однакожъ взялъ съ собою въ могилу, хотя я ему еще и изъ отечества моего письменно оное напамятовалъ.

Нѣкоторые трудовъ моихъ любители объявили мнѣ, что хотя противъ деистовъ довольно приведено доказательствъ, но что буду я отвѣчать натуралистамъ, имѣющимъ натуру на своей сторонѣ? Признаюсь, что отъ сего я было нѣсколько оробѣлъ, но Святое Провидѣніе подкрѣпило слабость мою тайнымъ

нымъ мановеніемъ. Я зналъ, въ чемъ долженъ былъ состоять свѣтъ, обѣтованный мнѣ Богомъ до того времени, когда угодно стало святому совѣту Его привести меня непримѣтнымъ образомъ къ сокровенной премудрости въ тайной художественной храминѣ Божіей. О сколь уязвили разумъ мой отъ воззрѣнія на творящую натуру! Какое различіе между естественною мудростію, мудрыми преданною, и между философіею, ипотезами наполненною, въ которой заблуждался я до сего времени! Тѣ, которые хвалятся натурою, знаютъ ее менѣе всѣхъ. Забавляются скорлупами, ядра не имѣя. Откровенная религія вездѣ согласуется съ естественною мудростію древнихъ. Премудрость Божія соединила наитѣснѣйшимъ образомъ натуру съ откровеніемъ. Разлученіе ихъ бѣдственное начало всѣхъ раздоровъ. И самая Божественная книга религіи нашей начинается таинственнымъ и чудесъ исполненнымъ повѣствованіемъ о твореніи, которое согласно съ тѣмъ, что Богъ друзьямъ своимъ видѣть допускаетъ. Величайшіе угод-

ники и Пророки ветхаго завѣта не были ль въ тожъ время и натуры проповѣдниками? Давыдъ, пророчествовавъ столь много о Мессіи и царствѣ Его, не приводитъ ли насъ въ тоже время къ славѣ Божіей въ чудесахъ Его на небесахъ и на землѣ? Преславный Спаситель прославлялъ дѣла Отца своего какъ въ царствѣ натуры, такъ и въ благодати. Учитель язычниковъ Павелъ упоминаетъ о познаніи невидимаго Бога въ міроправленіи. Просвѣщенный Іоаннъ Арндтъ указываетъ въ истинномъ своемъ Христіянствѣ особливо на дѣла творенія въ образующей натурѣ. Воистинну когда разсмотримъ оное при свѣтѣ истинны, то увидимъ, что не можетъ быть истинное богословіе безъ познанія Бога въ натурѣ и міроправленіи, и въ соединенной съ оными первобытной премудрости, и не можетъ быть прямая философія безъ откровеннаго познанія Божества, которое есть источникъ всякой мудрости человѣческой.

Сіе ободрило меня довершить сочиненіе, которое выше силъ моихъ

быть

быть казалось. Помощь Свѣта Вышшаго подала мнѣ силу показать наготу натурализма, и предложить истинну откровенной религіи по чувствованію Христіянскому, безъ всякаго украшенія въ собственномъ ея сіяніи.

Благое намѣреніе трудовъ моихъ, стремившееся къ тому, чтобъ знатную часть отечества моего, для которой особливо я сіе пишу, сохранить отъ невѣрія и изъ онаго исторгнуть, оправдаетъ изданіе сочиненія моего. Можетъ ли что быть сего драгоцѣннѣе, когда сердце при всѣхъ искушеніяхъ пребываетъ твердо; когда избавляется оно всякаго сомнѣнія и въ блаженной вѣчности удостовѣряется? Хотя нѣсколько душъ обратятся симъ трудомъ моимъ, то я довольно награжденъ.

Боже, источникъ всякой премудрости! обрати заблуждшихъ на путь истинный, и укрѣпи почитающихъ Тебя.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Видя отечество мое шагами исполиновъ въ просвѣщеніи шествующее, радуюсь я купно съ вами, единоземцы мои. Но проходя пространное поле исторіи всѣхъ народовъ, видимъ мы, что корень погибели народной есть развращеніе сердечное; и для того предлагаю я вамъ въ знакъ усердія моего книгу, которую почитаю я удобною къ предохраненію отъ зла сего. Что можетъ быть полезнѣе религіи, когда она только отъ суевѣрія очищена?

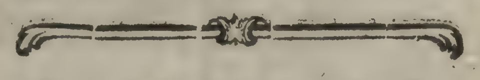
Вы, богобоязливые Мужи! читая оную, радуйтесь истинному усердію просвѣщеннаго проповѣдника. Ты же, благородное юношество, скользкимъ путемъ страстей шествующее! размысли, читая оную, и остерегись Бога ради. Ежели же по щастію попадется книга сія въ твои руки, о заблуждшійся! не стыдись, отринувъ гордость, признаться внутренно въ заблужденіи твоемъ; вспомни, какой страшной порокъ есть гордость! Разсуди, какой ради корысти проситъ тебя человѣкъ, совсѣмъ тебѣ неизвѣстный!

А вы, искреннѣйшіе друзья мои! вы, которыхъ путь есть правота, ученіе страхъ Божій и примѣръ трудолюбіе; великодушіе ваше не требуетъ ни похвалы, ни воздаянія подвигамъ вашимъ! ежели вамъ пріятенъ будетъ трудъ слабаго послѣдователя вашего, то онъ слишкомъ заплаченъ. Ежели полезенъ будетъ онъ единоземцамъ нашимъ, вамъ они обязаны.

СОДЕР.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТИННА ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГІИ ПРОТИВЪ НЕВѢРІЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ.



ОТДѢЛЕНІЕ I.

Что есть вольнодумцы.

Вольнодумцами, или деистами, называютъ обыкновенно тѣхъ, которые представляютъ себѣ Божество отъ міра отдаленное и о человѣкахъ не пекущееся, и посему почитаютъ себя освобожденными всякаго повиновенія религіи. Ихъ называютъ еще и любимымъ ихъименованіемъ: (Esprit fort) крѣпкими умами; потому что мнѣнія свои почитаютъ они непобѣдимыми. Но мнимая сія крѣпость состоитъ въ одномъ гордомъ вообраҗеніи ихъ, тѣмъ болѣе ожесточающемся, чѣмъ болѣе боятся беспокойства сердечнаго при помышленіи о важной вѣчности. Они имѣютъ мѣсто ме-

жду богоотступниками и натуралистами, однакожъ подходятъ ближе къ первымъ. Хотя они и не хотятъ полагать различія между вольнодумцемъ и натуралистомъ, но симъ прикрываютъ они только наготу свою. Натура уже столь ощутительна, что не могутъ они оную не признавать; она столь достойна почтенія, что не льзя имъ не прикрыться и личиною ея. Тѣмъ, которые ни о чемъ никакого свѣдѣнія не имѣютъ, должно простить, когда атеистовъ, епикуровъ, натуралистовъ, вольнодумцевъ, вольнокаменьщиковъ, вольномыслящихъ, еретиковъ и сему подобныхъ, одного съ другимъ мѣшаютъ. Кто недовольно суевѣренъ, тотъ въ глазахъ народа покажется тотчасъ еретикомъ, атеистомъ и проклятымъ человѣкомъ. Но благоразумный человѣкъ не такъ разсуждаетъ: онъ разсуждаетъ надлежащимъ образомъ тамъ, гдѣ самое дѣло требуетъ различенія.

Атеистъ, или безбожникъ, приписываетъ все мірозданіе и перемѣны, въ ономъ случающіяся, слѣпому случаю, нечаянности, мечтѣ. Онъ, уничтожая Божество, уничтожаетъ всю премудрость въ міроправленіи и всякую религію и

нрав-

нравственность. Таковой безумныхЪ дома кандидатЪ не достоинЪ быть между человѣками, и яко вЪ умѣ повредившійся, достоинЪ презрѣнія.

Грубый епикуреицЪ хотя вѣруетЪ вЪ Бога, однакожЪ живетЪ такЪ, какЪ будто бы Его не бывало. Необузданно слѣдуетЪ онЪ свирѣпымЪ похотямЪ своимЪ. ОнЪ атеистЪ практической, скотЪ вЪ видѣ человѣческомЪ, и достоинЪ удерживаемЪ быть тѣлесными наказаніями.

ДеистЪ, или вольнодумецЪ, хотя вѣруетЪ Божеству и единому всеобщему Божественному промыслу, но отрицаетЪ особливый промыслЪ Божій, бдящій о каждомЪ особенно, и чрезЪ сіе, подобно атеисту, уничтожаетЪ всякую религію. Отдаляя отЪ міра Божество, отдаляетЪ и всякое будущей жизни чаяніе, и колеблетЪ, сколько можетЪ, столбы правленія. Вольнодумческое хуленіе на святилище человѣчества заслуживаетЪ противу нихЪ болѣе ревнованія, нежели упущенія. И для того намѣрены мы, ежели они не совсѣмЪ еще ожесточились, стараться вывесть ихЪ изЪ заблужденія, прежде нежели отяготится на нихЪ рука Божія.

Натуралистъ хотя признаетъ слѣды все управляющаго Провидѣнія изъ разсмотренія міра, и почитаетъ оное, но остается при единой религіи слабаго разума, принаравливая сходственно своимъ склонностямъ и образу мыслей своихъ. Онъ не хочетъ вѣдать ни о какомъ откровеніи, не взирая на то, что и разумъ первый свѣтъ свой получилъ отъ оной. Чѣмъ менѣе знаетъ онъ натуру, тѣмъ болѣе обманываетъ его мнимый умъ его, но тѣмъ болѣе достоинъ онъ нашего сожалѣнія и просвѣщенія духа его.

Вольный Каменьщикъ есть членъ тайнаго заключеннаго общества, которое, яко ревнующее по примѣру преждебывшихъ мудрецовъ, кажется, будто соединилось на то, чтобъ изъ развалинъ древняго храма премудрости воздвигнуть новое зданіе. Опыты великодушія, обществомъ симъ въ разныхъ мѣстахъ оказываемые, чему учрежденіе первой публичной библіотеки въ отечествѣ моемъ есть новый примѣръ, дѣлающій оному честь отличную. Но одного ли они происхожденія съ орденомъ Златаго Руна, отъ котораго осталось намъ одно только славное имя, сего рѣшить я не пред-

принимаю. Но я думаю между тѣмъ, что большая часть членовъ ихъ должна довольствоваться одними скорлупами тайностей ихъ, когда напротивъ того есть въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторые, кои обладаютъ ядрами таинствъ сихъ, не бывъ никогда принятыми членами онаго. Жалко бы мнѣ было, ежели бы мысль сія пустое было воображенїе.

Вольнодумецъ не столь опасное творенiе, какъ объ немъ думаютъ; онъ столько же мало опасенъ, какъ человѣкъ, ни чьимъ мыслямъ не слѣдующїй, которой, подобно оному благородному Бергензеру, все подробно испытуетъ. Натура и писанiе даютъ ему право къ сему. Какъ человѣкъ, ни чьимъ мыслямъ не слѣдующїй, противуположенъ тому, коего ученiе заключаетъ въ единой памяти; такъ свободномыслящїй сектику. Испытанїе его свободно отъ суемыслiя и предразсудковъ, познаетъ истинны въ согласованiи съ натурою, мiроправленїемъ и сердцемъ его. Каждая изъ оныхъ, ощущаемая имъ, для него тѣмъ безцѣннѣе, чѣмъ драгоцѣннѣе ему слѣдствiя оной въ будущемъ; прочiя оставляетъ онъ въ достоинствѣ ихъ. Должно ли его почи-

читать еретикомъ и проклинать за то, что онъ нелѣпо учителямъ своимъ вѣритъ; за то, что не хочетъ смотрѣть чужими очками; за то, что онъ ту, или другую часть принятыхъ положеній богопочитанія въ тишинѣ про себя отмѣняетъ, а держится самаго корня? Безотвѣтственное совѣсти принужденіе и громовая анаѳема страшитъ еретика, но не убѣждаетъ.

Еретикомъ же можно только того назвать, которой неистовыя свои и Святому Писанію противорѣчущія воображенія распространяетъ вмѣсто Божественныхъ истиннъ, и чинитъ чрезъ то заблужденія и расколы. Онъ тѣмъ болѣе достоинъ наказанія, чѣмъ болѣе нарушаетъ наружный покой.

Мы по настоящему намѣренію нашему будемъ говорить о вольнодумцахъ.

Предъидущее изображеніе, какимъ образомъ вольнодумческое невѣріе образуемо, дастъ намъ особливый свѣтъ въ познаніи сего. Оно покажетъ намъ также причины, для чего богопочитаніе, сей нравственный союзъ между Творцемъ, твореніями и человѣкомъ, разорвать стараются.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Какъ вольнодумство происходитъ.

Начало вольнодумческаго невѣрія происходитъ отъ недостатка основательности въ наставленіи при образованіи духа, склоннаго отъ натуры представлять нѣчто странное. Катехизическія истинны, монастырскія правила, науки, зависящія отъ памяти, школьнымъ образомъ изученныя, не удовлетворяютъ живой и дальномыслящій умъ. Признаніе предписанныхъ понятій и положеній (опредѣленій) еще не составляетъ доказательства. Сомнѣнія, противу оныхъ предложенныя, не уничтожаются, но представляются токмо ненавистными. Принужденіе къ молитвѣ и наружному богослуженію безъ возбужденія внутренняго движенія почитается бременемъ, отъ котораго бы охотно себя уволить хотѣли. — Высокой родъ, знатное воспитаніе, стремленіе къ чести и во всемъ свободное поведеніе благороднаго, суть весьма прелестны, и возжигаютъ желаніе быть вольнымъ и независимымъ. Весьма прелестенъ образъ вольности; ибо свобода соедине-

на со многими преимуществами. Она есть златая драгоцѣнность, за которую нѣкоторые и жизнь и тѣло приносятъ въ жертву, когда она (то есть свобода) честолюбіемъ распаленна бываетъ. Напротивъ того всякое принужденіе есть бремя, тѣмъ несноснѣйшее, чѣмъ болѣе вкушаютъ сладость вольности и чести. Сколь легко отъ свободы состоянія своего между людьми впасть въ беспредѣльную вольность духа! Сія, то есть послѣдняя, состоитъ въ томъ, чтобъ все себѣ позволить, не давая никогда ни за что отвѣта. Неосторожное поведеніе нѣкоторыхъ приставниковъ и проповѣдниковъ, непристойное житіе большой части Христіянъ, кои всѣ правовѣрными именуются; духъ гоненія и проклятія разныхъ толковъ въ религіи, отлагающихъ царственную заповѣдь любви, впечатлѣваютъ въ сердца глубокое отвращеніе. Въ добавокъ къ сему, и втвержденное преимущество знатнаго рода, которое требуетъ, чтобы не казаться столь мѣщански набожнымъ. О! сколь легко предается пылкость незрѣлаго юношества, не имѣющаго еще истиннаго чувства богопочитанія, къ той

сторонѣ, которая льститъ увеселенiемъ ея!

Царствующее въ высокихъ школахъ беспорядочное житiе беспутныхъ учениковъ, обычайная тамъ ненависть юриспрудентовъ противъ богослововъ, и наподобiе сороки, что въ притчѣ намъ извѣстна, хитросплетенныя положенiя начинающихъ (Новицiатовъ) учителей дѣлаютъ суетными въ короткое время поученiя добраго воспитанiя, и неприметно вливаютъ склонность къ невѣрiю. Во всѣхъ собранiяхъ копятъ себѣ матерiи къ отмѣннымъ мнѣнiямъ. Преходятъ къ сочиненiямъ, наполненнымъ посмѣянiя противъ религiи и святѣйшiя истинны въ смѣхъ поставляющимъ. Ѣдкiя сатиры почти ту же имѣютъ силу, которую великая богиня моды имѣетъ тогда, когда до религiи касается. Сiи наполняютъ умъ вящшими сомнѣнiями, и утушаютъ надежду на Бога. Начинаютъ самихъ философовъ почитать слабоумными. Педантство столь многихъ ученыхъ, шарлатанство суетныхъ философовъ и неосновательность нѣкоторыхъ духовныхъ особъ умножаютъ подозрѣнiе противъ религiи.

Обращеніе въ большемъ свѣтѣ воспламеняетъ еще болѣе огнь сей. Слышатъ подобныя мнѣнія отъ многихъ вельможъ, коихъ знатность ослѣпительна, и которыя погрѣшностями нѣкоторыхъ исповѣдателей религіи забавляются на щетъ самыя религіи. Свѣтской родъ жизни требуетъ послѣдовать сей модѣ. Пріучаются къ языку насмѣшниковъ, прельщаются важнымъ титломъ остраго, или крѣпкаго духа, и симъ вездѣ нравятся. Чѣмъ менѣе находитъ тутъ вольнодумецъ сопротивленія, провожденнаго смиреніемъ и мудростію, тѣмъ болѣе утверждается въ немъ невѣріе, и болѣе побѣды онъ себѣ приписываетъ. Гордо торжествуетъ тутъ мнимая вольность и независимость отъ религіи.

Одно только препятствіе встрѣчается воину нашему на пути, а имянно внутренній судія, совѣсть. Дабы неусыпный стражъ сей не казался страшнымъ, ищутъ, какъ бы видъ его слабѣе показать. Увѣряютъ себя, что будто охраняющій и наказующій гласъ его есть не иное что, какъ дѣтскія впечатлѣнія, отъ воспитанія зависящія. Но не успѣ-

ютЪ обозрѣться, и се паки предстоитЪ сей забавЪ ихЪ нарушитель. Стараются, какЪ бы свергнуть иго сіе. Изыскиваніе становится важнѣе. Религія приписываетЪ совѣсти Божественное начало. Высокое происхожденіе сіе требуетЪ повиновенія, сЪ которымЪ мнимая свобода вмѣстѣ быть не можетЪ. Что же дѣлать? Хотѣніе быть вольну и независиму желаетЪ, чтобы БогЪ не положилЪ преграды сей. ЧемужЪ охотнѣе вѣрятЪ, какЪ не тому, чего желаютЪ? И что отметаютЪ легче, какЪ не то, что прежде сего скоропостижно понимали? Смѣлое изреченіе тѣхЪ, которые за честь себѣ ставятЪ говорить противЪ чувства своего, утверждаетЪ оное, и новое ученіе отЪ міра отдѣленнаго вЪ уединеніи пребывающаго Божества весьма тутЪ кстати приходитЪ. Обѣими руками хватаются за ученіе, освобождающее отЪ заботы будущаго отвѣта и отЪ всякаго принужденія. ЧегожЪ еще не достаетЪ кЪ сему заключенію, что цѣлая религія ничто иное есть, какЪ выдумка правленія для черни? НаконецЪ опровергаютЪ всѣ оплоты ума, религіи и совѣсти.

Та-

Такимъ образомъ раждается крѣпкій духъ въ воображеніи. Но вмѣсто того, чтобъ найти независимость и вольность, мѣняютъ только иго, и подвергаются власти своихъ собственныхъ страстей. Одна только наружность въ честолюбивыхъ духахъ удерживается, а тайно позволяютъ себѣ все, прикрывая себя личиною добродѣтели. Прочіе вольнодумческія положенія вкрадываются мало помалу, и исторгаютъ послѣдніе остатки вѣры.

Ежели вольнодумецъ по беспорядочномъ житіи своемъ впадетъ въ недостатокъ, тогда дѣлается онъ совѣтникомъ совѣсти богатыхъ шалуновъ, дабы имѣть участіе въ расточеніи ихъ. Тѣмъ любезнѣе онъ бываетъ, чѣмъ болѣе знаетъ искусство изгонять страхъ будущаго, пока ясные дни продолжаются.

Совсѣмъ иной оборотъ происходитъ при рожденіи (началѣ) моднаго вольнодумца: знаніе его есть дымъ и вѣтеръ; онъ боится обличить наготу свою; онъ занимаетъ личину вольнодумца, какъ убѣжище всякаго невѣдѣнія. Превозносится онымъ, ругается всѣми, Бога чтущими, не объявляя чего ради. Ругается вся-

всякому богопочитанію противъ чувства своего, поноситъ Священное Писаніе, не зная онаго; хулитъ святилище Христіянства и ругаетъ самъ себя, похищаетъ почтеніе и привязанность къ себѣ у незнающихъ еще собратій своихъ, покупаетъ титлы и преимущества для возвышенія своего. Между тѣмъ смѣются ему всѣ разумные, и презря его, оставляютъ его пресмыкаться.

Такое начало сихъ двухъ родовъ вольнодумства, основанное на опытѣ, и каждое свойственнымъ себѣ образомъ показуетъ весьма явно злой корень свой, не могшій никакъ произойти изъ чистаго познанія и беспристрастнаго испытанія истинны. Какое же право имѣетъ невѣріе? Вообразимъ себѣ побѣду надъ вѣрою религіи? Не любовь къ истиннѣ по чувствамъ сердечнымъ, но страхъ взысканія будущаго Судіи за нарушеніе совѣсти родилъ вольнодумческое невѣріе. Страхъ сей родилъ сперва желаніе равнодушія въ Богѣ, а сіе родило сомнѣніе о Божественномъ промыслѣ. Обращеніе съ тѣми, которые почитаютъ за преимущество крѣпкаго ихъ духа говорить противъ чувства своего, питало и укрѣ-

пило

пило сомнѣніе сіе, остроуміе украсило его, а долговременная привычка учинила наконецъ мнимою подлинностію, не упоминая о тѣхъ, которые ложной чести ради хотятъ таковыми быть, и помогать себѣ нѣкоторыми похищенными и худо понимаемыми положеніями философіи. Сколь мало можетъ изтекать здравой воды изъ ядовитаго источника, столь мало можетъ быть изъ вольнодумства пользы человѣчеству. Горе тому, кто язвою сею зараженъ! О когда бы здѣсь вольнодумцы очувствовались!

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О положеніяхъ вольнодумцевъ.

Вольнодумцы, выдающіе за смѣхъ все то, что богопочитаніемъ называется, сами не имѣютъ никакой системы ученія. И отъ чего оной и быть, когда они съ намѣреніемъ лишаютъ себя познанія натуры и сердца своего, взявъ намѣреніе ничему иному не вѣрить, кромѣ того, что глазами видятъ и понимаютъ? Положенія ихъ суть болѣе отрица-

ца-

щательныя и сомнительныя, нежели существенныя. Да и симъ малымъ положеніямъ сами они не вѣрятъ; ибо оныя ничто иное суть, какъ пощада страстей ихъ. Сіе можно изъ собственныхъ ихъ противорѣчій легко примѣтить.

Притомъ они между собою совсѣмъ различнаго свойства. Справедливѣйшіе изъ нихъ, имѣющіе познаніе другихъ вещей и человѣколюбіе, и ради токмо ослабленія противныхъ правилъ отрицаютъ то, чему тысячи безъ доказательства вѣрятъ, и пріемлютъ еще нѣкоторыя основанія истинны. Для сихъ-то и пишу я. Тѣхъ же, кои отъ единаго слѣпаго честолюбія число безумныхъ умножаютъ; которые обличаютъ стыдъ свой, повторяя, подобно попугаю, рѣчи другихъ людей; которые съ пустыми презрительными насмѣшками нападаютъ безъ всякой пристойности, и которыхъ вся система состоитъ почти въ единомъ словѣ, *пустое*! таковыхъ до времени изтязанія оставляемъ мы съ истиннымъ сожалѣніемъ ихъ ослѣпленному своенравію и противорѣчію сердецъ ихъ.

Главнѣйшія положенія вольнодумцевъ, обнаруживающія вездѣ нагоиу ихъ, и

приведенныя нами изъ угожденія во всевозможной порядокъ со всѣми ихъ прикрасами и мнимыми доказательствами, суть слѣдующія:

Они, то есть вольнодумцы, хотя не полагаютъ слѣпаго случая на вѣчномъ престолѣ Божества сѣдящаго (ибо противъ воли должны они признавать Творца за первое начало всѣхъ вещей. Возрѣніе на міръ, на сіе зерцало славы Божіей, убѣждаетъ ихъ въ ономъ), однакожъ онъ для нихъ есть то, чего они не вѣдаютъ. Сомнѣніе въ тѣхъ свойствахъ, безъ которыхъ Богъ не можетъ быть Богомъ, слишкомъ явнс сіе показуетъ. Можно легко видѣть, что свойства сіи суть тѣ, кои имъ неприличны; ибо противятся страстямъ ихъ. Сіи суть: вопервыхъ, вездѣсущность, всевѣдѣніе, святость и правосудіе. Здѣсь защищаются они непостижимостію невидимаго существа Божія. Кто можетъ опредѣлить свойства Божества, въ чемъ Оно упражняется, имѣетъ ли и какія имѣетъ Оно намѣренія? вопрошаютъ они. Впрочемъ признаютъ они всеобщее Божеское провидѣніе въ учрежденіи міра, въ созданіи человѣчества и въ содержа-

ніи

нiи всѣхъ вещей вообще; но отрицаютъ особенно Божеское смотренiе, простирающееся на все и каждое творенiе, и бдящее надъ каждымъ человѣкомъ особенно. Они говорятъ: Богъ чуждъ мiра сего и слишкомъ великъ къ тому, чтобъ помышлять о частныхъ онаго вещахъ. Онъ содержитъ только роды веществъ силою, вложенною въ нихъ единожды на всегда. Перемѣны и слѣдствiя оныхъ предоставляетъ Онъ механическому мiра установленiю. Онъ великую сiю махину единожды завелъ, далъ ей ходъ и снабдилъ довольными пружинами, дабы она сама себя содержать могла; что она есть дѣло совершеннѣйшаго Художника, не требующее отъ мастера своего ни малѣйшаго поправленiя; что отъ единаго разума человѣческаго зависитъ вести себя въ сплетенiи судебъ мiрскихъ; что щастiе и случай суть пустыя слова и вмѣстѣ съ жизнiю и смертiю подвержены неминуемой судьбинѣ. Чему же дивиться, что они всѣ чудеса за басни, въ Священномъ Писанiи преподанную повѣсть за сказки древности, а ученiе Пророковъ и Евангелiя почитаютъ за воспаленiе ума.

Еще отрицаютъ они бытіе души, яко духа отмѣннаго отъ тѣла, говоря, что и самые учители о душѣ не знали, что изъ нее дѣлать; что нѣсколько вѣковъ почитали ее равной величины съ тѣломъ, и вдругъ сократили въ самую единицу; что ни о чемъ столько распри у Философовъ не было, какъ о соединеніи души съ тѣломъ. И такъ, чтобъ скорѣе все сіе прекратить, говорятъ они, что души нѣтъ, и что то, что душею называютъ, есть матеріяльное и состоитъ въ органическомъ строеніи нашего тѣла; что состоитъ она единственно въ свойствѣ мозга и крови, ибо съ тѣломъ вдругъ прибавляется и убываетъ; что въ человѣкѣ мыслящая сила есть только тончайшій механизмъ, нежели во звѣряхъ; что души Лейбница, трубочиста, собаки и рыбы разнствуютъ только въ степеняхъ, и что послѣднимъ двумъ не достаетъ только одного языка; что у груднаго ребенка и у щенка одинакой разумъ. Сколько разныхъ темпераментовъ и составовъ крови, столько разныхъ мнѣній. Чѣмъ лучшій имѣлъ человѣкъ съ дѣтства своего присмотръ и пищу, тѣмъ тонѣе будетъ

детъ его душа. Отними отъ него воспитаніе, то она отъ дикой пищи одичаетъ. Что сіе видно было въ дикомъ мальчикѣ, пойманномъ въ Польшѣ на медвѣжьей охотѣ, которой, кромѣ вида, ничего человѣческаго въ себѣ не имѣлъ; что постепенно разное состоянie души во снѣ, пьянствѣ, горячкахъ и обморокахъ оное еще болѣе доказываетъ. Гдѣ усматриваются тогда разумныя дѣйствія духа? Когда спитъ тѣло, спитъ и душа, и много, ежели когда видитъ что во снѣ. Когда тѣло добро, здраво и трезво, тогда и душа разумна. Когда тѣло обременяется горячими напитками, тогда и душа въ туманѣ и безуміи. Когда тѣло крайнѣ больно, тогда душа въ неистовствѣ. Когда же случится тѣлу обморокъ, то и совсѣмъ души не видно. Ежели же она во снѣ мало и безпорядочно, въ горячкахъ сбродно, а въ обморокахъ и совсѣмъ ничего не мыслитъ: то что уже будетъ дѣлать тогда, когда тѣло смертію совсѣмъ разрушится?

Сколь утвердительно отметаютъ они изъ наружности сей безсмертіе души и будущую жизнь послѣ смерти! Во-

ображаютъ себѣ, что опредѣленіе наше кончится при гробѣ, и другіе заступаютъ наше мѣсто; что при смерти не имѣемъ ожидать ни добраго, ни худаго; что каждой и здѣсь получаетъ по естественному слѣдствію дѣлъ своихъ награжденіе и наказаніе. Чаяніе будущаго щитаютъ они подобно пріятнымъ мечтамъ влюбленнаго. Они приписываютъ оное суетности человѣческой, любящей льститься воображеніями.

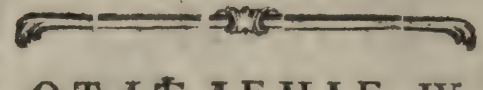
Изъ всего онаго заключаютъ они, что не имѣемъ мы иныхъ должностей, кромѣ тѣхъ, кои насъ другъ другу обязываютъ; поелику въ нѣкоторомъ союзѣ между собою находимся. Что до самихъ насъ касается, тому научаютъ насъ чувства наши и нужды, что по правиламъ разсудка дѣлать и чего не дѣлать должно; что впрочемъ всѣ дѣйствія, отъ организаціи зависящія, позволяются до тѣхъ поръ, пока они намъ не вредны и не нарушаютъ общій покой; но что должность Богопочитанія и религіи есть пустое воображеніе; что не должно о Божествѣ судить человѣчески, ниже приписывать Всевышнему честолюбія.

Кто

Кто будетъ отъ червя почтенія требовать? Что Богъ столь великъ, что мы Ему ни угодить, ни оскорбить Его не можемъ; что молитва наша совсѣмъ есть лишнее; ибо она ни малѣйшаго не имѣетъ дѣйствія; что, однимъ словомъ, всякое Богопочитаніе выдумано политикою, дабы чернь въ уздѣ содержать. Естьлибъ было оно истинное, тобъ надлежало учащимъ оное прежде всѣхъ его исполнить. А гдѣ столько гордыхъ лицемѣровъ и тунеядцовъ, какъ между тѣми, которые Божіими служителями именуются?

Наконецъ хвалятся они, что имѣютъ то чистѣйшее познаніе, которое никакими ложными видами, никакими суевѣріями, никакими баснями не повреждено; что великодушное, благородное и чистое сердце они почитаютъ, хотя и не имѣетъ оно никакого вліянія на судьбу послѣ смерти. И такъ гдѣ же, говорятъ, нравоученіе чистѣйшее, нежели у тѣхъ, которые стремятся быть честными людьми и добрыми гражданами міра, не надѣясь никакого воздаянія и не страшась будущаго наказанія?

ВЪ семЪ состоитЪ бѣдственная система вольнодумцевЪ, вЪ большей части положенiй едва достойная отвѣта, хотя мы ее вЪ самой ея силѣ описали.



ОТДѢЛЕНIЕ IV.

КакЪ отвѣтствовать вольнодумцамЪ.

Теперь приступаемЪ мы кЪ важному вопросу: какЪ невѣрiю вольнодумцевЪ отвѣтствовать должно?

Религiя двухЪ главныхЪ имѣетЪ враговЪ: идольское суевѣрiе и вольнодумческое невѣрiе. Прикрывшись личинами, одинЪ вооружается палицею, а сей, будучи нагЪ, острыми стрѣлами и щитомЪ желѣзнымЪ. Сколь разнствуютЪ оба сiи оружiя между собою, столь должно разнствовать и наше сопротивленiе. Мы предложимЪ кЪ разсмотренiю назначиваемое противЪ вольнодумцевЪ и испытаемЪ каждый родЪ опровержений, противЪ ихЪ употребляемыхЪ.

1) То, что дѣлаетЪ Божественное Писанiе несомнѣннымЪ, вольнодумцами за ничто почитается. Библiю, сей почтенiя достойный монументЪ древности,

сти, безстыдно называютЪ они вымысломЪ. ПовѢствованія оныя суть для нихЪ сказки. ЯзыкЪ древности вЪ изнѢженныхЪ ихЪ ушахЪ весьма Бензаддовымъ (*) слышится; да и самое нравоученіе Іисусово симЪ изЪ розЪ ядЪ сосущимЪ паукамЪ подаетЪ матерію кощунствовать. ДоколѢ не докажутЪ имЪ Божественность откровенія и вЪ сокровенной вЪ ономЪ первоначальной премудрости, дотолѢ напрасно будутЪ противу ихЪ употреблять духовное оружіе. Тщетною горите вы ревностію, провозвѢстники Господни, когда вы угрожаете, клянете, осуждаете и опредѢляете имЪ степень глубины во адѢ; не сей есть путь обращенія вольнодумца. Опасаюсь, чтобЪ онЪ, осмѢявЪ васЪ, еще болѢе не ожесточился. Каждое движеніе ревности вашей принимаетЪ онЪ знакомЪ слабости дѢла, вами защищаемаго, и торжествуя, побѢду себѢ приписываетЪ. Всякое совѢсти угнѢтеніе для него мерзостно. Сами мы презираемЪ гоненіе и почитаемЪ оное оскорбленіемЪ человѢчества и дерзскимЪ приписываніемЪ скиптра Божія.

(*) Имя одного Персидскаго древняго Философа.

О душа моя! не вниди въ совѣтъ сей. — Сколь ясна простота натуры и истинна Евангелія для тѣхъ, которые силу Божественнаго его содержанія и согласованіе съ сокровеннѣйшимъ ощущеніемъ сердца чувствуютъ: столь напрасно употребится оно противу тѣхъ, которые, измѣряя все по новому щегольскому вкусу нашихъ развращенныхъ временъ, истребляютъ всякую вѣру, изыскивая для сего различныя увертки. Никогда не можно бы было кончить, естьлибъ вступить съ ними въ обширное поле сіе, да и не нужно. Шагъ сей былъ бы излишне великъ, естьлибъ изъ вольнодумца вдругъ захотѣли учинить Христіянина; того довольно, ежели доведутъ его хотя до признанія и принятія естественной религіи, къ чему относится и намѣреніе сей первой части предлагаемаго сочиненія.

2) Модною философіею господствующихъ мнѣній не токмо не обратишь вольнодумца, но тѣмъ еще болѣе въ невѣріи своемъ утвердится. Съ философіею тоже случается, что о шляпѣ въ Геллертовыхъ басняхъ сказано. Каждая новая оной связка нравится до тѣхъ поръ,

пока

пока другая новѣйшая старую смѣнитъ. Натура же и писаніе должны всякой модѣ быть пристойны. Какъ же невѣрію при семъ не выиграть? Не дѣло вольнодумца есть много размышлять и разсматривать, но что ему не нравится, отрицать, или по крайней мѣрѣ заводить въ сомнѣнія и осмѣивать. Ежели въ философіи найдетъ онъ что нибудь себѣ пристойное, то хватаетъ тотчасъ оное и утверждается на семъ, какъ на неопровергаемой истиннѣ. Механизмъ и матеріализмъ міра сего суть главнѣйшіе сему примѣры. Ежели требуютъ отъ вольнодумца доказательствъ на его положенія, то онъ всячески старается онаго избѣгнуть. И такъ доказывайте, какъ вамъ угодно, вы, великіе школьные мудрецы; дѣлайте хитросплетенныя ученыя понятія и правила; выводите изъ оныхъ безконечныя слѣдствія; ставьте заключенія на заключенія; утомите самый бодрый духъ тѣхъ, кои вамъ удивляются; еще болѣе сочиняйте чертежи натурѣ, предписывайте ей законы; однимъ словомъ, творите новые міры, все будетъ напрасно, покуда свободно мыслящій и вольнодумецъ не будетъ чувствовать

 внут-

внутреннюю силу вашихъ истиннъ. До тѣхъ поръ вамъ связать ихъ узами заключенiй вашихъ столь удобно, сколь удобно натурѣ по ихъ волѣ перемѣниться. Истинна не требуетъ школьнаго доказательства; она величественна и можетъ убѣдить единымъ естественнымъ представленiемъ силы внутренняго свѣта своего. Она есть быстролетящая стрѣла, пробивающая до самой внутренности и всякую личину срывающая, какъ бы кто наружно противъ ее ни ожесточался. Тысяча хитросплетенныхъ положенiй суть противъ естественной и ощутительной истинны то, что ночныя свѣтилы суть противъ солнца. Подлинно тотъ, кто безъ свѣта и духа естественнаго образа мыслей, здраваго разсудка, опытами разширеннаго, не имѣетъ и отдѣляется отъ простой, но величественной натуры, тому не поможетъ никакая философiя, а болѣе заведетъ его въ кривые пути лабиринта.

3) Опыты суть подтвержденiя разсажденнаго познанiя и мудрости между человѣками. Сколь несравненно болѣе ограничились бы и безъ того столь тѣсные предѣлы ума человѣческаго, ежелибъ

мы

мы опыты другихъ въ пользу свою не употребили! Но и тутъ вольнодумцы берутъ только то, что имъ пристойно. Въ политическомъ проницаютъ они съ Арговыми очами въ потаеннѣйшіе кабинеты, и тамъ всякой камердинеръ для нихъ Евангелистъ. Но какъ скоро касается до религіи, склонности его ограничивающей, то вдругъ отлагаютъ они всю вѣру человѣческую, на примѣръ: ежели хотятъ доказать примѣромъ частное провидѣніе Божіе, какимъ чудеснымъ образомъ явилъ Богъ въ семъ, или другомъ случаѣ Отеческій промыслъ свой, то отрицаютъ они или самую повѣсть, или по крайней мѣрѣ чудесное въ оной, и принимаютъ оную за романъ. Ежели же можно показать имъ очевидные примѣры, которые или при нихъ случились, или имѣютъ вѣрныхъ и очевидныхъ свидѣтелей, а особливо такіе примѣры, изъ коихъ видно, что кому нибудь предъявлены были будущія приключенія, которыя послѣ точно исполнились: то поистиннѣ противъ сего ничего прямаго не отвѣчаютъ. Но сколь труденъ сей пунктъ!

4) Столь же трудно достигнуть намѣренія своего противъ вольнодумцевъ пространными сочиненіями. Вы, честные религіи защитники, въ трудахъ ночи провождающіе, древности востока и запада испытующіе, мудрѣйшія примѣчанія изъ сихъ остатковъ первоначальной мудрости извлекающіе! патріотическіе труды ваши достойны почтенія, ревность ваша къ человѣчеству праведна, прилѣжность ваша приводитъ въ удивленіе. Объ одномъ мы при семъ сожалѣемъ: вольнодумецъ пугается великости трудовъ вашихъ, и оставляетъ ихъ не читавши. Онъ любитъ краткость и однѣ такія положенія, которыя отрицать не можно, и которыхъ связь съ другими истиннами тотчасъ пересмотрѣть можно. Отдалите его отъ шума мірскаго, внушите сперва терпѣніе, самопознаніе и желаніе своего спасенія, тогда получите желаемой успѣхъ. Между тѣмъ труды ваши пребудутъ сокровищемъ Христіянства къ сохраненію вѣрующихъ, и подобно вѣнцамъ препроводятъ васъ въ вѣчность.

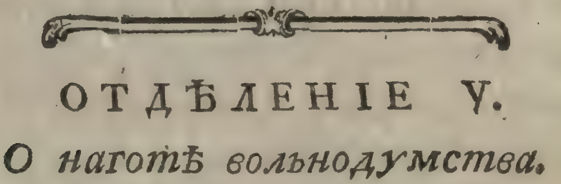
5) Еще остается сатира. Не можно ли оную съ пользою употреблять противъ

тивъ вольнодумцевъ? Никакъ. Сатира имѣетъ свое достоинство въ поправленіи развращенныхъ нравовъ, а не въ защищеніи религіи, требующей благоговѣнія. Мудрованіе и сатира оскверняютъ святилище. Они суть знакъ невѣдѣнія пылкаго, подающаго о себѣ такое подозрѣніе, что онъ не надеженъ на себя защищать доброту религіи; и для того прибѣгаетъ къ школьнымъ крючкамъ. Какъ бы то ни было, пусть ругатели религіи будутъ въ сатирѣ учителями нашими.

Теперь каждой благоразумной читатель можетъ разсудить, какая осторожность, какія ощутительныя основанія потребны для увѣренія таковыхъ противниковъ. Нѣтъ лучшаго для сего средства, какъ показать сперва наготу ихъ невѣрія, неосновательность ихъ положеній и ничтожность ихъ основаній со всею къ стыду ихъ ясностію, и обнажить ухищренія ихъ, и тогда беспрекословными истиннами натуры и собственными ихъ же чувствами увѣрить ихъ въ противоположенной истиннѣ. Доказательства натуры и сердца внутренними ощущеніями суть наисильнѣй-

шія.

шія. Знающій натуру не можетъ быть вольнодумецъ. Не нагое намѣреніе доказать нѣчто, для того только, чтобъ доказать, какъ того иногда ученіе наше требуетъ, но любовь къ драгой истиннѣ, подробно нами испытанной, и въ которой мы сами убѣждены, должна оправдать поступокъ нашъ. Сообразенъ ли мой поступокъ въ настоящемъ сочиненіи учиненному предписанію, отдаю знатокамъ истинны на разсужденіе.



ОТДѢЛЕНІЕ V.

О наготѣ вольнодумства.

Нагота невѣрія вольнодумцевъ и слабость ихъ положеній довольно видимы въ нечистомъ ихъ источникѣ, какъ мы оное выше во II отдѣленіи ясно показали. Но еще яснѣе будутъ они всякому (о естьлибъ только хотѣли сіе прилѣжнѣе разсмотрѣть!) видимы, кто слѣдующіе пункты приметъ во уваженіе.

Вопервыхъ, невѣдѣніе натуры и ея опредѣленія и угнѣтеніе Божественнаго гласа сего есть достовѣрный знакъ неосновательности вольнодумства. Сколькобъ

чобъ послѣдователи онаго ни хвалились тѣмъ, что на своей сторонѣ имѣютъ натуру и ея законамъ слѣдуютъ, все сіе ничто иное есть, какъ покровъ нагоны ихъ. Ничему менѣе не слѣдуютъ они, какъ мудрымъ намѣреніямъ натуры, по которымъ образовалъ Богъ человѣчество. Естьлибъ Богъ и натура не опредѣлили человѣка къ чему ни есть выше того, чтобъ ему только жить, ѣсть, пить, спать, играть между собою нѣкоторыя роли и оставить мудрому въ плодъ единую простоту брата своего, въ чемъ по вольнодумческимъ правиламъ все опредѣленіе натуры для человѣчества и состоитъ: то бы при основаніи и учрежденіи оной много Богъ установилъ напраснаго. Чего бы ради одарилъ Онъ духъ человѣческой безконечными видами и во вѣкъ ненасытнымъ желаніемъ? Сіе бы было нерѣшимою загадкою, ежелибъ не принадлежалъ человѣкъ духовному міру и не былъ бы гораздо вышшаго естества, нежели всѣ видимыя вещи. ---- И что же называютъ вольнодумцы натурою, которою они столь много кичатся? Не уже ли землю и небо, проповѣдающія славу Творца своего, или

или высокое опредѣленіе должностей ихъ къ Богоподобнымъ помышленіямъ? По мнѣнію ихъ крѣпкой духъ столь слабо не мыслитъ. У нихъ натура не что иное есть, какъ побужденіе организаціи ихъ и подстрекающее удовлетвореніе желаній и страстей ихъ, такъ какъ и у звѣрей, только отонченныя и умноженныя разумомъ ихъ. Бѣдственное понятіе, котораго стыдится мудрость! Такимъ-то образомъ шатаются во тьмѣ безъ свѣта ея, и каждую мечту за нее принимаютъ. Воистинну величественная натура, сія десница Творца, къ весьма вышшему концу образовала человѣка, и являетъ таинства свои однимъ достойнымъ сынамъ мудрости; недостойнымъ же кажетъ однѣ скорлупы, которыми такъ называемые сильные умы (Esprits forts) въ воображеніи своемъ такъ гордятся, какъ дѣти куклами своими. И такъ лучше бы молчали господа вольнодумцы о любезной своей натурѣ и не обнаруживалибъ наготу ея къ собственному стыду своему.

Вовторыхъ, являютъ вольнодумцы въ посмѣяніяхъ и хитросплетеніяхъ своихъ весьма *неблагородный характиръ*, дѣлающій

ющій худую честь невѣрію ихъ, и неосновательность онаго еще болѣе утверждающій. Не оказываютъ никакого благоговѣнія къ святилищу человѣчества, котораго по меньшей мѣрѣ благопристойность и наружное спокойствіе правленія требуетъ. Будучи безчувственны къ добродѣтели и религіи, коихъ знаютъ они по одной поверьхности, воображаютъ, что и другіе вѣнцемъ симъ не украшаются. Кто золъ и безчестенъ, тотъ думаетъ, что никого нѣтъ честнаго, кромѣ глупца. Съ Божественными Писаніями поступаютъ они гораздо вольнѣе, нежели съ самоподлѣйшимъ сочиненіемъ; хотя Библія достойна почтенія и единаго любезнаго намѣренія ея ради отвести человѣковъ отъ развращенія и на путь спасенія наставить. Притомъ употребляютъ вольнодумцы хитрую сію ухватку, въ училищѣ сатаны занятую, дѣлать религію и чтущихъ оную смѣшными и подозрительными. Мѣряютъ истинныхъ служителей Божіихъ мѣрою нѣкоторыхъ лицемѣровъ и тунеядцовъ, и всѣхъ богопочитающихъ проступками нѣкоторыхъ изъ нихъ обременяютъ. Ежели видятъ духовнаго, пріобрѣтшаго сла-

ву честности и правоты, то взводятъ на него сію адскую лесть, будто онъ, какъ разумной человѣкъ, внутренно думаетъ совсѣмъ иначе, нежели борода его и ряса говорить ему велятъ. Иные даже до того безсовѣстны, что заочно о такомъ человѣкѣ точно увѣряютъ, будто когда онъ келейно съ ними обходится, то самъ одного съ ними мнѣнія. И сколь велико было мое удивленіе безстыдству того вольнодумца, которой всенародно хвалился за столомъ тѣмъ, что естьли дадутъ 50000 руб. то онъ ревностнѣйшихъ почитателей и сильнѣйшихъ защитниковъ религіи доведетъ до того, что они всенародно обьявятъ себя вольнодумцами. О праведный суде Божій! доколѣ терпиши сихъ человѣкоискусителей?

Третіе, не естественный образъ мыслей вольнодумцевъ отмѣнно показываетъ, что все вольнодумство на пескѣ построено. Сколь много съ одной стороны освобождаются они лжесвятости и суевѣрія, столь много съ другой наполнены неосновательными сомнѣніями и невѣріемъ къ яснѣйшимъ истиннамъ. Легкомысліе, все безъ разбора пріемлющее, и умы-

умышленное невѣріе, все безъ разбора отрицающее, одинакаго наказанія достойны. Мудрый идетъ среднимъ путемъ. Онъ безъ доказательства ничего не пріемлетъ, но безъ доказательства ничего же и не отрицаетъ.

Главнѣйшія высокія воображенія, служащія сокровеннѣйшими вольнодумству пружинами, которыя изъ обхожденія въ большомъ свѣтѣ примѣчаются, суть слѣдующія:

„Великіе духи должны предпочтительно мнѣніями своими отъ толпы мѣлкихъ духовъ отличаться. Непристойно заниматься тѣмъ, что такъ стало обыкновенно, и чѣмъ одна чернь забавляется. Во всемъ должно сомнѣваться и не вѣрить ничему, кромѣ того, чему опытъ вѣрностію чувствъ научаетъ. Таинства, религію, совѣсть, душу и спасеніе оставить должно духовенству и черни, и т. д.„

Кто изъ здравомыслящихъ и истинну любящихъ не видитъ, что вольнодумцы въ гордыхъ мнѣніяхъ своихъ изъ мѣры выходятъ и съ политическими правилами своими выступаютъ изъ сферы своей? Человѣкъ, яко человѣкъ, относи-

сительно къ натурѣ зрится совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели тогда, когда взирать на него съ политической стороны. Политическое поведеніе вездѣ требуется тогда, когда кто хочетъ щастіе свое въ свѣтѣ, или при Дворѣ сдѣлать; а умираютъ не политически, такъ какъ не политически и раждаются. Гдѣ дѣло идетъ о сердцѣ и внутреннихъ чувствованіяхъ, гдѣ дѣло идетъ о важныхъ представленіяхъ будущаго; тамъ политика не умѣста.

Разсмотримъ гордыя воображенія вольнодумцевъ.

Великой духъ обо всемъ высоко мыслитъ. Но развѣ долженъ онъ не естественно мыслить, для того что другіе мыслятъ естественно? Развѣ для того не долженъ онъ никакой истинны, никакого мудрости положенія вообще имѣть съ другими? Ежели сіе ему непристойно, то пусть же онъ стыдится имѣть съ человѣками и равныя чувства, и равное человѣчество, и равныя ощущенія.

Разумное сомнѣніе свойственно правиламъ мудрости: оно охраняетъ отъ заблужденія и обмана; но еще важнѣе

правило мудрости есть опасаться таких сомнѣній, которыя внутренняго спокойствія и удовольствія лишаютъ. Промѣнять каждое таковое сомнѣніе на невѣріе тоже что шутить вѣчностію. Какое неразуміе!

Собственной опытъ, чувствами свидѣтельствованный, есть всеконечно вѣрнѣйшій учитель. Но одинъ ли онъ учинитъ? Сему мнѣнію въ самомъ дѣлѣ слѣдующій весьма бы оскорбилъ умъ человѣческой. Цѣлое царство учености и наукъ возстало бы противъ него.

Посмѣяніе таинствъ столь же неосновательно. Оно болѣе доказываетъ невѣдѣніе, нежели небытіе оныхъ. Непостижимость оныхъ не даетъ права ихъ отметать. Невидимое Божество, сокровенная натура, даже сами мы себѣ не таинство? Расположеніе рода человѣческаго, звѣрей, растѣній и металловъ развѣ не величайшее и не сокровеннѣйшее чудо натуры? Изъ одного сѣмени происходитъ чрезъ гніеніе, которое есть родъ умерщвленія и уничтоженія, совсѣмъ новое твореніе. Повѣрилъ ли бы кто, чтобъ натура столь многія и удивленія достойныя части столь разно-

 обра-

образно, и при томъ въ каждомъ растѣніи особливымъ образомъ, одинакою пищею образовать могла, ежелибъ не научили сему каждаго всеобщіе опыты? Кто понимаетъ, какъ образуетъ и соблюдаетъ духъ чудесъ полное зданіе тѣла своего? Кто знаетъ, какъ воздухъ сокровенную пищу натуры, и всеобщій духъ натуры посредствомъ теплоты оную оживляетъ? Сколько тысячь вещей, скрытыхъ въ натурѣ, которыя позднее потомство можетъ быть и узнаетъ? Сколько протекло вѣковъ до открытія магнетической силы, которая и поднесь совершеннымъ таинствомъ натуры пребываетъ? Сколько тысячь лѣтъ миновало, прежде нежели электрическая сила извѣстна стала? Но кто ее изъяснить можетъ?

Что же наконецъ до религіи, совѣсти, души и спасенія принадлежитъ, то въ послѣдующихъ отдѣленіяхъ явно будетъ, кто въ стыдѣ останется: тотъ ли, кто сіи на естествѣ человѣческомъ основывающіяся вещи пріемлетъ, или тотъ, кто ихъ въ противность натурѣ отметаетъ? ---- О естьлибъ видѣли при семъ вольнодумцы, сколь много

они

они себя умствующими своими воображеніями обманываютъ!

Четвертое, слишкомъ жалостное вольнодумцевъ *самоунижение*, вышеозначеннымъ ихъ мнѣніямъ совсѣмъ противорѣчащее, изъявляетъ неосновательность вольнодумства весьма ощутительно и во всей наготѣ его. Хотя бы уже здѣсь мнимые крѣпкіе духи стыдиться научились. Забывъ преимущество рода и состоянія своего, являютъ они сами себя машинами, не смотря на то, что они не только свободно мыслящія и свободно дѣйствующія творенія суть, но еще и слишкомъ иногда таковыми быть хотятъ. Но все противорѣчіе! Еще болѣе: относительно судьбинѣ по смерти щитаютъ они себя наравнѣ съ скотомъ, а спорятъ противъ безсмертія души. Я слишкомъ себя благороднымъ почитаю, чтобъ захотѣлъ унизить себя въ степень сію. Воистинну человѣкъ, къ вѣчности опредѣленный, есть величайшее преимущество человѣчества. Я храню оное и увѣренъ, что и око Божіе на меня, яко на таковаго, взираетъ. Желаю лучше безсмертный духъ мой возвысить, и высокими помышленіями о будущемъ радоваться, нежели съ вольно-

 дум-

думцами столь низкимЪ и человѣчества недостойнымЪ мыслямЪ слѣдовать. Сколь чувствительно бы было благородному, ежелибЪ стали о родѣ его сомнѣваться и мѣщаниномЪ его называть? Сколь же велико должно быть оскорбленіе, когда цѣлое человѣчество вЪ степень скотовЪ помѣстить хотятЪ? Скотскія мысли, не дѣлающія ни малой чести вольнодумцамЪ!

Пятое, самотатство драгоцѣнной надежды будущаго, сего неоцѣненнаго дара Провидѣнія, и неразлучное сЪ онымЪ самотатство всякаго утѣшенія вЪ той минутѣ, которая величайшаго вниманія требуетЪ, есть жалчайшее заблужденіе вольнодумцевЪ. Какая жизнь безЪ надежды вЪ смутныхЪ часахЪ, когда ищетЪ человѣкЪ отрады, и не находитЪ? Живая смерть, предвкушеніе ада. ЧѣмЪ станутЪ утѣшаться вольнодумцы, когда неминуемый часЪ приближится и когда послѣдній встрѣчаютЪ бой, по которомЪ имЪ сгнить и превратиться вЪ омерзѣніе живымЪ? Не остается имЪ инаго утѣшенія, кромѣ жестокаго: *такЪ и быть.* Утѣшеніе обычайное всѣмЪ на смерть осужденнымЪ! Гибельное утѣшеніе! Тако-

коваго не желаю я. Каково тогда вольнодумцу, когда видитъ онъ часъ свой предъ собою? Для чегожъ опытами извѣстно, что и сильнѣйшій вольнодумецъ въ тяжелыхъ болѣзняхъ жалостно призываетъ имя Божіе, провидѣніе котораго онъ въ здравіи отметаетъ? Куда дѣвается тогда крѣпость мнѣній его, яко снѣгъ вешній истаявающая? Не учитъ ли его врожденное естество обратиться къ тому, кто Отецъ есть нашей жизни и источникъ всего блаженства нашего, въ могуществѣ котораго состоитъ судьба наша, и отъ всеуправленія котораго она зависитъ? Справедливо говорятъ тогда: *Господи! услыши мя въ день печали.* --- Тѣ, которые никогда въ училищѣ креста не бывали, не могутъ себѣ представить великость сего бѣдствія, быть безъ всякой помощи, безъ всякой надежды и утѣшенія. Однакожъ точно такое состояніе предстоитъ имъ. Какъ могутъ они имѣть понятіе о сладости того чувства, которое имѣетъ тогда уповающій на Бога и чающій будущаго? До тѣхъ поръ, пока вольнодумцу все по желанію совершается, до тѣхъ поръ немудрено ему казаться тверду, и покойну,

довольну и веселу при вольнодумствѣ. Но положимъ, чтобъ вольнодумецъ въ одно время съ богобоязненнымъ вдругъ низпалъ изъ величайшаго благосостоянія въ сильнѣйшее бѣдствіе, которой изъ двухъ скорѣе опомнится? Котораго состояніе будетъ сноснѣе? Того ли, которой ни малѣйшей надежды къ лучшему впредь не имѣетъ, или того, которой послѣднимъ симъ чаяніемъ возстаетъ и злоключенія свои усладить можетъ? Истинно у перваго бывшее доселѣ столь дерзкое сердце останется безъ всякой надежды и въ крайнемъ отчаяніи тогда, когда другой предаетъ себя волѣ Божіей, твердо на Него уповая, и укрѣпляетъ духъ свой, взирая на будущее зрѣлище. Столь драгоцѣнна есть надежда будущаго! Сколь же безцѣнна будетъ она мнѣ при послѣднемъ часѣ моемъ, когда вы, нещастные вольнодумцы, будете въ отчаяніи!

Наконецъ, *шестое*, есть безбожное уничтоженіе всякой нравственности, вреднѣйшее и опаснѣйшее слѣдствіе вольнодумческаго ученія, и доказываетъ неосновательность онаго въ высочайшей степени. Ежели нѣтъ особливаго Боже-

скаго

скаго провидѣнія и промысла; ежели не помышляетъ Богъ о дѣяніяхъ и судьбинѣ человѣческой: то обрушаются важнѣйшія причины къ добродѣтели и честности сами по себѣ. На что мнѣ Божество, обо мнѣ не мыслящее? Для меня все равно, есть ли Оно, или нѣтъ. Опытъ научаетъ меня, что обыкновенно злочестивымъ удается все больше, а смиреннымъ меньше. Естьли же при смерти всему конецъ, то конечно каждый можетъ жить столь нерадиво, какъ изволитъ и какъ время и обстоятельства ему позволятъ. Что будетъ удерживать людей отъ послѣдованія страстямъ ихъ? Ежели нѣтъ будущаго отвѣта; ежели нѣтъ жизни послѣ смерти: то можно безъ всякаго опасенія употреблять для выгоды своей хитрость, обманъ, клятвопреступленіе, ядъ, тайное убивство и всѣ преступленія, только что тайно. Тогда уже предѣлъ всякой злости свободенъ и вся безопасность исчезла. Я знаю, что разсудительной вольнодумецъ ненавидитъ таковыя мнѣнія. Онѣ и въ самомъ дѣлѣ достойны отвращенія. Однакожъ вопросъ сей остается все безъ рѣшенія: что того, кто склонность и

слу-

случай ко злу имѣетъ, а притомъ и опасности въ ономъ не видитъ, удержать можетъ отъ онаго, ежели онъ вѣритъ, что ему при смерти всему конецъ? Свѣтскія наказанія? То сіи страшны только тѣмъ, которые мало или хитрости, или власти имѣютъ. Почтеніе тѣхъ, между которыми онъ живетъ, или похвала потомства удержитъ его? Сіи болѣе побуждаютъ, нежели обуздываютъ. Какъ тому чести не имѣть, кто богатъ и силенъ? Каждой его почитаетъ, льститъ ему, удивляется ему; а корыстолюбивые панегиристы и риѳмачи, голодомъ распаленные, ставятъ его и въ число боговъ и въ вѣчность помѣстить ради. Совѣсть его удержитъ? Объ ней нечего и думать, когда послѣ смерти нечего ни надѣяться, ни страшиться. Совѣсть, по собственному вольнодумцевъ признанію, есть очки, которыя надѣваютъ на другихъ, а сами не носятъ. Истинно безъ опасенія и надежды будущаго, безъ дѣятельной религіи, не можетъ стоять никакое человѣческое общество и никакое правленіе; безъ нихъ честный человѣкъ нигдѣ не найдетъ мѣста; безъ нихъ человѣчество лишенно вѣнца своего

и

и всей красоты своей; однимъ словомъ, безъ нихъ все есть скотство.

Ежели скажутъ, что простолюдимы не должны вѣдать о тайнѣ вольнодумства, такъ тѣ, которые себя оными являютъ, суть измѣнники общества своего. Щастiе ихъ, что противостоящая имъ истинна слишкомъ ощутительна, безъ того бы давно уже они пропали со всемъ своимъ скопомъ.

И такъ неосновательность и нагота вольнодумческаго невѣрiя столь явна со всѣхъ сторонъ, что и листъ смоковницы прикрыть оную не можетъ. Видъ сопряженной съ вольнодумствомъ откровенности есть заглушенная и угнѣтенная совѣсть. Она подобна безчувствiю нагаго, которой непреоборимаго недостатка ради наконецъ весь стыдъ отметаетъ. Ежели покажутъ намъ примѣры великодушныхъ вольнодумцевъ, которые добрые граждане и други человѣковъ, то сiе не иное что, какъ политическая личина. И положимъ, что они и въ самомъ дѣлѣ таковы, то должно сiе приписать щастливому случаю, нѣжному сложенiю, доброму нраву, высокому характеру, а не щастливому соедине-

единенію столь между собою противныхЪ вещей. ——— И я люблю добродѣтель собственной ради красоты ея, а ненавижу порокЪ ради мерзости его; но часто чувствую слабость причины сей. Сколь легко можно бы было побѣдить слабость мою, ежелибЪ не подкрѣпляла меня религія благоговѣніемЪ кЪ Богу и вѣрою кЪ святому Его провидѣнію! Оно, сіе Провидѣніе, бдящее надЪ дѣлами моими, ведущее меня кЪ доброму житію, обѣщающее мнѣ будущую жизнь, понуждаетЪ меня сильнѣйшимЪ образомЪ искоренять всякую злость изЪ сердца моего, сражаться противЪ всѣхЪ ослѣпляющихЪ страстей и готовить себя достойнымЪ вѣчности. Какими восхитительными чувствованіями еще здѣсь она меня награждаетЪ? Какіе же Божественные плоды соберу я тамЪ? Жалости достойныя машины! вся слава ваша смертію кончится.

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О ничтожности вольнодумческихъ основаній.

Показавъ очевидно наготу и неосновательность правилъ вольнодумческихъ, намѣрены мы расположенной нами выше сего планъ о ихъ системѣ испытать и ясно показать ничтожность оной.

1) Что пользы въ томъ вольнодумцамъ, что они Бога признаютъ, когда они ограничиваютъ Его по своимъ затѣямъ, и воображаютъ такъ, какъ имъ хочется? Богъ вольнодумцевъ въ самомъ дѣлѣ не Богъ; ибо онъ Божескихъ свойствъ не имѣетъ: чуждъ міра, празденъ и ни о чемъ не печется. Непостижимость Божія не исключаетъ тѣхъ свойствъ, которыя Ему весь разумной міръ приписываетъ, и безъ которыхъ не можетъ быть ни Отцемъ натуры, ни Творцемъ міра, ни обоихъ Господомъ и Правителемъ. Развѣ не столь же непостижимо существо свѣта? Но кто можетъ сомнѣваться въ тѣхъ свойствахъ, безъ которыхъ свѣтъ быть не можетъ? Къ нему лежатъ высочайшая тонкость и чистота, неизреченно скорое распро-

спра-

страненіе лучей Его, купно съ сообщающеюся, освѣщающею и вещи видимыми учиняющею силою. Сколько тысячь вещей еще болѣе содержитъ великая область натуры, которой внутреннее существо пребываетъ неиспытуемо, которую однакожъ знаемъ мы по свойствамъ ея! И такъ должны вольнодумцы Божество изъ мыслей своихъ совсѣмъ исключить, и объявить себя безбожниками, или признать всѣ тѣ Его свойства, которыя видимы въ великомъ міроправленіи, и которыя приписываютъ Ему мудрецы всѣхъ временъ и Божественныя Писанія, а безъ того даютъ они одною рукою то, что другою отнимаютъ.

2) Предполагаемая Божественная высота есть бѣдственное вольнодумческое выпутанье противу міроправленія и частнаго промысла Божія, и противорѣчитъ собственному ихъ правилу, что о Богѣ не человѣчески судить должно. Земной Царь не можетъ пещись о всѣхъ и каждомъ изъ подданныхъ своихъ особенно. Онъ, не взирая на все величество свое, человѣкъ, такъ какъ и другіе сыны человѣческіе, не могущій быть вездѣ и пещися вдругъ о всѣхъ и каждомъ особенно. Впрочемъ

и

и сіе говорится единой лести ради, что величество его слишкомъ высоко для сего, а въ самомъ дѣлѣ оно слишкомъ слабо. Онъ большую часть вещей долженъ видѣть чужими глазами и чужими руками исполнять. Богъ же, сіе беспредѣльное Существо всѣхъ существъ, при всѣхъ дѣлахъ своихъ присносущенъ. Мы въ Немъ живемъ, движемся и есьмы. Можно ли почесть Ему за непристойное, когда Онъ о каждой Имъ самимъ сотворенной вещи особенно помышляетъ и печется? Онъ не имѣетъ нужды въ утомительномъ изслѣдованіи; все Ему открыто и явно: ибо Онъ есть самъ все во всемъ.

3) Похваляемый механизмъ міра, сія любимая выдумка вольнодумцевъ, столько же мало можетъ изключить особливое провидѣніе Божіе. Оная происходитъ изъ вымышленнаго представленія Божества, отъ міра отдаленнаго, неосновательность котораго докажемъ мы ниже сего. Основывается на худо приведенномъ сравненіи, взятомъ съ часовъ, относительно къ часовому мастеру. Міръ и часы столько между собою различны, какъ

 жизнь

жизнь и безжизніе. Первой одушевлен Творческаго естества духомъ, а послѣдніе суть вещь, художникомъ неоживленная. Что понуждаетъ умствующихъ нашего времени отступать отъ древняго и столь справедливаго и стройнаго сравненія великаго міра съ малымъ міромъ, человѣкомъ, какъ его мудрецы всѣхъ временъ именуютъ? Сколь мало человѣкъ есть простая машина, какъ то мы чувствуемъ, столь же мало онъ есть и міръ. Съ какою же вѣроятностію хотятъ Божество отдалить отъ міра, отнять отъ Онаго вездѣсущныя Его вліянія, и каждое особенно твореніе машинъ Божія промысла, никогда не покоющагося?

Когда вольнодумческой механизмъ міра съ изключеніемъ десницы Божіей есть пустое умосплетеніе, то и мнимое право вольнодумцевъ къ невѣрію Божіихъ чудесъ и ученію Священнаго Писанія само по себѣ разрушается. Оставимъ достопочтенные монументы древности въ достоинствѣ ихъ. Отъ вольнодумцевъ инаго не хотимъ, и требованіе сіе справедливо. Мы не виноваты въ томъ, что мозаическая

крышка

крышка мѣшаетъ ясно видѣть. Довольно того, что чада свѣта находятъ въ ней великую премудрость, отъ недостойныхъ сокровенную. Сколь мало разумно поступаетъ тотъ, кто палингенезію, или возрожденіе растѣнія изъ пепла его, сіе великое и рѣдкое чудо химическаго искусства отметаетъ и осмѣиваетъ, для того что не имѣлъ щастія оное видѣть, и потому, какъ то случается, и понять не можетъ: столь же несправедливо поступаютъ и вольнодумцы, отметая чудеса, творимыя Пророками, Искупителемъ и Его Апостолами; для того что не были очевидцами оныхъ, и не понимаютъ, какъ они случились.

4) Матеріализмъ есть любимая и главнѣйшая наука вольнодумцевъ; въ немъ находятъ они убѣжище всѣмъ своимъ удовольствіямъ. Ибо ежели душа матеріальна и гиблюща, то по смерти нѣтъ и отвѣта. Чѣмъ болѣе ученіе сіе льститъ ихъ, нежели скотскимъ желаніямъ, чтобы не быть вѣчнымъ: тѣмъ болѣе украсили они оное вѣроятнѣйшими основаніями. Далеко не достаетъ, чтобы отъ сего про-

тиворѣчія безтѣлесная мыслящая сила тѣлесной матеріи истинною сдѣлаться могла. Важность вещи требуетъ, ибо здѣсь предлежитъ завѣса между вѣрою и невѣріемъ, чтобъ мы мнимыя ихъ основанія одно за другимъ преслѣдовали и ничтожность ихъ ясно показали.

Непостижимость внутренняго существа души, яко невидимаго духа, и точная ея связь съ органическимъ тѣломъ, столько же даетъ основанія полагать силу свободно мыслящаго и свободно хотящаго начала въ матеріи изъ онаго почитать за единое, сколько имѣютъ основанія искать горящую силу раскаленнаго желѣза въ желѣзѣ, и почитать оную за единое съ нимъ. Мы со всѣми мудрецами всѣхъ временъ утверждаемъ, что душа хранится въ жизненныхъ духахъ сока нервъ, отъ крови отдѣленнаго и въ мозгѣ высочайшаго степени отонченнаго; но слѣдуетъ ли изъ сего, что сіе души вмѣстилище самая есть душа? Сіе столь же бы было справедливо, ежелибъ сказали: понеже раскаленное желѣзо принимаетъ въ себя огонь, то желѣзо есть

есть самый тотъ огонь, что въ немъ горитъ. Сіе бы было совсѣмъ новый родъ заключенія. — Споръ между философами столь же мало можетъ вредить истиннѣ, сколько натурѣ. О чемъ они доселѣ не спорили! Развѣ истинна виновна въ томъ, что беспрестанно рождаютъ новыя иппотезы, дабы чѣмъ ни есть отличиться, и предпочитаютъ умосплетенія натурѣ и мудрости?

Изъ возрастанія и уменьшенія духа съ тѣломъ хотя и слѣдуетъ, что душа, покуда она въ механизмѣ тѣла своего завернута, побужденіями своими съ нимъ согласуется, поелику оное въ ней дѣйствуетъ; такъ какъ напротивъ того и тѣло исполняетъ повелѣнія души, поелику строеніе его къ нему способно; но изъ сего никакъ не можетъ слѣдовать, чтобъ оба они были одной матеріи. Вся натура противорѣчитъ въ томъ матеріалистамъ, которые столь мало оную знаютъ. Развѣ не подвержены стихіи въ каждомъ тѣлѣ премѣненіямъ онаго до самаго его разрушенія? Но какъ скоро тѣло совсѣмъ разрушается, то отъ

тѣлесныхъ узъ освобожденныя стихійныя части спѣшатъ духовнымъ полетомъ къ началу своему, и оставляютъ мертвую землю позади себя. Кто тутъ не видитъ великую разность въ матеріи ихъ? Сколь же много должна разнствовать первоначальная матерія тѣла человѣческаго съ матеріею мыслящаго его духа?

Что механизмъ человѣческій тонѣе звѣринаго, о томъ никто не сомнѣвается; а что господа вольнодумцы, даже и въ разсужденіи духа своего, столь охотно съ неразумными животными сравняться желаютъ, оставляемъ мы противорѣчить чести ихъ, которая впрочемъ ихъ идолъ есть. Сколь ни мало видны слѣды разума въ новорожденномъ младенцѣ, сколь ни мало видно различія въ его разумѣ и разумѣ щенка въ первыхъ дняхъ жизни ихъ, но столь же велика напротивъ разность внутренней ихъ цѣны. Младенецъ приноситъ въ міръ способности, которыхъ никакое животное подъ солнцемъ не имѣетъ. Сіи уже даютъ ему неоспоримое преимущество предъ всѣми ими. Прививокъ доб-

добраго дерева имѣетъ уже внутреннюю свою цѣну и преимущество предъ всѣми дикими въ лѣсу деревьями, хотя еще и не пришли годы плодоносія его. Алмазъ имѣетъ внутреннюю свою цѣну прежде еще, нежели художникъ отличитъ блескъ его отъ простѣйшихъ каменьевъ. Точно тоже происходитъ съ высотою духа человѣческаго, прежде нежели оной изобразится.

Существительная разность между души человѣческой и скотской весьма видима изъ обоюдныхъ ихъ дѣяній. Звѣри дѣйствуютъ по однимъ побужденіямъ натуры, и одного рода звѣри одинакія имѣютъ дѣйствія. Но о человѣкахъ весьма справедливо говорится: сколько головъ, столько умовъ; что ясно свободу духа ихъ доказываетъ. Всѣ человѣческія изобрѣтенія въ художествахъ и наукахъ, беспрестанно возвышающіяся, развѣ не новое доказательство великаго преимущества человѣческія мыслящія силы? Но съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, какой звѣрь изобрѣлъ что новое? — Слѣдующій примѣръ покажетъ еще болѣе высокую разность человѣческой

души со скотскою. Въ нощное время вижу я образъ сіяющей луны и множество малыхъ свѣтилъ на небѣ. Чувственныя сіи представленія имѣетъ и песъ мой, на дворѣ лежащій; но что сіяніе луны есть занятой свѣтъ солнца, свѣтлыя и темныя ея пятна суть земля и воды, и сама она есть обитаемый міръ; неподвижныя же звѣзды суть солнцы, превосходящія величиною нѣсколько тысячь разъ землю нашу; что около каждой изъ нихъ многіе носятся міры, которыхъ разумные обитатели славятъ Творца своего, и о коихъ вообще печется Господь, о томъ песъ мой вѣрно не мыслитъ. Онъ о семъ ничего не вѣдаетъ; ибо и между человѣками весьма малое число оное знаютъ. Сіи суть мысли чистаго разума, возвышающія Божество и произведенныя чувственнымъ воззрѣніемъ на небеса; мысли, свидѣтельствующія высоту образа Божія въ человѣкѣ.

Сколь ни велика въ глазахъ матеріализма разность между Лейбницовымъ и Келеровымъ духомъ, совсѣмъ тѣмъ она почти ничто въ сравненіи разности ме-

между человѣческою и скотскою душею. Вь глупѣйшемъ человѣкѣ видны еще достаточные слѣды разума въ его сферѣ и по его состоянію, которымъ онъ часто разумнѣйшаго обманываетъ. Онъ все остается способенъ понять множество трудныхъ вещей, естьли только захочетъ взять на себя трудъ поступать сходно съ его образомъ мыслей. Но и въ самой лягавой собакѣ всевозможной трудъ человѣка болѣе ничего не произведетъ, какъ нѣкоторыя механическія исполненія, при ожиданіи одинакихъ случаевъ, наученныя голодомъ и побоями. Искусство ученой собаки удивляетъ зрителя; для того что оно отъ собаки есть нѣчто неожидаемое. Но составитъ ли оно хотя стотысящную часть искусства самопростѣйшаго человѣка? А и со всѣмъ тѣмъ удивляются собакѣ, глупому же человѣку смѣются, для того точно, что отъ всякаго человѣка несравненно болѣе ожидаютъ.

Недостатокъ языка въ звѣряхъ не одинъ есть причиною тому, что они ни къ какимъ разумнымъ помышлені-

ямъ и дѣйствіямъ неспособны. Нѣмо-рожденному много же не достаетъ; однакожъ поступаетъ онъ разумно, и знаками довольно даетъ знать, что и онъ мыслитъ разумно. Попугаи, сороки, скворцы и пр. имѣютъ способность говорить, но кто даетъ имъ разумъ?

Что темпераменты и разность крови дѣлаютъ мыслящую силу живѣе, или тупѣе, еще болѣе, что воспитаніе и обращеніе много способствуетъ къ образованію духа, и что случаи въ жизни духъ человѣческой или возвышаютъ, или угнѣтаютъ, противъ сего спорить не можно; но чтобъ все отъ одного сего зависѣло, а особливо, чтобъ красота и тонкость духа отъ воспитанія и пищи происходили, сему противорѣчатъ опыты. Бываетъ, что одинъ изъ мысли достигаетъ такой высоты духа и благородныхъ дѣйствій, которыхъ другой, отъ воспитанія котораго много надѣялись, не могъ достигнуть.

Повѣсть дикаго мальчика хотя доказываетъ жалостное состояніе человѣка, лишеннаго всякаго воспитанія,

не

но не доказываетъ, что разность между человѣкомъ и скотомъ не велика. Разумное наставленіе образуетъ дикаго мальчика со временемъ человѣчески, чего со скотомъ, покамѣстъ міръ стоитъ, случиться не можетъ, не упоминая еще о коренныхъ истинахъ натуры, свойственныхъ душѣ человѣческой, которыхъ скоты не имѣютъ. Недостатокъ вышшаго образованія въ одномъ, или другомъ человѣкѣ, не отнимаетъ ничего отъ естественной высоты духа человѣческаго. Доброе сѣмя не виновно въ томъ, ежели оно въ худой пашнѣ отъ излишней засухи, или мокроты, не произрастаетъ. — Вотъ сколь мало вредятъ нареканія матеріалистовъ противъ преимущества духа человѣческаго!

Постепенно разнствующее состояніе души во снѣ, пьянствѣ, горячкахъ и обморокахъ, есть важная подпора матеріализма. Благоразуміе не допускаетъ насъ отрицать явные опыты. Позволяемъ противникамъ нашимъ во всемъ поступать справедливо, а особливо когда видимъ, что изъ упомянутыхъ опытовъ учиненное заключеніе

ніе кажется быть естественно и непринужденно. Но не торжествуйте прежде времени враги благороднѣйшей истинны! Заключеніе ваше есть и пребудетъ недѣйствительно; потому что другія и важнѣйшія основанія, изъ Божества и натуры происходящія, о бытіи души и ея безсмертіи насъ увѣряютъ. Важность вещи требуетъ подробнѣйшаго изслѣдованія. Заключеніе ваше касается только до наружнаго, а не до внутренняго. Разсуждая по наружности, кажется весьма справедливо, что поелику обитающій въ человѣкѣ духъ учреждается по сложенію органическаго тѣла его, то съ смертію вдругъ долженъ онъ совершенно перестать въ немъ мыслить. Далѣе сего заключеніе сіе не простирается, ни дѣйствительно быть не можетъ. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что духъ при разрушеніи тѣла въ тонкія стихіи съ нимъ вмѣстѣ разрушается? Когда же при смерти стихіи тѣла, яко тонкая матерія, беспрепятственно грубыя части онаго при согнитіи оставляютъ, и къ началу своему возвращаются, какимъ же образомъ духовная несложная

мате-

матерія души, превосходящія до безконечности стихіи въ чистотѣ, узами тѣла удержана быть можетъ? Но какія будутъ тогда освобожденнаго духа дѣйствія, остается таинствомъ будущаго. Довольно, что мы сей крѣпкой узелъ матеріализма развязали и обезсилили ихъ заключеніе.

Между тѣмъ предложу я мои мнѣнія о перемѣнѣ смерти. — Какъ скоро предшествуетъ въ человѣческомъ механизмѣ сіе разстроеніе, которое теченіе крови совсѣмъ останавливаетъ, въ то самое время долженъ духъ сока нервовъ, яко союзный посредникъ между органическимъ тѣломъ и безсложнымъ свѣто-существомъ души, перестать продолжать должность свою въ соединеніи обоихъ. Онъ, то есть духъ, въ тоже время отходитъ вмѣстѣ съ жизненною теплотою отъ окостенѣлаго тѣла. Какимъ же образомъ можетъ душа въ такомъ состояніи чрезъ бездушныя уже чувственныя орудія тѣла получать извнѣ ощущеніе предметовъ и объ оныхъ размышлять? Она въ одно время съ духомъ своимъ, которой есть

вмѣ-

вмѣстилище ея, и котораго нѣкоторые философы эфирнымъ ея тѣломъ именуютъ, въ новое поставляется состоянiе. Разрѣшенiе отъ земныхъ оковъ и освобожденiе отъ видимаго тѣлеснаго мiра называю я новымъ рожденiемъ въ невидимый духовный мiръ, и новымъ въ ономъ младенчествомъ. — Здѣсь должна отдѣленная душа вступить, такъ сказать, въ новое училище. Изъ сего кажется мнѣ весьма естественно и постижимо, что душа при важнѣйшей перемѣнѣ въ смерти нѣсколько времени какъ оглушена, безъ всякаго чувствованiя и представленiя, какъ младенецъ при рожденiи, пребываетъ до того времени, когда совершенно освободившись, подобно ослѣпленному великимъ свѣтомъ, мало помалу отдыхаетъ и новый почерпаетъ свѣтъ, и такимъ образомъ привыкаетъ къ необитаемому духовному мiру, и послѣ изчезнувшаго образуемаго познанiя къ созерцательному. — Сiе среднее состоянiе души нашей и свѣта тѣлу ея столь же мало вредно, какъ намъ тихiй сонъ, когда мы ни о чемъ не мыслимъ. И

сколь

сколь мало обморокъ остановленную душу совсѣмъ уничтожаетъ, столь же мало уничтожаетъ ее и смерть. Она перемѣняетъ только состояніе души, останавливаетъ на время дѣйствія ея, но никакъ не уничтожаетъ существо ея и продолженіе внутренной ея духовной способности. Тѣмъ болѣе будетъ душа по отдохновеніи своемъ чистыми и неудержимыми духовными силами къ высочайшимъ совершенствамъ въ небесномъ свѣтѣ возвышаться, чѣмъ болѣе она здѣсь мыслящую силу свою упражняла, къ частой нравственности образовала и обогащала достойными представленіями Божества и дѣлъ Его, и воззрѣніемъ вѣчности.

Дабы увѣрить вольнодумцевъ еще болѣе въ ничтожности ихъ мнѣній, когда они человѣковъ, отнимая у нихъ духъ, мыслящими именуютъ машинами: то по крайней мѣрѣ хотябъ они свойство машинъ порядочно разобрали. Машина, просто яко машина, сама себя не знаетъ и не предпріемлетъ самопроизвольныхъ, или свободныхъ дѣйствій. Она не есть свободное суще-

существо; она подвластна потребнымъ и одно за другимъ слѣдующимъ опредѣленіямъ; все идетъ въ ней періодически. Когда первой ходъ обошелъ, то все начинается опять тѣмъ же порядкомъ. Такого качества я только отчасти, а не совсѣмъ. Кругообращеніе крови моей, перемѣна сна и бдѣнія, сытости и голода, и такъ далѣе, происходятъ во мнѣ механически; но мысли мои и самопроизвольныя дѣянія производятся безъ механическаго порядка; онѣ по большей части зависятъ отъ произволенія моего. Можетъ ли матерія производить дѣйствія благороднѣе самой себя? Ежели скажутъ: развѣ не можетъ Богъ тѣлу дать мыслящую силу, то можно спросить: развѣ не можетъ Богъ дать желѣзу горящую силу безъ огня? Великая есть разность въ томъ, что можетъ Богъ дѣлать, и что Онъ въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ. Единыя возможности не принадлежатъ до дѣйствительнаго міра. Вотъ какъ слабо доказанъ матеріализмъ!

5) Отрицаніе безсмертія души человѣческой, будущаго воздаянія дѣламъ

ламъ человѣческимъ и вѣчной жизни послѣ смерти, суть непосредственныя слѣдствія матеріализма. Но какъ мы теперь неосновательность онаго показали, и всѣ столпы онаго опровергнули, то явна стала во всемъ ничтожность сего вольнодумческаго невѣрія. Однакожъ сдѣлаемъ мы еще нѣкоторыя примѣчанія: что паче понуждаетъ вольнодумцевъ отметать столь увѣрительно вещь, столь высокаго желанія достойную, каково есть безсмертіе души и жизни вѣчной? Не должно ли имъ было стараться увѣрить себя въ столь драгоцѣннѣйшей истиннѣ? Развѣ можно горсти невѣрной временной почести и мимоходящаго имущества жертвовать покоемъ своимъ? Не справедливѣе ли бы было учинить оное вѣчнаго ради? Въ чемъ же видны здѣсь столь прославляемые вольнодумцевъ честолюбіе и великодушіе? Развѣ должно безсмертіе души и вѣчную жизнь отрицать одного того ради, что мы о семъ не имѣемъ чувствованія, или опытовъ? Хорошо; такъ посему можемъ мы и Божество отрицать? Безстыдному челу стоитъ

 толь-

только твердо сказать, что оно есть пустое воображенїе, выдумка древности, сновидѣнїе праотцевъ нашихъ. Подите съ ученїемъ вашимъ! оно намъ не годится. Боже мой! гдѣ же тутъ весь умъ, отъ скотовъ насъ отличающїй? Сколь пусто сдѣлалось бы царство наукъ и познанїй! Какое опустошенїе помрачило бы человѣчество, ежели бы всѣ такъ скотски думали и поступали!

Внутреннимъ противорѣчїемъ провожденное отрицанїе будущаго воздаянїя дѣламъ человѣческимъ есть средоточїе всего вольнодумства, само себя осуждающаго боязнїю судилища сего. Какъ ничтожна есть отговорка сїя! Всякой здѣсь уже чувствуетъ по естественнымъ слѣдствїямъ дѣлъ своихъ награжденїе, или наказанїе. Это правда, однако отчасти, а не всегда и не вездѣ. Сколь часто невинность и добродѣтель отъ насилїя должны претерпѣвать! Кто можетъ тутъ безъ стыда сказать, что съ обѣими справедливо поступается? Симъ образомъ открытъ бы сталъ путь всякому стыду, злости и преступленїю,

и попранны бы стали всякая добродѣтель и правота. И сами злодѣи не только не любятъ злодѣйства въ другихъ, но еще и наказываютъ ихъ за оное. Поистиннѣ время воздаянія приближается къ радости богобоязливымъ, котораго трепещете вы, вольнодумцы! и тоску вашу только заглушаете.

6) Какого свойства ваша система, такогожъ есть и нравоученіе ваше. Мы уволяемъ себя отъ труда изображать бѣдствія онаго; потому что вся и система ваша, какъ мы оное до сего мѣста показывали, никуда не годится. Но примѣчаніе наше намѣрены устремить здѣсь на одно отметаніе ваше всякой религіи и совѣсти.

Начало сего отметанія есть точно нехотѣніе ограничивать свои страсти и смирить себя предъ Богомъ. Дабы было вамъ чѣмъ прикрыться, то, по вашему, всякая религія есть политическая выдумка для обузданія черни, а совѣсть плодъ юношескихъ впечатлѣній. На защищеніе положенія сего отчасти неоскорбляемое Божество, отчасти погрѣшности

 духов-

духовныхъ служатъ вамъ щитомъ!
Мы не отрицаемъ, что духовенство
и политики искуснымъ образомъ упо-
требляютъ иногда религію и совѣсть
по своимъ намѣреніямъ; даже и те-
перь служатъ они политическимъ по-
кровомъ многихъ бездѣльниковъ: но
слѣдуетъ ли изъ сего, что вообще
религія есть выдумка и совѣсть сама
по себѣ одно пустое воображеніе? Что
есть столь свято, столь драгоцѣнно
и спасительно, чтобъ злоупотребле-
нію подвержено не было?

Но должно ли оно истинное уни-
чтожить употребленіе? Да не будетъ!
Виновна ли религія въ томъ, ежели она
нечестивыми устами обезчещена, или
недуховными духовными обезображе-
на бываетъ? Воистинну, имѣть ре-
лигію есть столь же естественно,
какъ чувствовать человѣчество. По-
чему чувствованіе сіе есть столь все-
общее? Великолѣпное зрѣлище міра и
ліющееся изъ него на насъ благосло-
веніе, научаютъ человѣковъ, невѣду-
щихъ еще вольнодумческаго искусства
учинить себя безчувственными, при-
знавать славу и промыслъ великаго
Твор-

Творца и Правителя неба и земли. Долгъ, столь естественный, долгъ благодарности, принуждаетъ ихъ къ почитанію сего поклоненія достойнѣйшаго Отца міровъ. Неблагодарный, по рѣшенію всѣхъ народовъ, недостоинъ того, чтобъ его земля носила. И самый вольнодумецъ ненавидитъ неблагодарность, оказанную ему одолженнымъ имъ. Что же есть естественнѣе, какъ происхожденіе такой религіи, которая основаніемъ своимъ имѣетъ признательность? Несогласіе столь разныхъ положеній и обрядовъ религіи болѣе оправдываютъ, нежели обвиняютъ оную. *Они происходятъ* отъ множества различныхъ нравовъ и образа мыслей каждаго народа. Слѣпотѣ черни должно простить, ежели обожаетъ она чудесныя басни поповъ своихъ. Но Цицеронъ мыслитъ совсѣмъ иначе. Обманы идолопоклонниковъ не даютъ никакого права отметать религію естества, разума и сердца. Тѣмъ болѣе научаетъ насъ въ груди нашей проповѣдникъ нашъ, совѣсть, чтить того, которой есть Отецъ нашей жизни и источникъ нашего бла-

женства, и которому мы отчетъ во всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ нашихъ дать должны. Хотя Бога отнюдь оскорбить не можно; ибо престолъ Его весьма глубоко въ безконечности и вѣчности основанъ; Онъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ: но слѣдуетъ ли изъ сего, что ни молиться Ему, ни законамъ Его повиноваться не должно? Когда собственное наше блаженство и покой души нашей наитѣснѣйшимъ образомъ съ симъ сопряжены, не Его, но самихъ себя ради, обязаны мы къ Нему всѣми сими должностями.

Естьлибъ наконецъ совѣсть подлинно отъ одного воспитанія зависѣла, тобъ совершенныя лѣта выгнали суемысліе сіе столь же легко, какъ и всѣ прочія дѣтскія воображенія. По крайней мѣрѣ всего бы легче было исцѣлить угрызѣнную совѣсть, чему опытъ противорѣчитъ. Поистиннѣ, не въ нашей волѣ состоитъ увѣриться внутренно, что доброе дѣло есть злое, а злое есть доброе, хотя мы и имѣемъ наружное искусство дать каждой вещи другой видъ и всякую вещь передѣ-

дѣлать й превратить. Совѣсть можетъ на время навыкомъ быть угнѣтена и ожесточена, но совсѣмъ искоренена быть не можетъ. Ежели она, на подобіе заключеннаго огня, на нѣкоторое время и погашается, однакожъ все тайно тлѣетъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ вдругъ тѣмъ опаснѣйшимъ усиліемъ прорывается.

Ежели еще хотя малѣйшая искра религіи въ вольнодумцѣ осталась, то весьма оная жалостнаго свойства; понеже онъ долженъ помощь свою находить въ сомнѣніяхъ неизвѣстности, въ отметаніи чувствованій своихъ и въ пустыхъ представленіяхъ будущаго, что все никакого утѣшенія дать не удобно. Вѣра простѣйшаго земледѣльца не предпочтительнѣе ли гораздо такой пустой религіи?

Толь наги суть вольнодумцы со всѣми имъ основаніями! Изъ вышеписаннаго разсужденія столь явны суть пустота, слабость и неосновательность вольнодумства, что противники наши никакихъ не имѣютъ причинъ остаться при невѣріи своемъ, приписывать все естественнымъ при-

чинамъ, изключая особливый промыслъ и правленіе Божіе; хулить святилище человѣчества и опровергать главную подпору добродѣтели, то есть надежду радостнаго грядущаго, возставляющую сердце во время скорби.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

О положеніяхъ религіи.

Религія состоитъ въ нравственномъ умствованіи союза человѣчества съ Богомъ, къ блаженству его и по смерти. По сему понятію намѣрены мы теперь поставить вопреки неосновательному и беззаконному вольнодумческому невѣрію вѣру должностей исполненныя религіи по чувствованіямъ нашего сердца; вѣру, основанную купно съ упованіемъ на Бога и промыслъ Его святый, на чаяніи будущей блаженной жизни по ту сторону гроба; вѣру, кротко влекущую богопочитателей къ исполненію должностей ихъ, и подающую имъ отраду и под-

подкрѣпленіе въ нещастливые и спокойные дни. О драгоцѣнное преимущество вѣры, такой религіи, которая столь достойна Божества и столь спасительна человѣчеству!

Хотя первоначальная религія свѣтъ свой отъ перваго откровенія получила, однакожъ теперь намѣрены мы держаться не словъ Божественнаго откровенія въ Священномъ Писаніи, но только свѣта натуры, онымъ освѣщаемаго; поелику сей всякому естественно мыслящему человѣку самъ по себѣ явенъ и ощутителенъ, хотя и не знаетъ онъ, откуда почерпаетъ истинны сіи. Симъ способомъ избѣжимъ мы отъ упреканія вольнодумцевъ въ томъ, что будто мы не по истинному чувствованію сердца нашего, а по самовластному предписанію, данному Христіянамъ, судили. Вотъ наше

Исповѣданіе вѣры,

Яко противоположеніе вольнодумческому невѣрію.

Богъ есть. Великолѣпное зрѣлище міра и мудрое разсмотреніе таинствъ полныя натуры увѣряетъ меня въ

семъ. Бездна, ничѣмъ неоснованное пространство небесъ, въ которыхъ плаваютъ неизчетные сонмы солнцевъ и міровъ, возвѣщаетъ безконечное Его величіе, и величественное существо ихъ славу Его. Престолъ Божій есть Его духовное и дѣйствующее существо въ вѣчномъ невидимомъ свѣтѣ, къ которому никто притти и изслѣдовать не можетъ. Великій чертежъ натуры, вѣчное опредѣленіе ея законовъ, недосязаемая глубина въ оныхъ, являютъ безконечный и всевѣдущій разумъ Божества, и исполненіе сего Божественнаго чертежа открываетъ вѣчную силу и всемогущество онаго, съ безконечною премудростію соединенное. Земля и море, извѣстное обиталище толикихъ тысячей разнообразныхъ живыхъ твореній, толпы которыхъ на нихъ и въ нихъ миліонами движутся, есть зрѣлище Божіихъ чудесъ въ подсолнечной. Вездѣ зримые слѣды Божіяго промысла и Его милосердаго благословенія суть доказательства неизчерпаемой благости Господней.

Оный

Оный Богъ, Творецъ великаго созданія и Отецъ натуры, есть и теперь тотъ же Творецъ и Отецъ въ чудесполномъ разнасажденіи растущихъ и живущихъ твореній всѣхъ трехъ царствъ образующія натуры. Дѣйствующій Духъ Его, всю натуру проницающій и Божественнымъ духновеніемъ оживляющій, растворяетъ сѣмя всѣхъ вещей, и премѣняетъ и образуетъ первоначальную матерію оныхъ Творческою силою, всякой умъ превосходящею. Каждая травка, каждой цвѣтокъ и растѣніе, каждое несѣкомое и червячокъ, каждая птица и рыба, каждое животное, а паче всего человѣкъ, съ какимъ сооружены искусствомъ и проницаніемъ! Онѣмѣвщее остроуміе! удивляйся и молчи! И сей Творецъ не уже ли не печется о каждомъ изъ нихъ, когда Онъ сотворить ихъ удостоилъ? Стыжусь слѣпоты человѣковъ, столь унизительно о дѣлахъ Господнихъ разсуждающихъ.

Сей же самый Богъ, Отецъ всѣхъ человѣковъ, есть и мой Творецъ и мой Отецъ; не только потому, что Онъ натуру

сотворилъ и учредилъ такимъ образомъ, что вещи изъ нея происходятъ, и по установленію, отъ Бога сдѣланному, растутъ, но паче потому, что Онъ все во всемъ дѣйствуетъ. Его вездѣсущный Духъ образовалъ меня изъ матеріи, превышающей всякой умъ, соорудилъ строеніе удовъ моихъ удивительнѣйшимъ образомъ по единожды утвержденному имъ образу человѣчества въ тѣлесномъ мірѣ семъ, и одарилъ чувственные уды мои способностію чувствовать, связующею меня съ великимъ міромъ. Еще болѣе: Онъ сотворилъ духъ мой подобнымъ своему Духу, и далъ ему Божественною десницею своею вседрагоцѣннѣйшій даръ, свѣтомъ ума препровожденную, свободно мыслящую и свободно хотящую силу. Даръ неизреченный, силою котораго могу я помышлять о Творцѣ и славѣ Его, и устроить въ Немъ блаженство мое! Не уже ли сей даръ долженъ я употреблять къ отрицанію славы Его, чудесъ Его, милости Его, Отеческаго Его промысла, къ отметанію должнаго Ему поклоненія, къ умышленному нару-

нарушенію законовъ Его? Недостоинъ бы я учинился быть толь драгоцѣннымъ дѣломъ руки Его, ежелибъ я Ему съ радостнымъ благодареніемъ не покланялся, и ежелибъ на Него не уповалъ, и ежели бы всю судьбу мою не предавалъ въ руки Его! Онъ имѣлъ обо мнѣ попеченіе еще прежде бытія моего, могу ли я столь низко мыслить, чтобъ Онъ престалъ печься обо мнѣ теперь, когда я есмь? Не уже ли долженъ я сравнять, или еще и предпочесть премудрому Его промыслу, изъ любви меня сотворшему, краткое проницаніе мое, ибо я и того не знаю, что сего дня, или завтра со мною будетъ, и благоразуміе человѣческое, ежечасно ошибающееся? Да не будетъ!

Когда я далѣе самъ на себя въ тишинѣ взираю, и примѣчаю мысли и намѣренія свои, отъ свободы моей и моего произволенія зависящія, то чувствую въ себѣ духа, которой съ грубою матеріею тѣла моего совсѣмъ различенъ быть долженъ. Духъ сей, которымъ я ощущаю и вѣдаю о самомъ себѣ и о вещахъ, внѣ меня состоящихъ; духъ сей, которой во мнѣ

сво-

свободно разсуждаетъ, сравниваетъ, заключаетъ, желаетъ и отвращается, прошедшее и будущее, близкое и отдаленное настоящимъ себѣ представляетъ, о видимомъ и невидимомъ, конечномъ и безконечномъ помышляетъ; духъ сей долженъ неотмѣнно быть Божественнаго начала, или Божественнаго порожденія; ибо онъ Божеству подобенъ. Должно ли же то, что ему подобно, разрушенію подвержено быти? Хотя разнасаждающая натура все то, что подъ властію ея состоитъ, со временемъ снова перемѣняетъ и разрушаетъ, однакожъ сила ея весьма отдалена отъ разрушенія и раздробленія несложнаго духа. А сіе-то есть душа моя. И такъ она при предстоящемъ разрушеніи тѣла моего, освободясь отъ узъ его, возвратится къ блаженному своему началу, и вѣчно жить будетъ.

Вѣрю еще болѣе. Вѣрю, что Богъ, ежегодно шаръ земной обновляющій, и тѣхъ птицъ и насѣкомыхъ, которыя только лѣтомъ живутъ, отъ зимняго ихъ окостенѣнія воззывающій и вновь оживляющій, такимъ же образомъ нѣкогда

тон-

тончайшую матерію тѣла моего по учинившемуся премѣненію уяснитъ и соединитъ паки съ безсмертною душею моею. Коль же скоро сія тончайшая матерія тѣла моего по сложеніи земной мглы своей уяснится и съ душею моею соединится, оставляю сіе премудрому опредѣленію Существа всѣхъ существъ. Довольно, что заставляетъ меня такъ мыслить могущество Того, которой весь міръ изъ ничего воззвалъ и меня превелъ изъ вѣчной тьмы ко свѣту. Безконечная Его премудрость и любовь подаетъ сію надежду. Духовное улучшеніе вещей въ тайной работной храминѣ Божіей утверждаетъ сіе, а палингенезія показываетъ сіе въ образѣ.

Такимъ образомъ учитъ меня вся натура, отъ Виновника своего зависящая, что и я не внѣ союза съ Творцемъ моимъ нахожуся, произшелъ изъ руки Божіей, та же рука ведетъ меня, учреждаетъ судьбину мою и въ нее опять долженъ я возвратиться. Великій сей союзъ, которымъ я къ Богу пріединяюсь, есть основаніе всякой религіи, ко всѣмъ должностямъ меня

меня обязующей. Законъ, который Творецъ Божественнымъ перстомъ написалъ въ сердцѣ моемъ, и гласъ судіи въ груди моей, провождающій успокоеніемъ и радостію послушаніе мое, непослушаніе же мучительнымъ беспокойствомъ преслѣдующій, побуждаетъ меня къ исполненію должностей моихъ. — Первая изъ всѣхъ должностей есть познаніе и почитаніе Творца моего, Отца моего, моего высочайшаго Благодѣтеля. Вторая изъ главныхъ должностей моихъ есть образованіе сердца моего къ чистотѣ и добродѣтели, дабы достойно приближиться къ Нему. Третія есть правота и непритворная любовь къ человѣкамъ. Я не одинъ въ мірѣ живу; я сочленъ великаго общества, имѣющаго общаго Отца на небесахъ. Не уже ли должно оскорблять мнѣ сего моленія достойнаго Отца недостойными поступками противъ братьевъ моихъ? Никакъ! Примѣръ Бога моего столь восхитителенъ, и чувствованіе должности моей столь сильно, что не возможно мнѣ не стремиться всѣми силами способствовать сколько

но можно благу братьевъ моихъ и облегчать бремя страждущихъ. Неправда другихъ не освобождаетъ меня отъ должности моей; ибо Творецъ оную назначилъ. Чѣмъ болѣе исполняю я должности свои, и подаю опытовъ богоугодныхъ, добродѣтельныхъ и человѣколюбныхъ намѣреній, тѣмъ болѣе приближаюсь я съ Божіею помощію къ опредѣленію бытія моего, тѣмъ радостнѣе предстану предъ грядущее судилище Божіе, и тѣмъ достойнѣйшимъ буду членомъ онаго небеснаго общества въ блаженномъ мірѣ духовъ.

Вѣра сія, которая не пустое есть воображеніе, ниже гордое помышленіе, ниже политическое ослѣпленіе, но представленіе, достойное величества Божія, возвышаетъ земное мое удовольствіе, услаждаетъ часы моего страданія, и вливаетъ въ меня бодрость противъ ужасовъ смерти. Она уже мнѣ драгоцѣнна и земнаго спокойствія ради, а тѣмъ паче надежды ради будущаго. При сей вѣрѣ могу я всегда Богомъ моимъ радоваться и утѣшаться тѣмъ, что Онъ всѣ мои

здѣшнія судьбы къ истинному моему благу и къ уготовленію будущей славы ведетъ. Молю Его, и вѣрю, что молитва моя и услышаніе оной уже были предметомъ вѣчнаго совѣта Его и Божескаго благоволенія въ великомъ чертежѣ міра, и теперь еще есмь звѣно цѣпи великой связи Его вседѣйствительности и всеуправленія. Стремлюсь въ здѣшнемъ училищномъ росадникѣ сего времени испытанія, въ которомъ меня премудрость Божія въ достойнаго неба гражданина воспитать желаетъ, яко послушное чадо Божіе, составлять славу высочайшаго Отца моего. Прилѣжу къ мудрости чадъ свѣта, и ежедневно поучаюсь въ великой Божественной книгѣ натуры. Я доволенъ состояніемъ моимъ; ибо происходитъ оно отъ лучшей десницы Отца моего, образовавшаго меня и къ вѣчности сотворившаго. Благодарю Его за то, что имѣю и пріемлю оное, яко даръ милосердой десницы Его. Попеченіе о будущемъ оставляю я Ему, яко лучшему Отцу моему, и предаюсь волѣ Его. Ежели Онъ посылаетъ мнѣ радостные часы, то тѣмъ пі-

пріятнѣе они мнѣ будутъ, что я знаю, что любовь Его ихъ мнѣ даетъ. Ежели пошлетъ часы скорби, сношу ихъ съ терпѣніемъ. Утѣшаюсь тѣмъ, что нахожусь у Него въ милости, и Онъ меня не оставитъ. Щитаю ихъ пріуготовленіемъ къ вящшимъ благамъ, и не отвращаю отъ Него упованія моего. Приходитъ наконецъ послѣдняя борьба (подвигъ), то надѣюсь при помощи Его итти на оную радостно. Знаю, что тогда достигну я послѣдняго моего опредѣленія и несравненно лучшей жизни. — Оставшіеся мои, коихъ благословляющимъ взоромъ препоручаю я лучшему Отцу, нѣжнѣйшему Другу, Богу моему, нѣкогда туда же мнѣ послѣдуютъ. — Между тѣмъ стараюсь, сколько могу, исполнить опредѣленіе бытія моего, узнавать Творца отчасу болѣе, опыты премудрой благости Его чувствовать и прославлять Его, очищать сердце мое, смирять хотѣнія мои и волю мою покарять Его святой волѣ, служить ближнимъ моимъ, сохранять совѣсть мою, и симъ образомъ достойно пріуготовиться къ вѣчности. Злоба отъ

сердца моего удалена, а слабости мои покроетъ милость Его. Когда невѣріе въ нуждѣ трепещетъ и наконецъ отчаявается, тогда вѣра моя пребываетъ спокойна, и предаетъ себя въ волю Божію какъ въ животѣ, такъ и въ смерти. Однимъ словомъ, ежедневно помышляю въ радости о Богѣ моемъ, и пути мои поручаю Господу; Онъ все устроитъ во благое.

Кто не восчувствуетъ силу сего исповѣданія вѣры и драгоцѣнныхъ истиннъ онаго, которыя въ простомъ своемъ изображеніи, силою внутренняго свѣта своего, столь восхитительны и существенной преисполнены красоты? Безконечная милость и премудрость Божія, не напрасно внушающая духу человѣческому сіи понятія, сіе желаніе, сіе упованіе не напрасно, и дающія чувствовать ихъ съ внутреннимъ спокойствіемъ, въ томъ намъ порукою. — Но положимъ, что ежелибъ и вздумали, что все сіе есть единая мечта и заблужденіе, то и тогда должны вольнодумцы признаться, что сіе по крайней мѣрѣ достойно высочайшаго желанія; напротивъ того

го всѣ вѣнцы земные должно почитать за прямое ничто. Цицеронъ во времена тьмы язычества посрамляетъ въ ясномъ свѣтѣ истинны вольнодумцевъ, говоря такимъ образомъ: ежели я заблуждаюсь въ томъ, что души человѣческія почитаю безсмертными, то заблуждаюсь охотно, и сіе заблужденіе, меня утѣшающее, во весь вѣкъ мой похитить у себя не позволю.

Но чтобъ вольнодумцы не могли подумать, что мы по единому побужденію произволенія нашего пустыя воображенія наши изобразили, то намѣрены мы оправдать вѣру нашу. Доказательства наши утвердимъ мы предпочтительно на столпахъ религіи, которыхъ есть четыре:

1.) Познаніе Бога и величественныхъ свойствъ Его.

2.) Нравственное міроправленіе и совокупный съ нимъ особливый промыслъ Божій.

3.) Безсмертіе души.

4.) Будущее воздаяніе по дѣламъ человѣческимъ, купно съ соединенными съ онымъ судьбами въ вѣчности.

Прочія истинны религіи суть необходимыя слѣдствія коренныхъ силъ истиннъ. Но да не останется на пути ни единаго камня претыканія, видимъ мы себя принужденными опровергнуть напередъ начальныя положенія новѣйшей философіи, отверзшей врата вольнодумству, и утвердить напротивъ того ту, которая съ натурою, съ ученіемъ мудрыхъ всѣхъ вѣковъ и съ самимъ Священнымъ Писаніемъ согласна. Симъ путемъ достигнемъ мы сугубаго намѣренія: первое, дабы вольнодумцевъ, ежели они хотя еще нѣсколько чувства имѣютъ и не совсѣмъ ожесточенны, тѣмъ болѣе увѣрить; второе же, утвердить какъ насъ самихъ, такъ и всѣхъ почитателей Божества въ такой истиннѣ, которая столь близко до насъ касается, и столь высочайшую выгоду въ будущемъ намъ обѣщаетъ.

Господи! просвѣти насъ свѣтомъ Твоимъ, безъ котораго все есть тьма единая.

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

О единической философіи (*).

Любовь къ истиннѣ и намѣреніе теперешняго сочиненія принуждаютъ меня коснуться тѣмъ положеніямъ нынѣшней философіи, которыя вольнодумству способствуютъ, не взирая на *то*, что они въ сочиненіяхъ ученыхъ нашего времени людей слишкомъ запутаны. У инаго похищу я кумира его, на котораго до сего времени весьма онъ надѣялся. Справедливый правила мои безъ всякаго шума въ тишинѣ *станетъ* испытывать; о несправедливыхъ же я не помышляю;

пусть

(*) Единическая, или монадная философія, есть та, которая полагаетъ, что Богъ пребываетъ самъ *удаленъ* отъ міра, и не мѣшается въ распоряженіе міра. — Слово самое монада происходитъ отъ Греческаго слова *μόνας, αδος*, *единица*. Сіе слово есть художественное, употребляется новѣйшими философами, и занято ими со временъ Лейбницовыхъ, дабы означить совсѣмъ простыя и нераздѣльныя существенныя части тѣлъ, кои древнѣйшіе философы называли элементами; но ихъ объ оныхъ понятія весьма были отмѣнны отъ понятія новѣйшихъ,

пусть называютъ они меня Фанатикомъ, или Самаряниномъ.

Предполагаю: Богъ и внутренняя натура суть оба неиспытуемы и неизмѣримы; ибо одна въ другомъ находится. Они невидимы, а извѣстны только по наружнымъ своимъ дѣйствіямъ. Сколь мало можетъ яма вмѣстить въ себя Океанъ, толь же мало можетъ ограниченный нашъ разумъ постигнуть Божество и натуру. Тщетно посягаетъ разумъ нашъ на сію неизслѣдимую глубину; посрамленъ долженъ будетъ возвратиться вспять. Не изслѣдованіе, но удивленіе есть конецъ всякой философіи. — Какъ! развѣ разумъ долженъ остановиться? Никакъ; пусть думаетъ, но доколѣ можетъ; притомъ долженъ остерегаться, чтобы ничего не басословишь и не выдавать другимъ за выработанныя истинны пустыя воображенія. Простая практическая и полезная истинна несравненно драгоцѣннѣе всѣхъ теорическихъ тонкостей тѣхъ людей, которые много о нихъ спорятъ, и ничего не дѣлаютъ. Практическое корабельщиково знаніе компаса своего,

по которому умѣетъ онъ направлять ходъ своего корабля, щитаю я болѣе философическимъ, то есть полезнѣйшимъ всѣхъ тонкостей философскихъ, которые сокровенною онаго силою ломаютъ себѣ голову и приписываютъ иногда невидимому ходу винтовъ, иногда тайному изліянію отъ юга къ сѣверу, или, какъ другіе говорятъ, отъ сѣвера къ югу; иногда плавающему въ центрѣ земномъ превеликому магниту, иногда еще другимъ причинамъ. Такимъ же образомъ земледѣлецъ и садовникъ, когда умѣютъ порядочно обработать землю и садъ, то въ глазахъ моихъ знаютъ натуру гораздо болѣе тѣхъ, которые въ каждомъ сѣмячкѣ видятъ всѣ сокровенныя и изъ него къ развертыванію назначенныя растѣнія и сѣмена безконечныя будущности, но ни однимъ изъ всѣхъ мысленныхъ плодовъ сихъ не пользуются. Тѣ знаютъ свойства натуры изъ примѣчаній и опытовъ, производятъ ихъ въ дѣйство, не мучивши себя о тайныхъ причинахъ внутреннихъ дѣйствій натуры, и достигаютъ предмета своихъ стараній; ни-

же роются въ воображеніи своемъ даже до сумасшествія и ничего не получаютъ: которые разумнѣе поступаютъ? Кто изъ нихъ мудрѣе?

Источникъ всѣхъ заблужденій новой философіи, подкрѣпляющій невѣріе вольнодумцевъ, есть неправильное понятіе о *несложномъ существѣ*, которое тонкой Лейбницовъ духъ хотя не изъ худаго намѣренія сперва родилъ, и въ чемъ ему не только великой Вольфъ послѣдовалъ, но и всѣ нынѣшняго времени ученые пріемлютъ оное яко безсомнѣнную истинну, и завертываютъ въ системахъ своихъ.

Досточтимая древность издревле подъ словомъ *несложное существо* разумѣла каждое существо тонкое, чистое, свѣтлое и несложное; существо, разрѣшенію стихійному не подверженное, какъ бы оно впрочемъ велико, или мало разширяемо ни было. Въ семъ смыслѣ называли они какъ чистый воздухъ неба, такъ и духовъ и души и стихіи вещей существомъ несложнымъ; Бога же Существомъ несложнѣйшимъ, всепростѣйшимъ, для котораго и самыя небеса нечисты суть.

суть. Стихій натуры были у нихъ четыре, всеобщія внутреннія *перпоначальныя матеріи* вещей, теплота, хладъ, суша и влажность, которыя они образно огнемъ, воздухомъ, землею и водою назвали. Притомъ усматривали они въ натурѣ два главныя начала: дѣйствующее и страждущее. Дѣйствующее начало, яко первое въ натурѣ, называли они *духомъ*, о величинѣ котораго судили они не по распространенію, но по внутреннимъ онаго силамъ. Страждущее же, яко второе въ натурѣ, называли *матеріею*, одаренною извѣстными удобопріятіями принимать, допускать въ себѣ дѣйствовать и превращаться. Первый по мнѣнію ихъ былъ чистое, несложное свѣтосущество, тѣлесную натуру несравненно превосходящее. Вторая же изъ перваго хаоса, образованная и съ стихіями смѣшанная матерія, которая подвержена многимъ премѣненіямъ, и по внутреннемъ разрушеніи частей своихъ способна къ возвышенію и уясненію, какъ то истиннымъ знатокамъ натуры извѣстно. Впрочемъ утверждали они бытіе всеобща-

го *духа натуры*, котораго они душею міра, или, по словамъ Священнаго Писанія, дыханіемъ, или дуновеніемъ Божіимъ называли. Они почитали его духовнымъ источникомъ всѣхъ дѣйствій въ натурѣ, и изліяніемъ изъ того живаго источника вѣчнаго, самосуществующаго, невидимаго свѣта, въ которомъ, по Павлову ученію, Богъ живетъ, посредствомъ котораго Божество вліяніе свое въ первыя начала всѣхъ вещей имѣетъ, и посему все во всемъ называется. Въ семъ-то намѣреніи говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости: кругъ міра исполненъ духа Господня. Что наконецъ до человѣческой души принадлежитъ, то почитали они ее изліяніемъ духа натуры, или свѣтиломъ, зазженнымъ въ человѣкѣ отъ невидимаго свѣта, которое въ немъ есть начало жизни и способности мыслить и хотѣть. Сіе начало души человѣческой показываетъ и Моисей въ образованіи перваго человѣка, говоря:

По сему понятію о душѣ человѣческой, яко о духѣ, въ семъ тѣлѣ распростра-

страненномъ, не только могутъ душа и тѣло другъ въ другѣ дѣйствовать, что и жизненное наше чувство утверждаетъ, но душа можетъ весьма естественно разнасаждаться, распространяться и въ силѣ своей возвыситься, такъ какъ свѣча другую свѣчу зажигаетъ, ничего отъ самой себя не теряя. И нѣсколько дрождей цѣлому квашенію могутъ сообщить бродящій духъ свой. Я не знаю, что побуждаетъ новѣйшихъ философовъ сію всѣми древними мудрецами предшедшихъ временъ утвержденную, съ натурою и Божіимъ Писаніемъ согласную и разумъ столь просвѣщающую систему отметать и вести насъ въ лавиринѳъ бездушнаго міра. Сіе подало случай матеріалистамъ итти далѣе, и даже и духъ изъ человѣка изгнать. Не достаетъ только посягнуть на престолъ Божій и его уничтожить въ мысляхъ своихъ, то и будетъ все одна матерія и единыя дѣйствія, о которыхъ не извѣстно, откуда имъ произойти должно.

По понятію новой философіи, несложное существо должно быть така-

кая вещь, которая никакихъ частей не имѣетъ, слѣдовательно никакого и пространства не занимаетъ. Кто не видитъ, что изобрѣтатель сего понятія въ дѣленіи своей пылинки въ мысляхъ своихъ поступилъ математически, не совѣтуя съ натурою, дѣлить ли, и она подлинно такимъ же образомъ? Ограничиваніе пылинки, не могущей состоять изъ частицъ, безконечно малыхъ, наконецъ долженствовало довести его до нераздѣльной точки, или единицы, которой въ цѣломъ мірѣ нигдѣ, кромѣ мыслей его, не обрѣтается. Кто звалъ его перемѣнять началы, и внутренность натуры мѣрить математическою мѣрою? Кто далъ ему право выдавать вымышленное понятіе свое за нѣчто нужное и дѣйствительно существующее, и строить на ономъ цѣлую систему? Не слишкомъ ли скоро сіе заключеніе; понеже то, что распространяется и пространство занимаетъ, должно состоять изъ частей, и должно оному дѣйствительно дѣлиму быть, и слѣдовательно быть подвержену разрушенію. Сіе бываетъ въ нѣкоторыхъ об-

обстоятельствахЪ только вЪ тѣлесномЪ, а не вЪ духовномЪ, гдѣ дѣленіе, или разрушеніе, вЪ одномЪ воображеніи состоитЪ. Да и кто же будетЪ дѣлать несложное духовное? Натура? Ея сила не идетЪ далѣе, какЪ до разрѣшенія вЪ стихіи. БогЪ сіе учинитЪ? Кто вопрошалЪ Его о томЪ, что сила Его, изЪ ничего все произведшая, обратитЪ ли оное опять вЪ прежнее ничто? Мудрость не упражняется вЪ умословіяхЪ и метафизическихЪ возможностяхЪ, а вЪ дѣйствительности и истиннѣ. Сколь мало безконечный, пространный, чистѣйшій небесный воздухЪ раздѣленЪ быть можетЪ кЪ разрушенію и тлѣнію подверженЪ, столь же мало справедливо помянутое заключеніе и сЪ новымЪ понятіемЪ о несложномЪ существѣ. И такЪ коль тщетенЪ есть трудЪ разрубить воздухЪ, и лучь свѣта поимавЪ заперетъ, столь же мало вредно мысленное раздѣленіе духовному протяженію, когда дѣленіе находитЪ мѣсто вЪ мысляхЪ; для чего же быть ему математическому, то есть уменьшая до безконечно малаго? Не лучше ли быть ему ана-

аналогическому, то есть естеству сразмерному, а именно: всегда простѣйшему, чистѣйшему и единообразнѣйшему до самотончайшаго, и наконецъ до безконечно чистаго свѣтосущества, то есть самаго Бога, которой первоначально и существительно во всѣхъ вещахъ есть, и все во всемъ дѣйствуетъ? То дѣланіе отводитъ меня отъ Бога, сіе же къ Богу приводитъ.

Какъ обыкновенно одно заблужденіе раждаетъ многія другія, такъ случилось и съ монадическимъ понятіемъ о несложномъ существѣ въ принаравливаніи онаго къ духовному ученію. Ибо какъ скоро всѣ духи, и даже безконечное Божество, стало превращенно монадически, то есть въ недѣлимыя точки, никакого пространства незанимающія, въ сравненіи которыхъ превращеній всѣ Овидіевы ничто иное, какъ дѣтскія игрушки: то неотмѣнно должны будутъ многія правила натуры и мудрости при основаніи новаго монадическаго міра духовъ изчезнуть.

Глап-

Главнѣйшія изъ нихъ суть:

1) Существительная *вездѣсущность* Божія. Сія никакъ не могла остаться купно съ понятіемъ монадическаго Божества; и для того тотчасъ сдѣлали обманчивое различіе между вездѣсущностію по существу и вездѣсущностію по силѣ. Первую откинули, а вторую удержали; самому же Божеству показано стало неопредѣленное мѣсто внѣ міра.

2.) *Духъ натуры* откинутъ той же ради причины, и напротивъ того міръ учиненъ одною машиною, для которой сковали великую міра цѣпь нужныхъ и другъ за другомъ слѣдующихъ перемѣнъ.

3.) *Физическое вліяніе* души и тѣла одной въ другое также не могло устоять. Ибо какимъ образомъ можно было безконечно малой точкѣ и грубому тѣлу взаимно другъ въ другѣ дѣйствовать? И хотя на мѣсто онаго тончайшее суемысліе, каковое только могло вымышлено быть мыслящимъ духомъ, то есть предустановленная стройность долженствовала

 быть

быть поставлена, однакожъ со всѣмъ тѣмъ воспрепятствовало въ томъ всякое чувство человѣческое и цѣлое царство учености. И такъ увидѣли себя принужденными физическое вліяніе хотя удержать, однако дали оному другой видъ.

4.) *Разнасажденіе* души человѣческой при новомъ ихъ монадическомъ существѣ также должно было престать. Что было тутъ дѣлать? Нашли тотчасъ пособіе въ предсотвореніи всѣхъ человѣческихъ душъ вдругъ, и впрятали ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ чреслы Адамовы.

Таковы были высокославныя метафизическія новыя положенія монадической философіи, притѣснившія старыя физическія, и въ царствованіе которыхъ вольнодумцы нашли отверстыя врата къ невѣрію и посмѣянію религіи. Ибо чего ради должно было пещися о нихъ Божеству, отъ міра отдаленному? И на какую пользу служила бы религія машинѣ міра, единожды случаемъ заведенной?

Доброй Ланге весьма примѣтилъ худыя слѣдствія новой философіи; не

до-

доставало ему одного терпѣнія разсмотрѣть опаснѣйшія правила оной въ самомъ ихъ началѣ. Неспѣлая его ревность болѣе вреда, нежели пользы принесла, и небогословской его поступокъ противъ Вольфа весьма обнаружилъ личную ненависть его, и тѣмъ испортилъ доброе его дѣло. Онъ сдѣлалъ лишнее, и по правамъ возмездія ему отплатили также съ лихвою.

Хотя изъ вышеписаннаго неосновательность ведущей къ деизму монадической философіи довольно явствуетъ, однакожъ разсмотримъ мы подробнѣе все множество явныхъ оной неразумій.

Понятіе о несложномъ и простомъ существѣ, яко о простой точкѣ, или единицѣ, въ разсужденіи Божественнаго существа, противорѣчитъ неизмѣримости и безконечной великости Божіей, также Его вездѣсущности и изъ оной изливающемуся вседѣйствію. Все чувство мое противится почитать Божески точку, которую я самъ превосхожу величиною, и о которой не знаю, гдѣ она, хотя изъ щедрости дарую ей и всѣ прочія

Божескія свойства, которыя точка имѣть не можетъ. Сколь напротивъ того безконечно достойнѣе моленія моего вѣчное и самостоятельное Существо всѣхъ существъ, которое дѣйствительно вездѣ и все во всемъ есть и дѣйствуетъ, и въ которомъ мы всѣ живемъ, движемся и есьмы? Безконечная, вездѣсущная монадическая точка симъ безразсуднѣйшее противорѣчіе. Напротивъ того безконечно великое и вездѣсущное духовно пространное, одинакое и всякой сложности чуждое Существо, сколь оно само по себѣ и непостижимо, съ глубочайшимъ почитаніемъ понимается и изъ существа и дѣлъ своихъ ужверждается. Ежели хотятъ вездѣсущность Божію при единой силѣ Божества ограничить, та же остается безразсудность отдаленная, и отъ существа отдѣленная сила есть ничто, принадлежащее не къ дѣйствительному, но къ мечтательному міру. Можетъ ли какая сила въ отдаленіи безъ изліянія помышляема быть? Но изліяніе противорѣчитъ понятію о единицѣ. Ежели хотятъ вседѣйствующую силу Божію

Божію приписать единой мыслящей Его волѣ, такъ чтобъ стоило только помыслить Богу, то все бы и исполнилось: тогда отдадутъ Богу силу безъ силы, то есть дѣйствіе безъ дѣйствующей причины; ибо мысль, или единое представленіе, ничего не можетъ безъ силы, а сія не можетъ дѣйствовать безъ изліянія. И такъ ежели при единой Божеской мысли безъ силы должны вдругъ явиться міры, то должны они при Божественномъ мановеніи въ мгновеніе ока сами собою сдѣлаться. Кто сіе въ самомъ дѣлѣ утвердитъ. Напротивъ того понимается изъ дѣйствительной вездѣсущности изливающееся вседѣйствіе весьма естественно, хотя само по себѣ въ разсужденіи образа и способа и непостижимо пребываетъ. Ежели хотятъ наконецъ посредствомъ вольнодумческаго невѣрія отрицать нынѣщнее Божіе дѣйствіе въ мірѣ, полагая, что Богъ, учредивши міръ единожды, навсегда не имѣетъ до него дѣла, а далъ ему свободное его теченіе; но со всѣмъ тѣмъ вездѣсущное дѣйствіе Божіе въ мірѣ тогда,

 когда

когда Онъ все творилъ и образовалъ, не можетъ отрицаемо быть, не впадая въ тѣ же противорѣчія, о которыхъ мы выше упоминали; ежели Богъ тогда всѣмъ вещамъ существенно присутствовалъ, для чегожъ теперь не существовать Ему вездѣ? Развѣ Онъ теперь не тотъ же неизмѣримый Богъ? Развѣ тогда не могъ Онъ быть единицею въ разсужденіи великости своей? Ежели же тогда былъ Онъ безконечно пространный Духъ, какъ же Ему по сотвореніи міра безконечно собраться въ мѣсто и превратиться въ единицу, въ точку, и гдѣ же должно точкѣ сей находиться?

Равнымъ неразуміемъ запутана машина міра деистовъ и великая цѣпь судьбы, или случайности; ибо происходитъ она изъ вышеобъявленнаго буйства, утверждающаго отдаленіе Божества отъ міра. Машина міра безъ Духа есть часы безъ пружины, а цѣпь случаевъ мечта. Ибо ежели свободныя человѣковъ дѣйствія суть также части цѣпи сей, то вся нравственность изчезла, и благодѣтель мой не отъ благороднаго и свобода-

бодчаго сердца мнѣ благодѣтель, а отъ насилія неизбѣжной судьбы. Какоюжъ обязанъ я ему благодарностію? Отъ того же насилія и бездѣльникъ злодѣйствуетъ, и врагомъ моимъ становится. По какому праву обвиняютъ и наказываютъ его въ злодѣяніи, когда онъ къ оному необходимо опредѣленъ былъ? Ежели же свободныя дѣйствія человѣковъ исключены быть должны, какъ-то они въ самомъ дѣлѣ суть и подлинно намъ извѣстны таковыми: то и непосредственныя слѣдствія оныхъ должны быть исключенны. Гдѣ же будетъ тогда славная цѣпь сія, у которой столь многихъ звеньевъ, да еще и важнѣйшихъ не достаетъ? Еще болѣе, ежели человѣки во многихъ вещахъ поступаютъ свободно; а когда они мудры, великодушны и благородны, то почто хотятъ у Божества похитить высочайшее Его преимущество, то есть свободу управлять міромъ, слѣдуя своей премудрости? О грѣшные человѣки! что вы помышляете?

Никто ощутительнѣе Гундлинга не показалъ нелѣпость Лейбницовой

предустановленной стройности, которую бы почли за романъ лунныхъ путешествій, ежелибъ Вольфъ ее столь усердно не доказывалъ. Подлинно ничто такъ не противорѣчитъ чувству человѣческому, и ничто такъ не противно нравственному причитанію, какъ сія система; потому не нашла оная и успѣха въ распространеніи. Между тѣмъ надъ физическимъ вліяніемъ трудились столь долго, и утончить его старались столь много, что наконецъ заставили быть монадическимъ, предписавъ какъ душѣ, такъ и тѣлу совсѣмъ новой родъ дѣйствій. Она, то есть душа, должна стала отселѣ только въ ближайшей единицѣ, а сія въ послѣдующей за нею, и такъ далѣе, чрезъ безконечной рядъ единицъ въ цѣломъ тѣлѣ, и точно также на оборотъ тѣла въ душѣ дѣйствовать. Но сіи привидѣнія рушатся сами собою и изчезаютъ, какъ скоро только мы себя ощущаемъ.

Чтожъ принадлежитъ наконецъ до вымышленнаго предсотворенія всѣхъ душъ человѣческихъ вдругъ, и первое пребываніе ихъ въ чреслахъ Адамо-

мовыхъ, то неразуміе положенія сего видно изъ образа странствія ихъ въ будущія времена, которому бы неотмѣнно кипами итти надлежало тогда только, когда дѣйствительное бываетъ зачатіе, да и то только сына. По какимъ правиламъ поступитъ тутъ натура? Кто остановитъ связку душъ при рожденіи дочери, или при бесплодномъ сожитіи? Еще болѣе, сколько миліоновъ душъ для будущихъ временъ должны были при первомъ убіеніи Авеля пропасть, и ежедневно пропадать безвременною смертію многихъ мущинъ? Куда всѣ сіи назначены, къ вѣчности, или къ уничтоженію? Довольно съ меня безумій таковыхъ, вымышляемыхъ только для того, чтобъ утвердить любимую систему.

Такимъ образомъ рушится вся сія славная монадологія и все на оной утвержденное зданіе, какъ остроумно оная ни была вымышлена, сильно доказывана и почти за неоспоримую почитаема.

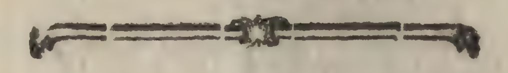
Явная неправость монадическаго понятія о несложномъ и простомъ

 суще-

существѣ даетъ новую силу истиннѣ противуположнаго понятія о несложномъ существѣ, яко чистомъ, несмѣшанномъ и дѣйствующемъ свѣтосуществѣ, и всѣмъ сопряженнымъ съ нимъ ученіямъ натуры и мудрости. Что же бы могло насъ понудить отказать согласіе наше такому ученію, которое мудрыми всѣхъ временъ преподаваемо, важностію Божественнаго Писанія подкрѣпляемо и собственнымъ чувствованіемъ нашимъ утверждаемо? И такъ ученіе древнихъ о несложномъ существѣ пребываетъ почтенія достойною истинною, такъ какъ ученіе новѣйшихъ, не взирая на ослѣпляющее въ ихъ сочиненіяхъ и на усилившееся одобреніе оныхъ пустымъ мозга произведеніемъ.

Я уже предвижу въ духѣ, какъ перья иныхъ философовъ, которые такъ жалуютъ любезныя свои единицы, изощряются противъ возраженій моихъ, за то, что я не согласно съ ними мыслю. Но я буду подражать почтенной натурѣ, въ тишинѣ пути свои продолжающей, не останавливаясь при высокоученыхъ спорахъ жрецовъ

цовъ своихъ. Хотябъ единожды поучились видѣть ясно. Я знаю, что я пишу.



ОТДѢЛЕНІЕ IX.

О положеніяхъ естественной философіи.

Къ вышеобъявленнымъ отринутымъ положеніямъ естественной философіи древнихъ, почтеніе которыхъ мы отъ неразумія монадической философіи свободили и возобновили, должны мы еще нѣкоторыя положенія древнихъ, съ первыми неразрывно соединенныя и къ намѣренію нашему необходимо нужныя, ясно представить и оправдать справедливость и истинну оныхъ. Для большей ясности примѣчаемъ напередъ, что Богъ и натура столь же часто одно за другое мѣняютъ, сколь часто оныя другъ отъ друга отлучаютъ. Не опредѣленіе слова натура подало поводъ къ первому недоразумѣнію: мечщаніе о Божествѣ, отъ міра отлученномъ, увеличило оное, а злость враговъ религіи совершенно оное запушала; напротивъ

тивъ того друзей религіи привело къ незрѣлой ревности противъ почтенныя натуры.

Многіе изъ древнихъ философовъ, усмотрѣвшіе въ натурѣ откровенную десницу Божію, смѣшивали Божество съ натурою и впали въ сомнѣніе о бытіи Божества; ибо они все безъ различія приписывали натурѣ. Мудрѣйшіе же изъ нихъ величайшую полагали разность между творящею и сотворенною натурою (Natura naturans et naturata). Первая есть конечно Богъ, а вторая есть міръ.

По происхожденію слово натура значитъ собственно разнасаждающуюся и умножающуюся силу, или рожденія вещей въ міръ, которою роды, виды растущихъ и живущихъ твореній сохраняются. Сіе есть именно то, что древніе соблюденіемъ чрезъ предложенное твореніе называли.

Поелику слово натура есть столь многозначущее, то справедливо будетъ, чтобъ мы употребленіе онаго въ обыкновенныхъ рѣчахъ опредѣлительно назначили. Въ общежитіи натура значитъ почти тоже, что и про-

простое свойство и качество каждой вещи, такъ какъ въ юности мы себѣ сдѣлали объ ономъ понятіе.

У вольнодумцевъ натура значитъ частію случайное, по мнѣнію ихъ, установленіе міра и его судебъ, отчасти же склонность собственныхъ ихъ похотѣній и страстей, съ исключеніемъ высочайшаго человѣческаго опредѣленія. Скотина и человѣкъ въ одной у нихъ степени.

Въ богословскомъ нравоученіи натура значитъ, поелику противополагается она благодати, нравственность человѣчества, паденіемъ разслабленную и поврежденную, доколѣ оная свѣтомъ Божіимъ исправится и въ первоначальную красоту свою возобновится. Въ таковомъ смыслѣ называется человѣческое естество (натура) грѣшнымъ естествомъ (натурою).

Въ обыкновенномъ физическомъ ученіи слово натура принимается за существо сотворенныхъ вещей, дѣйствующею силою одаренное. Но сіе не принадлежитъ къ матеріи, яко страдательной части вещей, могущей во всякіе перемѣниться виды; но къ духу, совокупленному

съ

съ матеріею. Сей духъ, которой въ каждой вещи по ея опредѣленію дѣйствуетъ; сіе ограниченное дѣйствіе натуры, которая зависитъ отъ вышней дѣятельности начальнаго духа, принадлежитъ къ дѣламъ Божіимъ, коимъ я хотя удивляюсь, но никогда онымъ не приписываю чести моего Творца, а токмо честь, орудію Его приличную. Къ симъ причитаю я на примѣръ силу стихій и движенія.

Чрезъ творящую, или образующую натуру разумѣется сила Божія, которую открываетъ образующая и благословляющая Творчая десница въ сокровенной и чудесной своей работной храминѣ, во всѣхъ трехъ царствахъ натуры, чрезъ превосходящее разумъ человѣческой выобразованіе первоначальной матеріи и сѣмени растущихъ и живущихъ твореній. Въ сей натурѣ видимъ мы, какъ въ зеркалѣ, славу великаго Творца и Содержителя осѣменяющихся, разнасаждающихся и умножающихся вещей. Здѣсь покланяюсь я десницѣ Божественнаго Отца моего, которая и меня въ утробѣ матери моей чудесно образовала. Чудны

дны дѣла Его, и душа моя познаетъ оное.

Въ высочайшемъ смыслѣ берется слово натура, когда говорится о первой, вѣчной, самосущной и все во всемъ дѣйствующей Натурѣ. Сія есть самое Божество, въ которой и чрезъ которую всѣ вещи суть и состоятъ. Ничего не вижу я опаснаго въ семъ именованіи. Божеству все едино, подъ какимъ бы названіемъ я Его ни признавалъ. Каждый народъ, каждый языкъ, именуетъ Бога инымъ именемъ. Не звукъ слова, но приличное Богу о Немъ понятіе, принуждаютъ меня чтить Существо всѣхъ существъ. И такъ я обожаю ту величественную Натуру, которая есть начало всѣхъ вещей, въ которой и силою которой я живу, и въ которую возвращусь опять и вѣчно въ ней радоваться буду.

Наконецъ чрезъ слово *вся натура* разумѣется иногда Творецъ со всѣми дѣлами Его, небомъ, землею и всемъ что въ нихъ находится; а иногда одна только сотворенная натура, не упоминая о Творцѣ. Въ первомъ смыслѣ чту я единаго Творца, и радуюсь

юсь тѣмъ, что я есмь единое изъ благороднѣйшихъ твореній въ великомъ кругѣ дѣлъ Его; въ другомъ же удивляюсь всей натурѣ въ величіи и лѣпотѣ ея, въ которой аки малѣйшая точка изчезаю, и возвышаюсь отъ оной къ Начальнику ея и Правителю, въ благодати котораго утопаю.

Мы какъ для избѣжанія сѣтей вольнодумческихъ, такъ и для охраненія почитателей Божества, принимаемъ слово натура не за самое Божество, но за то, чѣмъ Оно преимущественно познавается, то есть за утвержденный вѣчнымъ начертаніемъ премудрости порядокъ Божественныхъ дѣйствій въ мірѣ, а особливо за величественный путь Божій при рожденіи вещей. Между тѣмъ однакожъ все относится къ Божеству, яко къ живому и существенному источнику всѣхъ дѣйствій. Ибо ежели мы точно разсмотримъ великую область натуры, сіе неизмѣримое позорище всѣхъ чудесъ Божіихъ, то все въ ономъ для насъ весьма высоко и непостижимо. Мы знаемъ міръ и натуру по нѣкоторымъ оныхъ явленіямъ и свойствамъ, и каж-

дой вещи приписываемъ толь много свойствъ, какъ опытъ научаетъ. Но внутреннее остается для насъ сокровенно, хотя мы объ ономъ много и различно догадываемся, и какъ бы мы глубоко въ изслѣдованіе причинъ ни погружались, но наконецъ должны же остановиться при Божествѣ, яко причинѣ всѣхъ причинъ, на примѣръ: отъ чего раскаляется теперь сіе желѣзо? Отъ того, что скорое движеніе огня проникло оное. Откуда происходитъ скорое движеніе огня? Оно есть свойство, ему принадлежащее. Кто даетъ огню силу сію? Натура. Кто же далъ оную натурѣ, и кто ее въ ней подкрѣпляетъ и сохраняетъ? Никто иной, развѣ Богъ, учредившій и сохраняющій сіе такимъ образомъ. Здѣсь безмолвствуетъ разумъ мой съ благоговѣніемъ, и прекращаетъ вопросы. И хотябъ тысячу другихъ среднихъ причинъ привели, то впали бы только въ кругъ мыслей, и наконецъ бы опять при Богѣ же, яко при беспрерывной главной причинѣ всѣхъ причинъ, остановились; ибо все про-

исходитъ отъ Бога, и въ Немъ кончится всякая премудрость.

Здѣсь да будетъ мнѣ позволено учинить небольшое представленіе, какимъ образомъ мудрые издревле по мѣрѣ ограниченнаго разумѣнія человѣческаго натуру и начало ея себѣ представляли. Богъ есть, по ихъ понятіямъ, вѣчное и самосуществующее невидимое Существо свѣта и вѣчный Разумъ (mens, λόγος). Сей въ вѣчной тьмѣ сокровенный и самъ въ себѣ вѣчно блаженный Свѣтъ открылся чрезъ твореніе, повелѣвъ первѣе свѣту изъ тьмы возсіяти. Сей Божествомъ исполненный Свѣтъ безконечнаго разумѣнія (Intelligenz) и дѣйствующія силы одушевилъ всемогуществомъ произведенную матерію дыханіемъ, или дуновеніемъ Божіимъ, то есть всеобщимъ натуры, или міра духомъ, и оплодилъ онымъ сѣмя всѣхъ вещей. Сей Духъ Божій развиваетъ оное въ свое время (по формѣ и идеѣ) по образу и мысли, впечатлѣннымъ Богомъ каждому изъ нихъ, и дѣйствуетъ во всѣхъ вещахъ по утвержденному Богомъ порядку и законамъ, предписаннымъ

натуд-

натурѣ. Онъ сообщаетъ каждой вещи по роду ея свѣтъ, силу и дыханіе столько, сколько потребно ей по ея опредѣленію. Онъ означаетъ каждые роды и виды вещей въ ихъ строеніи опредѣленною имъ величиною, видомъ, цвѣтомъ, запахомъ, вкусомъ, осязаніемъ, движеніемъ, дѣйствіемъ и другими свойствами. И такимъ образомъ вся натура исполнена духа, свѣта, разумѣнія (Intelligenz) и жизни. Причемъ дана звѣрямъ сила, чувственно ощущающая и представляющая человѣкамъ, сверьхъ того еще разумная и свободно мыслящая сила, яко образъ Божій. Сіе-то старались древніе мудрецы изъ дѣйствій натуры чрезъ прилѣжныя наблюденія и опыты въ полезнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни человѣческой узнавать и употреблять, не стараясь терять времени въ тщетныхъ трудахъ и спорахъ о томъ, какимъ образомъ натура внутренно дѣйствуетъ.

Каждой воленъ сіе древнихъ ученіе принимать, или отметать, ежели только учинитъ себѣ о Богѣ и натурѣ высокія и величества ихъ до-

 стой-

стойныя понятія и представленія, и мнѣнія свои другимъ на подобіе ереси не вперяетъ.

Какъ бы то ни было, но поистиннѣ между всѣми вещами въ цѣлой натурѣ нѣтъ ничего чудеснѣе и невидимому вездѣсущному Божеству подобнѣе, какъ простирающійся всюду небесный свѣтъ. Кто можетъ Его описать по величію и достоинству Его? Онъ самъ по себѣ невидимъ, а все учиняетъ видимымъ. Онъ есть всечистѣйшее и духовное Существо, кто можетъ Его схвативши сохранять? Онъ есть источникъ всякаго сіянія, красоты и великолѣпія, кто можетъ понять Его быстроту, тонкость, свѣтлость и разнообразное Его отсвѣчиваніе? Лучи Его въ мгновеніе ока по неизмѣримому разстоянію вкругъ себя простираются, видятся въ освѣщенныхъ предметахъ, проникаютъ и пресѣкаются биліонами чрезъ малѣйшую скважину. Свѣтъ веселитъ и ободряетъ всю натуру и оживляетъ ее ясностію, такъ какъ отсутствіе онаго и тьма наводитъ уны-

уныніе и страхЪ. ОнЪ есть двигатель всѣхЪ растущихЪ и питающихЪ силЪ, и источникЪ жизни чрезЪ огнь натуры вЪ живительной теплотѣ. Огнь сей проникаетЪ во внутренняя твердыхЪ тѣлЪ, и никакіе заклепы, ниже затворенія не могутЪ воспретить входЪ его. ОднимЪ словомЪ, свѣтЪ по Божествѣ вЪ натурѣ есть все во всемЪ. МірЪ безЪ него былЪ бы темною, пустою и мертвою глыбою. То не удивительно, что омраченные язычники созданному свѣту солнца, луны и звѣздЪ, а Персы вѣчному огню покланялись. Мудрецы ихЪ безЪ сомнѣнія мыслили благороднѣе, и разумѣли подЪ онымЪ невидимый самосущный свѣтЪ Божій, котораго чувственно мыслящій народЪ вЪ сотворенномЪ видимомЪ свѣтѣ воображалЪ. Развѣ чернь между Христіянами лучше поступаетЪ, изображая невидимое и безконечное Божество вЪ видѣ ветхаго деньми? Но и сіе еще несравненно чувственнѣе, нежели представленіе о НемЪ, сообщаемое точкою, или единицею.

Поелику потребное для разумѣнія древнихЪ уже изъяснено, то намѣре-

ны мы три главные вопроса, хотя уже на оные и отвѣтствовано, ради ихъ важности ближайше разобрать и болѣе объяснить.

ВОПРОСЪ I.

Богъ есть ли отдѣленное отъ міра, или съ онымъ соединенное Существо?

Изъ предъидущаго отдѣленія довольно явствуетъ, что Богъ всѣмъ вещамъ существенно присутственъ есть, слѣдовательно долженъ Богъ быть во всѣхъ вещахъ, такъ какъ и всѣ вещи въ Немъ суть; но съ несказанною разностію: Онъ, яко вѣчное, необходимое и самостоятельное Существо всѣхъ существъ и Начало всѣхъ дѣйствующихъ причинъ; сотворенное же все яко отъ Него зависящія и чрезъ Него состоящія вещи. Человѣкъ есть сего подобіе; ибо онъ уже отъ древнѣйшихъ мудрецовъ малымъ міромъ, а въ Священномъ Писаніи, въ разсужденіи обитающаго въ немъ духа, образомъ Божіимъ нарицается. Какъ наша душа, будучи хотя совсѣмъ различное съ тѣ-

домъ

домъ нашимъ существо, однакожъ тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединенное, оживляетъ оное и управляетъ: такъ и Богъ Творецъ, Хранитель и Правитель всѣхъ вещей, хотя отъ міра весьма различенъ, однакожъ тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединенъ, а не чуждъ и отдаленъ отъ онаго, какъ-то вольнодумцы мыслятъ. Ибо и святый Павелъ говоритъ: Богъ недалече отъ каждаго изъ насъ; въ Немъ бо живемъ, движемся и есьмы; отъ Него и чрезъ Него и въ Немъ всѣ вещи суть. — По сей-то причинѣ языческіе философы почитали Бога душею міра, которое именованіе есть аналогическое, никакъ не умаляющее Божества, все во всемъ дѣйствующаго, когда изъясняется Оно по достодолжной и Богу приличной высокости. Кто же изъ смертныхъ отважится разрѣшить тѣснѣйшій сей союзъ между Творцемъ и твореніями? Но сколь утѣшительно есть напротивъ ученіе сіе для почитателей Божества, кои небеснаго своего Отца и друга вездѣ, въ себѣ, при себѣ и около себя имѣютъ!

ВОПРОСЪ II.

Самъ ли собою продолжается міръ, яко единожды отъ Бога заведенная махина; или продолженіе онаго происходитъ еще отъ беспрерывнаго Божіяго вліянія?

Здѣсь должны мы сперва примѣтить, что Вольфова махина міра принадлежитъ къ философической ошибкѣ; потому что изъ одной крайности впадаемъ обыкновенно въ другую. Хотя мы не отрицаемъ механизмъ міра, ибо и малаго міра, человѣка, механизмъ принимаемъ; теченіе звѣздъ доказываетъ оной очевидно; но слѣдуетъ ли изъ того, что міръ есть только махина? Сіе изъ онаго столь же мало слѣдуетъ, какъ изъ обращенія крови слѣдовать можетъ, что человѣкъ не иное что есть, какъ махина? Гораздо болѣе научаютъ насъ свободныя наши мысли, намѣренія и дѣйствія, отъ свободы духа нашего зависящія, что мы принадлежимъ къ классу гораздо благороднѣйшему и вышшему, нежели махины. Такимъ же образомъ и міръ не есть

есть только махина, но существо оживленное и Духомъ Божіимъ исполненное, въ которомъ всѣ явленія и чудеса не отъ одного механическаго въ немъ установленія, а гораздо болѣе отъ свободы Божіей зависятъ. Свобода же Его сопряжена съ премудростію, а сія съ порядкомъ. Уподобленіе часовъ и отношеніе часовщика къ онымъ здѣсь ничего опредѣлить не можетъ. Земной художникъ не можетъ содержать матерію, которую находитъ онъ не въ себѣ, а въ натурѣ, и изъ которой выработываетъ дѣло свое купно съ силою, которую онъ въ матеріи же находитъ; онъ не есть творецъ ея. И такъ сіе заключеніе весьма скороспѣшно, ежели изъ сего хотятъ заключить, что и Богъ столь же мало удобенъ къ содержанію натуры. Напротивъ того никакая вещь не можетъ сама собою ни минуты стоять безъ духа силы Божіей; ибо Онъ есть существительная жизнь и начало жизни всѣхъ вещей, равно какъ не можетъ сама себѣ дать бытіе и жизнь. Вотъ доказательство!

Богъ есть и пребываетъ въ разности съ міромъ преимущественно по самосуществованію, имѣющему вѣчное основаніе свое въ Немъ самомъ. Сія существительная разность Божія съ міромъ не могла никакимъ образомъ ни въ началѣ, ни въ продолженіи своемъ міру удѣлена быть; ибо тогда не было бы никакой разности между Творцемъ и твореніями; тогда Богъ и міръ было бы едино. Сколь не возможно было міру произойти самимъ собою, столь не возможно есть оному самимъ собою стоять, то есть самимъ собою содержаться и собственною своею продолжаться силою. Первое противорѣчитъ нечаянности, а второе зависимости міра. Поелику же продолженіе въ Богѣ есть Его вѣчнопродолжающаяся самосущность, то и состоитъ продолженіе міра въ продолженіи безконечно распространенной силы Его (которая есть беспрерывное изліяніе Божіе), воззвавшей его изъ вѣчнаго и безконечнаго мрачнаго его ничтожества.

ВОПРОСЪ III.

Какимъ образомъ Богъ, натура и міръ между собою разнствуютъ, и одинъ въ другомъ пребываютъ.

Ежели вопросъ сей до опредѣленія внутренности Божества и натуры коснется, то отвѣтъ на оной не принадлежитъ смертнымъ, яко неимѣющимъ объ ономъ созерцательнаго познанія. Но сколько можно вообще изъ сравненія великаго міра съ малымъ разсуждать по мудрости, то мнѣнія истинныхъ философовъ о семъ суть слѣдующія:

Существо Божіе, не токмо идеяльное, но истинно вещественное и первоначальное существо всѣхъ вещей, коего вездѣсущный Духъ все проникаетъ, есть первая и беспрерывно продолжающаяся пружина всей натуры, единый свѣтъ, сила и жизнь. Безконечное могущество и премудрость Его все сотворила и учредила, и Его никогда не прерывающееся изліяніе во всѣ вещи оживляетъ все, такъ что каждая въ своемъ родѣ по Божіему начерта-

нію дѣйствовать можетъ, и такимъ образомъ, что ежели бы Богъ вліяніе свое отлучилъ на единое мгновеніе ока, то бы вся натура должна была остановиться и весь міръ разрушиться въ прежнее *ничтожество* свое. Тоже Существо, которое вліяніемъ своимъ въ самомалѣйшихъ частяхъ натуры и міра дѣйствуетъ, обращаетъ и управляетъ по премудрости цѣлымъ къ всеобщей стройности и совершенству.

Натура вообще есть сила, сообщенная вещамъ беспрерывнымъ Божіимъ вліяніемъ къ дѣйствованію по учрежденію Божескаго начертанія въ матеріи, сразмѣрно ея пріемлемости. Вся натура есть совокупленіе всѣхъ духовныхъ силъ въ мірѣ, кои Духомъ Божіимъ чрезъ беспрерывное вліяніе подкрѣпляемы и сохраняемы суть.

Міръ есть собраніе всѣхъ сотворенныхъ вещей, или всеобщимъ духомъ оживленный великій механизмъ, съ котораго малый міръ, то есть человѣкъ, есть слѣпокъ.

Что тѣло въ человѣкѣ, то сравнительнымъ образомъ матерія есть въ мірѣ. Что въ человѣкѣ духъ жизни,

зни, то духъ натуры есть относительно къ міру, и что въ человѣкѣ свободно мыслящая и свободно хотящая душа, то Богъ есть относительно къ міру, купно и Начальникъ онаго. Матерія міра пріемлетъ въ себя дѣйствія, такъ какъ тѣло человѣческое: духъ натуры дѣйствуетъ въ ней, такъ какъ духъ жизни дѣйствуетъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Богъ же подкрѣпляетъ всю силу, и притомъ управляетъ всемъ міромъ, такъ какъ душа управляетъ въ человѣкѣ. Богъ творитъ, учреждаетъ и управляетъ натуру силою своею, а укрѣпляемая Имъ натура являетъ силу сію въ матеріи. Впрочемъ съ моленіемъ прилагаемъ перстъ къ устамъ нашимъ. Боже! кто можетъ изслѣдовать Тебя и дѣла Твои?

Въ заключеніе должно еще опровергнуть нѣкоторыя мнимыя возраженія противъ присутствія и вліянія Божія во всѣхъ вещахъ.

I Возраженіе. Ежели Богъ и міръ одинъ въ другомъ находятся, то бы надлежало быть Богу частію міра, а міру частію Бога, а еще болѣе, обоимъ бы надлежало быть равно неизмѣри-

мѣримымъ. — Первое, то есть, что Богу и міру надлежало бы быть частію одного въ другомъ, столь же мало слѣдуетъ, какъ то, что душа и тѣло должны быть частію одного въ другомъ, отъ того что они одинъ въ другомъ находятся. Но какъ душа и тѣло вмѣстѣ всего составляютъ человѣка, такимъ образомъ можно безъ всякой ереси сказать, что Богъ и міръ вмѣстѣ всю натуру, или точно цѣлое все составляютъ. — Второе, то есть, что Богъ и міръ были бы оба неизмѣримы; сіе каждый истинный философъ и другъ Божій охотно приметъ; ибо сіе весьма сходно съ высочайшею честію Творца, когда Онъ упражняется дѣломъ, сразмѣрнымъ величію Его. Однакожъ всегда остается существительная разность между неизмѣримости Божіей и неизмѣримости міра: Божія есть необходимая и самосуществующая, а физическая напротивъ случайная и отъ Бога зависящая.

II Возраженіе. Ученіемъ о Божескомъ во всѣ вещи вліяніи уничтожается вся натура, или по меньшей

мѣрѣ

мѣрѣ должна бы была шествовать, ежели бы сіе угодно было Богу, совсѣмъ иначе, нежели какъ бы она сама въ себѣ хотѣла.

Одна наружность не можетъ здѣсь ничего рѣшить; ибо мы натуру по однимъ наружнымъ ея дѣйствіямъ, а не по внутренному существу ея знаемъ, о которомъ, кромѣ Бога единаго, никто созерцательнаго познанія не имѣетъ. Видимый огонь всегда имѣетъ свѣтящую, грѣющую и палящую силу; онъ зажигаетъ, растопляетъ, изсушаетъ и проч. по свойству каждой вещи; но слѣдуетъ ли изъ сего, что натура являетъ силу сію безъ сохраняющаго Божескаго вліянія и точно сама собою? Можетъ ли она собственною своею силою сохраняться? Она по законамъ и правиламъ поступаетъ. Какъ не подкрѣплять ее самому Богу, когда премудрость Его оную опредѣлила? Мыслящій иначе обвиняетъ Бога нестройствомъ. Богъ, яко Господь натуры, хотя и можетъ, когда только угодно Ему будетъ, въ правленіи оной отступить всячески отъ правилъ ея, но никогда не соизволитъ

Онъ

Онъ премѣнить пути натуры, Имъ опредѣленные и Его вліяніемъ продолжающіеся. Но чтобы натура сама собою и безъ Божескаго вліянія къ чему нибудь склонна была, сіе есть пустое воображеніе. Наклонность ея есть не что иное, какъ исполненіе порядка, побужденій и способностей, которыя Богъ вліяніемъ Божественной силы своей содержитъ, и при которыхъ сообразуется Онъ со свойствомъ поставленной Имъ самимъ разности вещей, такъ что можно сказать: Богъ опредѣляетъ самъ себя по своей премудрости, и въ дѣйствіяхъ своихъ есть самъ себѣ законъ по начертанію своему, не нарушая свободу свою, которая именно въ томъ и состоитъ, что ничто положеннаго Имъ перемѣнить не можетъ.

III Возраженіе. Ежели натура безъ вліянія Божескаго сама собою ничего учинить не можетъ, то конечно Богъ беретъ участіе въ злодѣяніяхъ грѣшника и въ учиненіи всякаго преступленія.

Здѣсь по справедливости полагаемъ мы великую разность между натурою и

и нравственностію. Натура есть собственно то, въ чемъ ничего безъ влиянія Божескаго не происходитъ. Нравственность же души человѣческой превышаетъ натуру свободномыслящею и свободнохотящею ея способностію. Она, то есть душа, яко первоначальное дуновеніе Божіе, хотя и состоитъ подъ вседержавнымъ скипетромъ Божіимъ, и въ бытіи своемъ и силѣ также чрезъ Божеское вліяніе сохраняется; хотя и здѣсь управляетъ Богъ по законамъ и правиламъ, но по правиламъ нравственности, а не натуры. Натура подвержена неволѣ, а нравственность нѣтъ; ибо сей все предоставлено на ея свободной выборъ и заключеніе. И такъ состоитъ въ произволеніи души предписанію нравственныхъ законовъ слѣдовать, или преступать оные; употреблять свободу свою по волѣ Божіей къ блаженству своему, или противоставить оную волѣ Божіей къ своей погибели. Когда грѣшникъ намѣревается учинить злое дѣло, то Богъ не отдаляетъ сохраняющее вліяніе свое, дабы отвратить отъ зла руку грѣшника, иначе уни-

 что-

чтожилЪ бы ОнЪ законы натуры. Но вЪ зломЪ намѣреніи грѣшника ОнЪ участія не пріемлетЪ. Здѣсь Божественнымъ вліяніемЪ подкрѣпляется вЪ дѣйствіе натуральное, а не нравственное.

Послѣднее возраженіе есть совсѣмЪ отмѣннаго вида: ежели БогЪ во всѣхЪ вещахЪ существуетЪ, то надлежитЪ быть Ему во всѣхЪ нечистыхЪ и срамныхЪ вещахЪ, даже и вЪ самомЪ адѣ; каковое помышленіе есть хуленіе наисвятѣйшаго Существа.

ИзЪ сего возраженія видимо, какЪ иногда невинная вещь и чистая истинна порицаемы бываютЪ. Что БогЪ есть неизмѣримЪ и существомЪ вездѣсущный, сіе есть свойство, безЪ котораго БогЪ не можетЪ быть БогомЪ. Ибо ежелибЪ одно только какое либо мѣсто вЪ натурѣ Божества изключенно было, то бы уже и находилось нѣчто отЪ Бога независимое. Таковое престола Божія ограниченіе не можетЪ согласоваться сЪ беспредѣльною безконечностію Божескою. КакимЪ образомЪ можетЪ Божество умаляться, ежели Оно присутствіемЪ наполняетЪ то, что Оно сотворить удостоило? Сіе

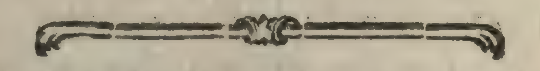
при-

присутствіе ни мало не причиняетъ смѣшенія, безконечно чистому Божественному свѣтосуществу съ вещами натуры, такъ какъ и распростертый небесный свѣтъ земнымъ свѣтомъ уловленъ и съ онымъ смѣшанъ не бываетъ. Не должно намъ Божественную вездѣсущность и вседѣйствіе измѣрять мѣриломъ тварей, и мѣшать простую натуру съ нравственнымъ. Такъ какъ во всей натурѣ по Божескому начертанію и концу вещей само по себѣ все благо и ничто зло есть, хотя по обстоятельствамъ нѣкоторое для насъ и вредно бываетъ: такимъ же образомъ во всей натурѣ нѣтъ ничего нечистаго и срамнаго, хотя мы многое относительно къ намъ по нравственности нашей таковымъ и почитаемъ. Огонь самъ по себѣ пребываетъ добрымъ и необходимымъ, не взирая на то, что неусмотренная искра великія причиняетъ бѣды. Божіе учрежденіе о продолженіи рода человѣческаго пребудетъ во вѣки чудомъ Божественной премудрости, не взирая на то, что злоупотребленіе онаго нравственностію почитается позор-

 нымъ

нымъ и наказанія достойнымъ. Такимъ же образомъ присутствію Божію быти во адѣ столь же противно, сколь непредосудительно есть Ему наказующее Его правосудіе.

Такимъ образомъ ученіе мудрыхъ о присутствіи и беспрерывномъ вліяніи Божіемъ во всѣ вещи пребываетъ истинною, сразмѣрною величеству Божію.



ОТДѢЛЕНІЕ X.

О Богѣ и свойствахъ Его.

Теперь приступаемъ мы къ четыремъ столпамъ религіи. Первой изъ нихъ есть познаніе Бога и величественныхъ свойствъ Его. Здѣсь источникъ всякой мудрости и блаженства, хотя Богъ и непостижимъ; ибо какъ конечному постигнуть безконечное? Отъ сего точно и произошли въ мрачныя времена язычниковъ странныя, развратныя, а часто ужаснѣйшія о Богѣ понятія. Каждой представлялъ себѣ непостижимое Существо по мечтанію своему; даже и при самомъ

свѣтѣ Евангелія большая часть Христіянѣ представляютѣ себѣ Отца небеснаго вѣ небѣ изображеннымѣ старцемѣ; даже многіе учители богословіи и философіи представляютѣ себѣ Бога яко точку, отѣ міра отдѣленную, и по единой силѣ своей вездѣсущную. Хотя все то, что мы о Божествѣ мыслить и сказать можемѣ, вѣ безконечности теряется. Вольнодумцы и враги богопочитанія почитаютѣ Его даже за *что-то непѣдомое.* Однако сколь ни непостижимо существо Божіе само по себѣ, но со всѣмѣ тѣмѣ какѣ свѣтѣ натуры, такѣ и свѣтѣ откровенія столь же ясно показываетѣ намѣ Божество вѣ дѣлахѣ Его.

Главное о Немѣ понятіе, вѣ которомѣ мудрые древнихѣ и новѣйшихѣ временѣ сѣ Священнымѣ Писаніемѣ согласуются, и которое здравому разсужденію столь ясно и ощутительно, есть сіе:

Богѣ есть самосуществующее, дѣйствующее Начало всѣхѣ вещей, невидимое Существо всѣхѣ существѣ, умѣ вѣчный и Отецѣ свѣта и духовѣ.

Опредѣленіе Божіихъ свойствъ, изъ сего проистекающихъ, не вдругъ учинилось, но мудрыми чрезъ внимательное разсмотреніе натуры, въ которой слава Творца яко въ зерцалѣ чистомъ просіяваетъ, мало помалу обрѣтено, распространено, утверждено и предаваемо.

Изъ умственнаго сличенія Божества, яко дѣйствующей причины всѣхъ вещей, съ самыми вещами, основаніе свое въ Богѣ имѣющими, происходитъ всѣ свойства Божія, кои вообще суть безконечны.

Понеже все имѣетъ основаніе свое въ Богѣ, то всякимъ образомъ Божество есть безконечно,	*Изъ сего истекаютъ Божіи свойства:*
Относительно	
1) Къ Его бытію,	Самосущественность, вѣчность и непремѣнность.
2) Къ Его существу;	Духовность.

3) КЪ Его самобытію,	Высочайшая свобода и блаженство.
4) КЪ Его величію,	НеизмЂримость и вездЂсущіе.
5) КЪ Его мощи и дЂйствію,	Всемогущество и вседЂйствіе.
6) КЪ Его сообщительности,	Оживленіе всЂхЪ вещей.
7) КЪ Его познанію,	ВсевЂдЂніе.
8) КЪ Его склонности,	Всеблагость и величайшая любовь.
9) КЪ Его нравственности,	ВсесовершеннЂйшая святость и правосудіе.
10) КЪ Его намЂреніямЪ и исполненію оныхЪ,	Всепремудрость и всеуправленіе.
11) КЪ Его открованію.	Всеобщіе слЂды Божества и глагола Его.

ВсЂ сіи Божественныя свойства вмЂстЂ составляютЪ понятіе о величествЂ и славЂ Божіей, и вЪ НемЪ суть единое.

Понятія, или человЂческія представленія сихЪ БожіихЪ свойствЪ, по нашему свЂдЂнію, сЪ ученіемЪ мудрыхЪ

и Священнымъ Писанiемъ сходному, суть слѣдующiя:

1) *Самосущность* Божiя есть вѣчная необходимость существа и бытiя Его, то есть, Ему не можно не быть, и быть иначе не можно, какъ Онъ дѣйствительно есть, такъ что противоположенiе сему никакимъ образомъ не возможно. Изъ сего понятiя самосущности Божiей истекаетъ *вѣчность* Его, то есть продолженiе Его, ни начала, ни конца не имѣющее, и непремѣнность Его, то есть, что Онъ никакой премѣнѣ времени неподверженъ.

2) *Духовность* Божiя состоитъ въ Его о всемъ невидимомъ, безконечно единственномъ и всечистѣйшемъ живущемъ свѣтосуществѣ, которое свободно отъ всякаго смѣшенiя, предъ которымъ и сами небеса не чисты суть, и къ которому никто приближиться и испытать Оное не можетъ. Здѣсь для большей ясности не могу я не привесть антимонадическихъ (*) словъ Iоанна

(*) Ложные послѣдователи Епикура, не понимая ученiя его о матерiи, мечтали, что творенiе произошло изъ случайнаго атомовъ; или пылинокъ.

Іоанна Арндта въ истинномъ его Христіянствѣ, въ главѣ о второмъ днѣ творенія Божія. Они суть слѣдующія: „Небо есть превыше воздуха, и есть „свѣтлѣйшее и яснѣйшее существо; и „чѣмъ существо чище, тѣмъ оно ду„ховнѣе, и тѣмъ болѣе въ немъ силы: „Какъ же сему чудному, прекрасному, чи„стому, ясному существу неба со всѣми „его свойствами не быть велелѣп„нымъ свидѣтелемъ Божіимъ? — „Ибо когда Всемогущій Богъ сотво„рилъ столь чистое, ясное, постоян„ное существо, которое мы въ сей „разума нашего слабости изслѣдо-

 „вать

нокъ, стеченія, которыя отъ другихъ новѣйшихъ собратій ихъ названы *монадами*, или частицами; почему и слова Іоанна Арндта авторъ называетъ здѣсь *антимонадическими*. Во угожденіе жъ благосклонныхъ и внимательныхъ читателей нужнымъ нахожу я и сіе примѣтить, что Епикуръ почерпнулъ мудрость свою, бывъ въ первой степени училища Пиѳагорова, гдѣ преподаваемо было познаніе токмо о матеріи вещей: слѣдовательно, чему наученъ, тому и училъ; но другіе, какъ-то *Зенонъ* и прочіе, сдѣлавъ благополучный шагъ во вторую степень помянутаго училища Пиѳагорова, знали уже духовныя силы, дѣйствующія въ матеріи. Вотъ источники Стоиковъ и Епикурейцовъ!

„ вать не можемъ, какое же долженъ
„ Онъ самъ быть чистое, свѣтлое,
„ вѣчное, духовное, неиспытуемое, но
„ не такое, чтобъ Его отъ себя вы-
„ думать можно, и неисповѣдимое
„ Божественное Существо? „

3) *Свобода* Божія состоитъ въ совершенной независимости и беспредѣльности воли Его для избиранія по всевѣдѣнію и премудрости лучшайшаго изъ связи всѣхъ вещей, такъ что ничто всесвятѣйшему совѣту Его противиться не можетъ, а не въ коловратномъ токмо оныхъ избраніи, какъ то твари, имѣя недостатокъ въ проницаніи, при выборѣ своемъ поступаютъ. Съ сею высочайшею свободою Божіею совокупно блаженство Его, которое состоитъ не только въ одномъ ощущеніи безконечныхъ совершенствъ Его и въ исполненіи Его совѣтовъ, но и въ высочайшемъ благоволеніи къ совершенствамъ и благодѣйствію всѣхъ Его твореній, а особливо въ Божественной сладости быть благодѣтелемъ міровъ.

4) *Неизмѣримость* Божія состоитъ въ безконечномъ величіи существа Его,

исполн-

исполняющаго всѣ міры и небеса всѣхъ небесъ. Вездѣсущность же Его простирается на всѣ Его творенія въ цѣлой натурѣ, въ которыхъ Онъ, яко Существо всѣхъ существъ, и яко начало и дѣйствующая причина существуетъ, и которыя, яко дѣйствіе отъ Него, въ Немъ живутъ, движутся и суть.

5) *Всемогущество* Божіе состоитъ въ беспредѣльномъ могуществѣ и силѣ производить все изъ ничего, и все, что есть, управлять по своему совѣту, а вседѣйствіе Божіе состоитъ въ беспрерывной Его дѣятельности и въ беспрестанномъ вліяніи во всѣ дѣла Его. Въ семъ намѣреніи сотворилъ Онъ міръ, сразмѣрный великости своей.

6) *Оживленіе* всѣхъ вещей есть слѣдствіе Божіей вездѣсущности и вседѣйствія во всѣхъ вещахъ, и состоитъ въ сообщеніи Божественной силы жизни, которая беспрерывнымъ изліяніемъ все одушевляетъ. Потому и говоритъ изъ древнѣйшихъ мудрецовъ Зороастръ въ оракулѣ своемъ:

Ты, Отче боговъ и человѣковъ! беспрестанно одушевляя Свѣтъ и огнь, небесные воздухи, міры. (есть

7) *Всевѣдѣніе* Божіе есть безконечное Его вѣдѣніе, силою котораго Онъ не только въ безконечномъ разумѣ своемъ, яко источникѣ всякой истинны, родилъ изъ себя возможность и истинну всѣхъ вещей, но и всѣ вещи, какъ мимошедшія, такъ и будущія, и самыя сокровеннѣйшія сердецъ помышленія въ Божественномъ свѣтѣ своемъ мгновенно созерцаетъ.

8) *Благость и безконечная любовь* Божія состоитъ въ беспрестанномъ Его о благоденствіи всѣхъ твореній промыслѣ; силою котораго Онъ каждому изъ нихъ по Божественной склонности своей столько блага ниспосылаетъ, сколько оное принять можетъ, и сколько связь вещей и благо всего (цѣлаго) безъ помѣшательства большему благу позволяетъ.

9) *Святость* Божія касается до существительнаго Его нравственнаго характера, силою котораго Онъ не токмо, яко источникъ всякаго блага, ничего, кромѣ благаго и совершеннаго не изволитъ, и отъ злаго безконечно отдаленъ; но еще и въ твореніяхъ своихъ благое и совершенное любитъ,

а

а злое въ нихъ ненавидитъ. Изъ сей святости Божіей истекаетъ *правосудіе*, которое есть непремѣнный совѣтъ Божій награждать нравственныя добрыя дѣла свободныхъ твореній Его по прошествіи времени испытанія, злыя же наказывать.

10) *Премудрость* Божія есть то Его свойство, силою котораго Онъ начальный планъ натуры по вѣчнымъ законамъ со всѣми ея слѣдствіями начерталъ, намѣренія и средства къ высочайшему совершенству цѣлаго соединилъ, и всѣ духовные и тѣлесные міры въ величайшую стройность поставилъ. Съ премудростію Божіею соединено Его *всеуправленіе*, силою котораго Онъ все то, что премудрый совѣтъ Его положилъ, исполняетъ.

11) *Всеобщіе слѣды Божества и глаголъ* Его причитаю я также къ Божіимъ свойствамъ; ибо Божеству свойственно есть являть себя и волю свою умному творенію вездѣ и во всякое время различными образы, дабы слава Божія извѣстна и почитаема, воля Божія слѣдуема была, и тѣмъ самымъ блаженство умнаго творенія

ренія во времени и вѣчности основано было.

Моля, пою Тебя, о Существо существъ!
Тебя, отъ вѣка самимъ собою существующаго,
Тебя, умъ самосуществующій, Тебя, Отца свѣта,
Тебя, сотворшаго натуру изъ вѣчнаго ничего.

Ты Духъ духовъ, чистѣйшій Источникъ,
Свободный, единственный, невидимый, Самъ въ себѣ свѣтлый и ясный.
Неприступный свѣтъ одѣваетъ Божество Твое,
И чистѣйшія небеса противъ Тебя нечисты.

Существенность вещей (умъ и разумъ здѣсь молчитъ)
Родилъ изъ себя безконечный разумъ Твой;
И что Твой вѣчный совѣтъ во свѣтѣ семъ видѣлъ,
То должно неминуемо въ свое время сбыться.

Единъ Твой премудрый взоръ, Господи, можетъ сіе учинить,
Чтобы изслѣдовать чертежъ натуры и строеніе міровъ.
Чудеса и всѣхъ вещей теченіе, видимыя нами,
Свидѣтельствуютъ славу Твою, все благоустроившую.

Господи, Господи всемогущій! беспредѣльное могущество Твое
Сотворило все, все должно двигаться Твоею силою.
Вліяніе Твое никогда не стоитъ, а дѣйствуетъ всегда;
Цѣлое сіе великое все являетъ дѣятельность Твою.

Кто можетъ, Безконечный, Твою великость вообразить?
Беспредѣльное пространство не можетъ Тебя, Господи, объять,
Тебя, бытіемъ во всѣхъ вещахъ существующаго,
И все, что сотворилъ Ты, въ Тебѣ живетъ, движется и есть.

Божественное око Твое въ сокровеннѣйшей видимъ глубинѣ;
Духъ Твой, все испытующій, и помышленія можетъ вѣдать.
Онъ видитъ прошедшее, и дальнее будущее,
Какъ настоящее, ничего отъ Тебя скрыть не могущее.

Ты еси, Всеблагій, существенная Любовь,
Ты сообщаешися всѣмъ изъ чистѣйшаго чадолюбія.
Изъ Твоей полноты почерпаетъ каждая тварь,
И сіе благословеніе, Господи, есть слѣдъ Божества Твоего.

Ты

Ты всегда чувствуешь блаженнѣйшую радость,
Ты всѣхъ живущихъ сила, дыханіе, свѣтъ и солнце.
Не довольно, Ты устрояешь намъ вѣчное небесное блаженство,
И сіе есть, милостивый Боже, величайшее Твое *лучшее.*

Однакожъ, Всесвятѣйшій, Ты всѣхъ даровъ Источникъ,
Какое можешь Ты тогда имѣть благоугожденіе,
Когда Тебя дерзостный человѣкъ изъ слѣпоты не познаетъ,
И отъ страха Твоего къ похотѣніямъ своимъ обращается?

Истинно, то время приближается, когда по прошествіи годовъ испытанія
Святость Твоя явится міру.
Тамъ мерзости не будетъ, одна лишь добродѣтель,
О правосудный Боже! наслѣдуетъ свѣтомъ.

Въ прахъ повергшихъ Тебя призываю, Существо всѣхъ вещей,
Боже, Источниче, Свѣте и Душе, которому приношу жертву сію!
Удивленіе и благодареніе со внутреннѣйшимъ желаніемъ:
Ахъ! дай мнѣ быть единымъ съ Тобою духомъ, Боже мой!

Сіи суть главнѣйшія свойства величества и славы Божіей, сколько слабый свѣтъ разума ихъ постигаетъ. О сколь недосязаема глубина Божества еще предстоитъ, которую поздное потомство можетъ быть болѣе узнаетъ, будущая жизнь въ небесномъ свѣтѣ болѣе откроетъ, но совершенно изслѣдовать котораго не достанетъ ни самой вѣчности! — Не достойно ли глубочайшаго почитанія и моленія высочайшаго такое Существо, котораго

раго небеса повѣдаютъ славу, котораго дѣла возвѣщаетъ неизмѣримое небесъ пространство? Постыдно ли приклонить колѣно въ прахѣ и повергнуться предъ Живущимъ во вѣки вѣковъ? Господи! Ты единъ достоинъ пріяти царство и силу и славу. Ибо Ты единъ сотворилъ всяческая, и Тобою все имѣетъ свое бытіе. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

Всѣ сіи Божіихъ свойствъ изображенія суть выше всякаго доказательства; ибо никогда не можно приписать Божеству лишнее, а всегда слишкомъ мало. Кто хотя единое изъ свойствъ сихъ отметаетъ, безъ которыхъ Богъ не можетъ быть Богомъ, тотъ не полагаетъ Бога и отрицаетъ Его.

Но чтобы избѣжать намъ отъ вольнодумцевъ и малѣйшаго нареканія за то, якобы все безъ разсмотренія пріемлемъ: то намѣрены мы доказать особливо тѣ свойства Божіи, которыя сомнѣнію ихъ подвержены, или могутъ казаться таковыми. Сомнѣніе ихъ не касается до тѣхъ свойствъ Божіихъ, которыя простираются на Его самаго, яко Бога и яко источника

міра

міра и основателя человѣчества, именно: на самосуществованіе, вѣчность, непремѣнность, духовность, свободу, блаженство и всемогущество Божіе. И такъ доказывать сіи не имѣемъ мы нужды. Сомнѣніе ихъ наиболѣе касается тѣхъ свойствъ, которыя принадлежатъ Божеству относительно къ міроправленію и промыслу о человѣкахъ, а именно: неизмѣримость, вездѣсущность, вседѣйствіе и оживленіе всѣхъ вещей, всевѣдѣніе, премудрость и всеуправленіе, милость, или любовь, святость и правосудіе, и наконецъ всеобщіе слѣды Божества и глагола Его: сіи противорѣчатъ механизму ихъ, почему сіи самыя мы здѣсь и доказать намѣрены.

1) *Неизмѣримость*, или безконечная великость Божія, существительное Его *вездѣбытіе*, *вседѣйствіе* и *оживленіе* всѣхъ вещей принадлежатъ къ безконечно величественнымъ свойствамъ Божіимъ, которыхъ истинна и необходимость изъ вышеписанныхъ отдѣленій довольно явствуютъ; ибо мы доказали, что Божество во всемъ есть и дѣйствуетъ, и что міръ безъ не-

 пре-

прерывнаго и всеоживляющаго Божественнаго вліянія ни минуты простоять не можетъ. Ничто иное, какъ одни монадическія предразсужденія противятся сему. — Положимъ, что представляютъ себѣ Бога въ единомъ токмо мѣстѣ въ мірѣ, или внѣ міра, яко простую единицу въ разсужденіи Его великости, то относительно существенному присутствію Его Онъ ограничивается въ единомъ мѣстѣ. Ограниченный Богъ, какое противорѣчіе! иначе же не осталось бы довольно мѣста къ Его пребыванію. Ни изъ чего не можно принять, почему бы Онъ то, а не иное мѣсто избралъ; ибо всѣ мѣста въ равномъ въ разсужденіи Его отношеніи суть. Ежели скажутъ, что Онъ пребываетъ горѣ, то у антиподовъ нашихъ долженъ Онъ быть долу. Какая низкая мысль о высочествѣ Божіемъ! Воистинну, на небо ли вознесусь, Богъ тамъ; опущусь ли въ преисподняя, и тамъ Онъ же; ежели наконецъ возьму крылѣ утренней зари и полечу къ крайнимъ моря, и тамъ нахожу Его вездѣ предъ собою. — Еще болѣе: Богъ есть существо дѣятельное,

ное, и нѣтъ въ Немъ ничего страдательнаго. Поелику же истинныя вещей стихіи: огонь, воздухъ, вода и земля, никогда не покоятся, но во всегдашнемъ пребываютъ дѣйствіи, сколь же болѣе дѣйствующъ долженъ быть самъ тотъ, отъ котораго онѣ дѣйствительность сію получили, и который оную содержитъ и подкрѣпляетъ? Недѣйствующій Богъ, праздный зритель міровъ; какое о Божествѣ оскорбительное понятіе! Воистинну Богъ есть, подающій каждому вездѣ жизнь и дыханіе. Богъ гремитъ громомъ своимъ и дыханіемъ производитъ бури. Богъ простираетъ облака, куда Ему угодно, и на крылахъ вѣтровъ летаетъ. Богъ вѣнчаетъ годъ благостію своею, и слѣды Его исполненны тука; отъ Него, Имъ и въ Немъ суть всяческая. Ему подобаетъ слава во вѣки.

2) *Всевѣдѣніе* есть также одно изъ необходимыхъ свойствъ Его. Сомнѣніе о семъ происходитъ отъ нарушенной совѣсти, съ беспокойствомъ ищущей, чтобъ Богу не было сіе извѣстно. Быть не всевѣдущу

есть тоже самое, какъ быть нѣкоторымъ образомъ невѣдущу и несовершенну. Таковой не можетъ быть основателемъ и правителемъ міра, міра неизмѣримаго, столь многими чудесами и таинствами преисполненнаго, которыя безконечно превосходятъ умы Соломоновы, Евклидовы, Аристотелевы и Невтоновы. Сколь бы оскорбительно было величеству Божію, ежелибъ возможно было, чтобы тварь правильно могла помыслить слѣдующее: Боже мой! сіе, или сіе вѣдаешь Ты столь же мало, какъ и я. Сего быть не можетъ. Предъ свѣтомъ Божества нѣтъ сокровеннаго. Все предъ Нимъ ясно и открыто. Предъ Нимъ тьма яко полдень, прошедшее и будущее яко настоящее. Не сокрыто предъ Нимъ ни единое сердца моего помышленіе. О Всевѣдущій! воззри милостиво на меня, бѣдное Твое твореніе.

3) *Премудрость* Божія есть то самое свойство, которое вниманіе мудрыхъ и разумныхъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, наиболѣе занимаетъ и въ удивленіе приводитъ. Она столь необходимо съ понятіемъ о Божествѣ соединенна, что ничто такъ человѣка

къ познанію бытія Божія не ведетъ, какъ самая премудрость сія. Безъ премудрости всякое о Божествѣ понятіе вдругъ исчезаетъ. Малѣйшее объ оной сомнѣніе есть уже хуленіе Божества и отрицаніе разума. Сколь вѣрно познаемъ мы бытіе Божіе изъ міра, съ такою же вѣрностію познаемъ мы и то, что Богъ произвелъ столь великое и пречудное зданіе по наипремудрѣйшимъ намѣреніямъ и премудрѣйшими средствами. — Изъ міра видимъ мы, что вездѣ сотворено одно для другаго; ибо онъ такимъ образомъ связанъ, что одно безъ другаго стоять не можетъ. Опредѣленіе сіе намѣренъ я объяснить примѣромъ. Для чего сотворено солнце? Не для того ли, чтобы между прочими и земля наша была освѣщаема, согрѣваема и плодородна. Для чего же нужно сіе? Дабы живыя творенія, а особливо человѣки, на оной спокойно жить могли. Для чего же и сіе нужно? Дабы Богъ разумными твореніями познаваемъ и прославляемъ былъ, и имѣлъ бы окрестъ себя и въ видимомъ мірѣ благоденствующія творенія. Не весь-

ма ли естественно изЪ сего слѣдуетЪ, что БогЪ при сотворенiи земли нашей и солнца дѣйствительно намѣренiе сiе имѣлЪ и средство сiе избралЪ. Кто возможетЪ безЪ внутренняго прекословiя утверждать, что БогЪ сотворилЪ солнце безЪ всякаго намѣренiя? НечаяннымЪ случаемЪ получило оно силу освѣщающую, согрѣвающую и плодоносящую. Нечаянно вздумалось Богу поставить и нашу землю между прочими планетами. На удачу сотворилЪ онЪ живыя творенiя на земли. Для забавы одарилЪ ОнЪ человѣковЪ разумомЪ и свѣтомЪ мудрости, и такЪ далѣе. Сколь противосмысленны и развращенны суть таковыя мысли; ибо противорѣчатЪ общей стройности вещей: столь явно видится противоположенiе, что все премудростiю Божiею предразмышлено и учреждено. И такЪ кто естественнѣйшему образу мыслей слѣдуетЪ, кто чувствованiю сердца не противится, однимЪ словомЪ, кто не скотЪ, тотЪ никакЪ не можетЪ вЪ премудрости Творца и Мiроправителя сомнѣваться. КакЪ возможно быть безЪ премудрости тому,

кто разумъ человѣческой мудростію украсилъ? Куда мы внимательный умъ нашъ ни обратимъ, вездѣ находимъ сему неопровергаемыя доказательства. Вся образующая натура, всѣ столь разнообразные роды и образы цвѣтовъ, растѣній и звѣрей, неизчерпаемое хранилище для питанія и соблюденія ихъ, чудесное оныхъ разнасажденіе, превышающая всякое искусство организація отъ несѣкомой до человѣка, удивленія достойное учрежденіе чувственныхъ членовъ, чувствующая и мыслящая сила и безчисленное другихъ вещей множество; однимъ словомъ, вся натура и весь міръ свидѣтельствуютъ о премудрѣйшемъ расположеніи и безконечномъ проницаніи великаго Творца ихъ. Раздробляющій тѣло человѣческое въ строеніи онаго находитъ малый міръ. Разсматриваетъ всѣ части и каждую изъ нихъ находитъ необходимою. Чѣмъ глубже проникаетъ въ разсматриваніе, тѣмъ непостижимѣйшіе открываетъ слѣды искусства и премудрости. Чѣмъ болѣе открываетъ, тѣмъ болѣе узнаетъ, что онъ еще при на-

чалѣ находится; удивляется и прославляетъ Бога; однимъ словомъ, премудрость Божія есть неисповѣдимое море свѣта. Вся мудрость человѣческая есть искра единая отъ самосуществующаго свѣта, отъ вѣчныя премудрости возженная. Когда ты о человѣкъ! о Божіей премудрости помышляешь, положи перстъ на уста твои и безмолвствуй. Ему единому премудрому подобаетъ слава и удивленіе во вѣки!

4) *Всеуправленіе* Божіе есть непосредственное слѣдствіе вседѣйствія и безконечной премудрости Его, и не требуетъ дальняго доказательства. Не падетъ ни власъ главы нашей безъ воли Божіей; даже самомалѣйшая пылинка, непримѣчаемо у ногъ нашихъ лежащая, не можетъ безъ воли Божіей сдвигнута быть, какъ же могутъ постигнуть насъ судьбы наши безъ воли и совѣта Его? Рокъ и случай при понятіи о Богѣ совсѣмъ исчезаютъ. Они значущи суть только для насъ, яко невѣдущихъ будущаго. Господь есть цѣлымъ всемъ управляющій. Господь есть предпріятія человѣческія въ ничто

что обращающій, сердца Царей и Князей во власти своей имѣющій и обращающій ихъ, яко источники водные, по волѣ своей. Сему всесильному Царю подобаетъ честь и поклоненіе на небеси и на земли.

5) *Милость*, или безконечная *любовь* Божія есть всерадостнѣйшее и утѣшительнѣйшее для всѣхъ Его твореній свойство. Оно столь Божеству существительно, что безъ онаго объ Немъ помыслить не возможно. Вся натура, всѣ пріятности и красоты оной, количество благъ въ насъ и окрестъ насъ, и еще множайшее число неизвѣстныхъ благодѣяній Божіихъ проповѣдуютъ намъ любовь Его. Наше бытіе, ощущеніе о Немъ, чувствованія, удовольствія наши суть изліянія любви Божіей. Можетъ ли тотъ, кто насадилъ въ сердца наши любовь, сіе нѣжнѣйшее, благороднѣйшее, возвышеннѣйшее чувство, самъ быть безъ любви? Любовь Божія познается еще болѣе, ежели помыслимъ, что Богъ ничего ради себя единаго дѣлать не можетъ. Онъ дѣлами своими внутренняго блаженства своего

 ни

ни прибавить, ни убавить неудобенъ. Творитъ Онъ ради того токмо, чтобы блаженство свое сообщить каждой твари по роду ея. Вся дѣятельность Его, все Его дѣйствованіе любовь единая есть. Онъ есть самая любовь; любовь Божія есть, такъ сказать, и душа Божества и пружина всѣхъ дѣлъ Его. Она не есть страсть, яко въ человѣкахъ, чувственностію одѣтыхъ: она есть существительное свойство Божіе, беспрестанно упражняющееся въ томъ, чтобы на всѣ творенія изливать столько блага, колико они къ тому способны суть, и сколько умомъ и свободою одареннымъ твореніямъ существо вещей и связь оныхъ, а особливо предуготовленіе къ большимъ благамъ позволяютъ. Даже въ наказующемъ правосудіи являетъ Богъ богатство любви своей; поелику наказуетъ только для того, чтобы тварей, отступившихъ отъ пути добродѣтели и благополучія, опять на истинной путь обратить, и когда оныя ожесточились и учинились необратительны, то воздержать ихъ

по крайней мѣрѣ отъ вящшаго злополучія. И такъ кто милость и любовь Бога своего не признаетъ и не почитаетъ, недостоинъ оной и преимущества человѣческаго; и кто дѣлается недостойнымъ оной, не долженъ на Бога въ томъ жаловаться. О самосуществующая Любовь превѣчная, въ которой я совсѣмъ погружаюсь! буди мною во вѣки покланяема!

6) *Святость* и *правосудіе* Божіе, сей нравственной характеръ Божества, съ котораго человѣкъ въ своемъ совершенствѣ слѣпокъ есть, суть опаснѣйшія вольнодумцу свойства, и откровенія оныхъ кажутся для него Божеству мало приличны; и потому ни которымъ свойствамъ Божіимъ не противится онъ съ большею ревностію, какъ самымъ симъ. Однакожъ они равны всѣмъ прочимъ свойствамъ Божіимъ, то есть существенны въ Богѣ и крѣпко съ прочими Его свойствами, а особливо со всеуправленіемъ Его связаны. — Что Богъ самъ есть источникъ всякаго блага, и что Онъ одно благое, а не злое изволитъ, сіе не подлежитъ сомнѣнію вольнодумцевъ;

но

но чтобЪ ОнЪ на нравственность свободныхЪ твореній своихЪ взирать, благое вЪ нихЪ любить, и потому нѣкогда награждать, злое же вЪ нихЪ ненавидѣть, и потому нѣкогда наказывать былЪ долженЪ, сіе есть великой камень претыканія, которой угождающій похотямЪ своимЪ вольнодумецЪ всячески отвергнуть трудится. Суемысліе о Божествѣ уединенномЪ и отдаленномЪ отЪ міра весьма ему для сего потребно, а неравное удѣленіе даровЪ щастія на землѣ укрѣпляетЪ его вЪ ономЪ. — Но ничто ему не помогаетЪ. — Выше приведенное доказательство о всевѣдѣніи и существенномЪ вездѣбытіи БожіемЪ убѣждаетЪ уже его, что БогЪ все вѣдаетЪ, видитЪ и слышитЪ. КакЪ не видѣть тому, кто создалЪ око, и не слышать тому, кто насадилЪ ухо? ВЪ сердцѣ написанной законЪ и гласЪ совѣсти впрочемЪ убѣждаетЪ его, что БогЪ кЪ добрымЪ дѣламЪ и злымЪ, происходящимЪ отЪ свободы умныхЪ твореній, не можетЪ быть равнодушенЪ. Иначе установленіе Его было бы тщетнымЪ и располо-

положеніе дремлющимЪ, даже самЪ ОнЪ принималЪ бы участіе во злѣ, чего и помыслить о Богѣ не возможно. Воистинну, ежели есть оскорбленіе величества Божія, то сіе есть отрицаніе Его нравственнаго, Его благороднѣйшаго характера. ВЪ смиреніи упадаю со стыдомЪ, когда о святости Божіей помышляю. СвятЪ, святЪ, святЪ Господь СаваоѳЪ. — Неравное же удѣленіе даровЪ щастія на земли принадлежитЪ болѣе кЪ сокрытымЪ путямЪ міроправленія Божія, нежели кЪ тому, чтобЪ изЪ онаго слѣдовать долженствовало сомнѣніе о святости и правосудіи БожескомЪ. БогЪ конечно можетЪ по премудрости и милости своей, хотя ОнЪ вЪ грѣшникѣ и ненавидитЪ злое, однакожЪ безЪ оскорбленія своей святости и правосудія, призывать Его кЪ исправленію наружными благодѣяніями; а когда сіе не помогаетЪ, то отнятіемЪ злоупотребляемаго имЪ имѣнія дать ему возчувствовать заслуженное имЪ бѣдствіе. РавнымЪ образомЪ можетЪ БогЪ по премудрости и милости своей смиреннаго, хотя ОнЪ вЪ немЪ и любитЪ бла-

благое, однакожъ безъ оскорбленія своей святости и правосудія бѣдствіемъ отчасти испытать во благомъ возвысить и укрѣпить, отчасти предстоящую щастливую перемѣну тѣмъ болѣе сдѣлать для него чувствительною и драгоцѣнною, отчасти же приготовить его чрезъ то ко внушенію вящшихъ благъ. Кто можетъ порицать такое Божіе дѣйствіе? Ни сомнѣніе, ниже невѣріе не могутъ ни перемѣнить управленіе Божіе, ни помрачить святость и правосудіе Его. Сколь мало страданіе почитателей Божества, случающееся въ явныхъ казняхъ государства, можетъ быть основаніемъ къ отрицанію существенныя любви и премудрости Божія, когда праведникъ съ неправеднымъ вмѣстѣ страдаетъ: столь же малымъ можетъ быть убѣжищемъ для дерзскихъ грѣшниковъ щастіе злочестивыхъ и медленность откровенія Божественнаго правосудія и святости. Они тѣмъ болѣе страшиться должны неминуемаго висящаго надъ ними прещенія Божія; и что въ здѣшнемъ времени не окажется, то явитъ время буду-

будущее. — Боже! не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ! Кто можетъ избѣжать отъ руки твоей, когда Ты истязать восхощешь? Пресмыкаюсь яко червь предъ стопами Твоими. О Существо всѣхъ существъ! помилуй меня!

7) Всеобщіе *слѣды Божества и глагола Его*, употребляемаго Имъ для изъявленія человѣкамъ воли и намѣреній Его, принадлежатъ къ свойствамъ Божіимъ въ міроправленіи, при которомъ промыслъ Божій о человѣкахъ на земли, яко въ средоточіе, соединяется. Сюда принадлежитъ 1. *побужденіе тварей*, возбуждающее насъ къ разсмотренію, удивленію и поклоненію всемогуществу, премудрости и благости Творца нашего. Сіе-то есть великая натуры книга, въ которой намъ Божество славу свою къ чтенію предлагаетъ. О семъ-то превосходно гласитъ вѣнчанный Піитъ: небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь; день дню сказуетъ сіе, и нощь возвѣщаетъ сіе другой нощи. Нѣтъ языка, ниже рѣчи, гдѣбъ гласы сіи не были слышаны. 2. Написан-

писанный въ сердцѣ Божественный *законъ* и *совѣсть*, положенныя Богомъ яко судилище въ груди нашей, суть главнѣйшій глаголъ Божій къ человѣкамъ, въ которомъ изъявляетъ Онъ намъ предпочтительно волю свою уклоняться отъ эла и сотворять благо. 3. *Чувствованія* наши, *слѣдствія* дѣяній нашихъ, собственныя свои *приключенія* и *примѣры* другихъ также принадлежатъ до глагола Божія къ намъ, которымъ научаетъ Онъ насъ, сколь осторожно и разумно мы дѣйствовать должны. Кто всѣхъ сихъ глаголовъ Божіихъ не слышитъ и безчувственъ пребываетъ, тотъ спѣшитъ по пути растлѣнія къ своей погибели, чему научаютъ прискорбные опыты плачевныхъ приключеній, бывшихъ между человѣками.

Кто можетъ, кромѣ съ намѣреніемъ, прежде отрекшагося всей натуры, всего ума и всего ощущенія человѣческаго, о сихъ теперь доказанныхъ свойствахъ Божіихъ сомнѣваться? Но кто объ оныхъ размыслитъ и приложитъ къ сердцу своему, можетъ ли тотъ пребыть безъ религіи?

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

О міроправленіи и промыслѣ Божіемъ.

Второй столбъ богопочитанія есть нравственное міроправленіе и соединенный съ онымъ особливый промыслъ Божій. Здѣсь-то есть источникъ всего на Бога упованія и изъ онаго проистекающаго спокойствія души. Что міръ къ всеобщему благу цѣлаго управляемъ не единою нечаянностію необходимо опредѣленныхъ роковъ, но предпочтительно въ сходствіе нравственности свободныхъ твореній во градѣ Божіемъ, къ которымъ принадлежатъ и человѣки на земли, сіе явствуетъ изъ распоряженій Божіихъ при учрежденіи человѣчества, а отчасти и изъ многообразныхъ приключеній человѣческихъ. Для чего посѣялъ Богъ познаніе непремѣнной воли своей и вѣчныхъ законовъ своихъ въ сердце человѣческое, и впечатлѣлъ въ оное великое различіе между добра и зла? Для чего соединилъ Онъ съ нимъ совѣсть, яко внутренняго судію нравственныхъ дѣяній, провождающую добродѣтель

внутреннимЪ одобренiемЪ и удоволь-ствiемЪ, порокЪ же стыдомЪ и мучительнымЪ беспокойствомЪ? Для чего соединяетЪ БогЪ особливо нѣкоторыя нравственныя склонности и дѣянiя сЪ особливыми и ихЪ собственными слѣдствiями, такЪ что добродѣтель бываетЪ собственнымЪ своимЪ награжденiемЪ, а порокЪ собственнымЪ своимЪ наказанiемЪ? Не уже ли все сiе сдѣлано безЪ намѣренiя и для забавы? Не свидѣтельствуетЪ ли сiе болѣе о нравственномЪ скипетрѣ Божiемъ? Сему научаютЪ насЪ и многiе примѣчанiя достойные примѣры особливыхЪ человѣческихЪ приключенiй, изЪ которыхЪ слѣды справедливаго воздаянiя Божiя по дѣламЪ вЪ чудныхЪ путяхЪ ГосподнихЪ ясно видимы суть, на примѣрЪ: когда ОнЪ гордаго Амана низвергаетЪ и кровожаждiе его обращаетЪ на главу его, напротивЪ того освобождаетЪ утѣсненный народЪ, и патрiотовЪ онаго на мѣсто его возвышаетЪ. А особливо тысячью опытовЪ утвержденныя всеобщiя пословицы: нѣтЪ такой тайны, чегобЪ солнце не видало; чѣмЪ нужда болѣе, тѣмЪ БогЪ бли-

ближе; неправедное имѣніе не дойдетъ до третьяго колѣна; чѣмъ кто согрѣшилъ, тѣмъ и накажется; и промѣннымъ суть доказательствомъ искони уже усмотреннаго нравственнаго правленія Божескаго въ мірѣ. Воистинну есть Богъ, управляющій жребіемъ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и фамилій и лицъ особо, и Богъ милосердѣйшій, всесильнѣйшій, всевѣдущій, милостивѣйшій, премудрѣйшій, справедливый есть воздатель каждому во время свое. Кто сіе признаетъ, можетъ ли тотъ не чувствовать святѣйшаго къ Богу благоговѣнія? А что же сіе иное, какъ не религія? Ожесточайтесь противъ ее, враги богопочитанія! еще довольно успѣете трепетать предъ скипетромъ Божіимъ.

Съ нравственнымъ міроправленіемъ Божіимъ наитѣснѣйшимъ образомъ соединенъ особливый промыслъ Его о всѣхъ и каждомъ человѣкѣ, яко согражданинѣ града Божія; ибо, яко свободныя существа, принадлежатъ и они къ послѣднему намѣренію всѣхъ дѣлъ Его, которыми Онъ нравственно управляетъ, и куда Отеческій про-

мыслЪ Его кЪ конечному ихЪ благополучію отмѣнно устремленЪ есть. КакЪ скоро человѣкЪ увѣренЪ вЪ томЪ, что самЪ БогЪ о немЪ печется, и гораздо болѣе, нежели бы онЪ думать могЪ, то производитЪ сіе вЪ душѣ его сладчайшій покой посреди жесточайшихЪ бѣдЪ мірскихЪ; онЪ радостно исполняетЪ должность свою, а прочее все возлагаетЪ на Бога. А вЪ семЪ-то и состоитЪ существо богопочитанія. Столь важенЪ есть пунктЪ обЪ особливомЪ промыслѣ БожіемЪ!

Что при первомЪ установленіи міра и основаніи человѣчества участвовало провидѣніе Божіе, сіе столь явно, что и нынѣшніе величайшіе вольнодумцы сами, впрочемЪ во всемЪ сомнѣвающіеся, истинну сію признаютЪ. Безконечнаго удивленія достойное распоряженіе міра и насЪ самихЪ, всевозможное удовлетвореніе нуждЪ нашихЪ и удовольствій жизни нашей вЪономЪ ихЪ увѣряютЪ.

Но занимается ли и теперь Божество сіе земнымЪ, и промыслЪ свой на всѣ и каждую вещь особенно устремляетЪ ли, или оставилЪ БогЪ міру,

яко

яко единожды заведенной махинѣ, свободное теченіе, и печется только о томъ, чтобы роды и образы вещей не истребились? Дѣло сіе важнѣйшаго требуетъ изслѣдованія; ибо относительно къ богопочитанію въ немъ состоитъ вся преграда между вѣрою и невѣріемъ. — Мы уже и въ VI отдѣленіи обезсилили возраженія вольнодумцевъ противъ особливаго промысла Божія. Теперь приведемъ мы къ нашей сторонѣ ближайшія доказательства:

Богъ есть существо дѣятельнѣйшее и веседѣйствующее, что мы выше сего доказали. Основаніе, установленіе міра и попеченіе о немъ, суть величайшія тому доказательства. Еще же Богъ во всѣхъ вещахъ такимъ образомъ присутствуетъ, что Онъ во всѣхъ вещахъ и всѣ вещи въ Немъ; Онъ въ нихъ яко дѣйствующее начало и яко источникъ всѣхъ премѣненій, онѣ же въ Немъ яко отъ Него зависящія дѣйствія, что также выше сего доказано. Словомъ, Онъ есть Господь, во власти котораго состоитъ всяческая. Сіе непосредственно слѣдуетъ

изъ сотворенія оныхъ и изъ всемогущества Божія. Какимъ же образомъ Богу, первое, будучи существомъ дѣятельнѣйшимъ и вседѣйствующимъ, и быть недѣятельнымъ и недѣйствующимъ; второе, будучи непосредственно всѣмъ вещамъ присутственному и существуя въ нихъ, быть яко отсутственному, и третіе, будучи всемогущимъ оныхъ Господомъ, быть яко спящимъ и господствомъ своимъ яко утомленнымъ, и безъ вліянія своего празднымъ оныхъ зрителемъ? Сіе противорѣчитъ всякому о Божествѣ понятію, и тѣмъ неприличнѣе, что ниже одна вещь сама собою безъ Божества не можетъ стоять ни единое мгновеніе ока, что выше доказано. И такъ тѣ, которые продолжающуюся связь между Творцемъ и твореніемъ въ мысляхъ своихъ разрываютъ, тѣ начало жизни и пружину всѣхъ дѣйствій въ мірѣ превращаютъ въ мертвенное спокойствіе, и зависимость твореній въ независимый источникъ дѣйствій, что уже весьма явное есть противорѣчіе.

И такъ, поелику мiръ долженъ быть содержимъ непрерывнымъ влiянiемъ существительной силы Божiей, и Богъ дѣйствуетъ все во всемъ чрезъ цѣлую натуру, то и особливый промыслъ Божiй связанъ съ симъ найтѣснѣйшимъ образомъ. Да не приписываютъ здѣсь безконечному сему и самосуществующему Духу никакой слабости человѣческой, утомляющейся трудами и подъ бременемъ оныхъ упадающей; напротивъ того да размыслятъ о безконечной великости вѣдѣнiя, могущества, премудрости и любви Божiей: тогда всякое сомнѣнiе объ особливомъ промыслѣ Божiемъ изчезнетъ. И самое презрѣннѣйшее несѣкомое есть предметъ вѣдѣнiя, правленiя и промысла Божiя, кольми же паче каждое изъ благороднѣйшихъ творенiй, приносящее Творцу честь, которая въ разумныхъ творенiяхъ есть естественнымъ слѣдствiемъ познанiя о Богѣ.

Вѣра во особливый промыслъ Божiй для почитателей Божества предлагается еще яснѣе, и неотрицаемыми утверждается опытами, опытами такими, изъ которыхъ яв-

ствуетъ, что Богъ многократно сокровенный совѣтъ свой о нечаянныхъ и совсѣмъ неожидаемыхъ приключеніяхъ нашихъ предзнаменовалъ, слѣдствіе которыхъ событіемъ оправдалось, въ чемъ ссылаюсь я на извѣстные, хотя и неуважаемые, примѣры, которые новѣйшими умами безъ разбору яко суевѣріе дерзско осмѣиваются. Но я не боюсь предразсужденій, пиша о такой вещи, которая принадлежитъ не только къ человѣческому естеству, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и къ Божескому міроправленію. Откиньте прежде предразсужденіе, то вѣрно съ моими мыслями согласны будете.

Въ предъидущемъ отдѣленіи положили мы въ число свойствъ Божіихъ всеобщіе слѣды Божества и глагола Его. Настоящее разсужденіе ведетъ насъ къ ближайшему слѣду непосредственнаго глагола Божія съ человѣками, когда Онъ по неисповѣдимой премудрости своей ближайшее употребляетъ откровеніе, изъявляя по временамъ нѣкоторымъ особамъ чрезвычайно сокровенный свой совѣтъ и будущіе случаи вещей, которые, кромѣ Его, ни-

никто самъ собою знать не можетъ, иногда въ осторожность, иногда въ утѣшеніе, и такимъ образомъ являетъ совсѣмъ особливый Отеческій свой промыслъ.

Цѣль моя при семъ не иная, какъ достойныя примѣчанія сновидѣнія нѣкоторыхъ людей, которыхъ Богъ особливою своею благодатію одаряетъ, открывая чрезъ то святый и сокровенный свой совѣтъ возбужденіямъ во снѣ живѣйшихъ значущихъ и имѣющихъ связь изображеній. Сновидѣнія Іосифа, Фараона, Навуходоносора, столь опредѣляющи и съ исторіею тѣхъ временъ столь сопряженны, что не можно не имѣть къ нимъ особливаго вниманія.

Еще и въ нынѣшнія времена употребляетъ Богъ сей путь откровенія, о которомъ новѣйшіе умы знать не хотятъ. И я прежде также мыслилъ; отметалъ всѣ сновидѣнія безъ разбора и смѣялся имъ. Но многіе беспрекословные опыты, при которыхъ употреблялъ я всевозможную осторожность, размышленіе и строжайшее испытаніе, сначала сдѣлали меня изум-

 лен-

леннымъ, а наконецъ победили философское мое неверіе. Что мне можно было противополагать, когда мне часто отъ некотораго истинну любящаго и испытаннаго человека живейшія и высочайшія изображенія его духа во сне, превосходившія всякое стихотворческое остроуміе, разсказываемы, а иногда весьма естественно предзнаменованы были, которыя вообще содержали въ себе будущія и неожидаемыя приключенія, коихъ никто изъ смертныхъ самъ собою предвидеть не можетъ, и кои потомъ къ величайшему удивленію моему съ последствіемъ точно согласовались. — Даже теперь, когда я сіе пишу, новой выше всякаго сомненія опытъ въ семъ къ удовольствію моему меня убеждаетъ. Ежели кто моимъ ощущеніямъ истинны верить не хочетъ, то воля его; мне уже делать нечего. Чему мы очевидные свидетели, то насъ уверяетъ, а не несомнящагося, котораго конечно никакъ не возможно принудить, чтобъ онъ на чье нибудь увереніе положился. Мы не виноваты въ томъ, что некоторые, предразсужденіями будучи ослеплен-

пленны, столь мало путямъ Божіимъ внимаютъ. Отметать что ни есть безъ испытанія показываетъ не менѣе слабости мыслей, какъ легковѣріе. Что въ нѣкоторыхъ снахъ скрывается нѣчто Божественное, сіе уже дальнѣйшихъ временъ мудрые дознали; а потому и приписали душѣ человѣческой, яко Божественной искрѣ, силу пророчества. Мудрый сочинитель книги Премудрости и Добродѣтели, присвояетъ ихъ съ большимъ основаніемъ вышшей силѣ. Онъ говоритъ: почто говорятъ тѣни въ лицахъ при одрѣ твоемъ? Внимай сему и знай, что и сновидѣнія снисходятъ Свыше.

Благоразумный не будетъ мнѣніе мое толковать въ иную сторону и почитать меня равномыслящимъ съ площадною толпою народа, сновидѣнія свои по сонникамъ толкующаго. Я не говорю о тѣхъ ежедневныхъ снахъ, которые темно изображаетъ воспаленное мечтаніе видами обыкновенными и спутанными безъ всякаго порядка, кои происходятъ отъ дневныхъ упражненій, умножающихъ восходящіе пары, сходствуя съ темпераментомъ и

нра-

нравами, и которые близко къ идеямъ нашимъ изъясняемы быть могутъ. Сіи до меня не касаются. Я говорю о рѣдкихъ сновидѣніяхъ нѣкоторыхъ людей, которые ясностію, живостію, порядкомъ и важностію матерій отъ другихъ отличаются, и совершенно потомъ согласуются съ событіемъ. Такъ какъ Пророки рѣдкіе были люди, и пророчествовали не всегда, а тогда только, когда оживляло ихъ побужденіе Божественное: равнымъ образомъ думаю я, что между многими человѣками малое токмо число избранныхъ друзей Божіихъ, которымъ Онъ во снѣ являетъ совѣтъ свой, и то не всегда, а тогда только, когда Ему угодно бываетъ, для ихъ утѣшенія, или предостереженія. Мой собственный опытъ сему меня научаетъ, увѣряя меня къ большему укрѣпленію истинны бдящаго о мнѣ промысла Божія. Благоразумный не будетъ опровергать всю вѣру человѣческую. Правда, что сіи случаи рѣдки; однако кто промыслъ Божій въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ, тотъ долженъ и въ другихъ случаяхъ приключеній человѣ-

вѣческихъ оный полагать. Чудное бы было воображеніе полагать промыслъ Божій тамъ только, гдѣ онъ уже видимъ, или ощутителенъ бываетъ.

И такъ ученіе о нравственномъ міроправленіи Божіемъ и о промыслѣ Его, бдящемъ о всѣхъ и каждомъ, пребываетъ главною истинною богопочитанія, сколько бы невѣріе противъ онаго ни спорило. Ежели сомнѣвающійся скажетъ: когда Богъ міромъ управляетъ и о всѣхъ печется, то для чего же приключенія человѣческія не соотвѣтствуютъ дѣламъ ихъ? То мы ссылаемся, что мы въ прежнемъ отдѣленіи касательно до правосудія Божія упомянули, яко на то, чрезъ что Божественное дѣяніе частію оправдывается. Впрочемъ должны мы здѣсь признать слабость познанія нашего, непримѣчаніемъ и суетою человѣческою еще болѣе утѣсненнаго, и неисповѣдимость пути Божія. Какъ хотимъ мы измѣрить глубину сего таинства, когда намъ столь многія таинства натуры неизвѣстными пребываютъ? Мы весьма слышимъ шумъ вѣтра, однакожъ никто не знаетъ, от-

откуда и куда онъ идетъ. Мы судимъ о дѣлахъ и приключеніяхъ человѣческихъ по одной наружности; ибо внутренней причины ихъ не знаемъ. Богъ же видитъ и знаетъ внутреннее и сокровеннѣйшее сердца. Онъ обвидитъ все въ связи времени съ вѣчностію, и приключенія человѣческія по сему учреждаетъ. А мы изъ сего видимъ самомалѣйшее, а часто и сіе не прямо. Даже самихъ себя мы точно не знаемъ. Сколь часто простонародно судимъ мы о кабинетахъ владѣтелей! Чему же дивиться, ежели странно судимъ о сокровеннѣйшихъ Божественныхъ тайнахъ? Колико отстоитъ небо отъ земли, толико отстоятъ мысли Божіи отъ мыслей нашихъ. Непостижимость правленія Божія не подаетъ намъ права особливой промыслъ Божій не токмо отрицать, но ниже сомнѣваться о немъ, иначе должны бы мы были отрицать многія вещи и въ натурѣ; для того что онѣ намъ непостижимы, какъ-то первоначальная матерія вещей и ихъ началы, магнетическая притягательная и сжимающая притомъ и разрѣшающая сила, электрической

огонь,

богонъ, и тому подобныя. Когда политики смѣются суемыслію тѣхъ, которые о политикѣ судятъ такъ, какъ слѣпые о красках, то сколь безразсудная дерзость есть, когда человѣки мысли Божіи по своимъ мыслямъ измѣряютъ! Тѣмъ вящше должны мы въ глубокомъ удивленіи сказать: о глубина сокровенныя премудрости и правленія Божія! Сколь непостижимы суть суды Его и неиспытуемы пути Его!

Между тѣмъ съ удивленіемъ познаемъ мы нѣчто изъ особливаго Божественнаго промысла и правленія, естьли мы оный примѣчаемъ и беремъ въ помощь опыты. Исторіи государствъ и *отечества* нашего, восхожденіе и упадокъ семействъ, а особливо частныхъ людей теченіе жизни, представляютъ намъ слѣды онаго. Мнѣ моя жизнь, проведенная въ тишинѣ, служитъ величайшимъ увѣреніемъ въ сей толь утѣшительной истиннѣ. Богъ вывелъ меня и родныхъ моихъ на такой путь, на которой я никогда вступать не думалъ. Послѣдній періодъ открылъ мнѣ сіе

наи-

наияснѣйшимъ образомъ. Непреоборимое побужденіе оставить мое отечество долженствовало мнѣ безъ моего свѣдома проложить слѣды къ оному. Рука Господня провождала насъ, и открыла мнѣ щастливѣйшіе виды грядущаго. Восхваляю Отеческій промыслъ, мнѣ оное показавшій. Господи! кто есмь азъ, яко удостоилъ еси меня толикаго! — Такъ - то играетъ Божественное могущество судьбами человѣческими! — Коль пространное поле открылось бы намъ, ежелибъ мы хотѣли разсуждать объ ономъ! Оставляемъ сіе разсужденію каждаго. Довольно, что мы увѣрены о истиннѣ, подающей намъ болѣе дерзновенія, нежели самый скипетръ и корона. Въ заключеніе сего отдѣленія препоручаемъ мы благосклонному читателю особливо І. Ф. Вейтенкамфа разумныя основанія утѣшенія при печальныхъ злоключеніяхъ человѣческихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

О душѣ и ея безсмертіи.

Третій столпъ религіи есть безсмертіе человѣческой души, яко свободно мыслящаго и свободно хотящаго духа. Вотъ источникъ всѣхъ чаяній будущаго по ту сторону гроба! Для отрицателей души должно намъ сперва доказать бытіе ея, поколику душа есть отъ тѣла различный духъ.

Сіе весьма явственно изъ духовныхъ ея дѣйствій. Ежели ученіе сіе для того считать выдумкою, что душа не ощущается наружными чувствами: такъ и всѣ сокровенныя силы натуры, и магнетическую и электрическую силу должно считать выдумкою же. Ежели вольнодумцамъ кажется вздоромъ полагать въ насъ отъ тѣла различный духъ, то матеріальная, или тѣлесная и механическая ихъ душа есть подлинно такая нелѣпость, которая въ разсужденіи свойствъ своихъ противорѣчитъ понятію о тѣлѣ, о матеріи и машинѣ. Ощущеніе меня

самаго, отличающее меня отъ всѣхъ вещей, внѣ меня сущихъ, и увѣряющее меня о томъ, что я существую; внутреннее мое представленіе, не подверженное никакому насилію; помышленія мои, представляющія себѣ невидимое, вѣчное и безконечное; разумъ мой, сравнивающій прошедшее съ будущимъ, отдаленное съ настоящимъ; свободная воля моя, опредѣляющая себя по моему разсужденію; и произволеніе мое, само себя опредѣляющее: все сіе никакъ не могу я приписать сложенію грубой матеріи моего тѣла, или какому либо иному тѣлесному, или матеріальному свойству. Сіе противорѣчитъ всему познанію натуры. Чѣмъ производятся идеи нашихъ помышленій въ неизчисленныхъ перемѣнахъ безъ механическаго порядка по нашему соизволенію? Откуда происходятъ отдѣленныя и всеобщія понятія? Откуда приходятъ представленія такихъ вещей, кои или совсѣмъ неощущаемы, или коихъ совсѣмъ нѣтъ? Откуда происходитъ опредѣленіе и заключеніе? Отъ бытія души, яко отъ тѣла отличнаго; хотя

хотя наитѣснѣйше съ онымъ соединеннаго, несложнаго, дѣйствующаго и Богу подобнаго существа свѣтнаго, которое называемъ мы душею. Бытіемъ души отвѣчать можно на всѣ сіи вопросы, на кои, придержась такъ названнаго механизма, или матеріализма, вѣчно ничего сказать не возможно. И такъ котороежъ изъ обоихъ положеній понятнѣе и разумнѣе? Конечно ясно, что способность представлять себѣ безконечность, вѣчность и невидимую причину всѣхъ вещей, и помышлять объ оной, есть толь нѣчто духовное, что должно слѣпо отрещись всякаго разсудка, ежели хотѣть вправду отрицать оное.

Можетъ ли маштабъ измѣрять такую величину, которая оной превосходитъ въ тысячу разъ? Сіе есть явное противорѣчіе въ геометріи? Но не смотря на сіе, разумъ человѣческій сіе можетъ дѣлать. Сколь ни малъ въ глазахъ моихъ на подобіе зеркала представляющійся образъ цѣлаго міра, но со всѣмъ тѣмъ разумъ мой представляетъ его себѣ посредствомъ гла-

за весьма великимъ, да и воспаряетъ онъ въ минуту выше милионовъ міровъ. И такъ можетъ ли онъ иное что быть, какъ развѣ изтеченіе духа, его раждающаго? Сіе еще болѣе утверждается нашими склонностями, проницаніемъ и желаніемъ, яко превосходящими тѣсные предѣлы силъ нашихъ, и восходящими даже въ безконечность, такъ что духъ нашъ не можетъ быть совершенно насыщенъ ничѣмъ конечнымъ и преходящимъ. Свойство сіе ясно доказываетъ о Божественномъ происхожденіи души, которая, яко Божественное дуновеніе, подобна есть образу Божію. Толь неопровержимо и явственно есть бытіе души, яко духа въ человѣкѣ, отличнаго отъ тѣла!

И такъ сколь вѣрно и извѣстно то, что въ человѣкѣ живетъ духъ, котораго нарицаемъ мы душею, столь же вѣрно вѣримъ мы *безсмертію* оной, и сія-то вѣра есть жизнь религіи.

Вѣра сія основывается не только на единомъ преданіи превозносимой всѣми мудрецами и нашими праотцами до насъ дошедшей истинны, которую мы, имъ повѣря, приняли, яко

въ

вЪ самомЪ дѢлѢ весьма желательную; но вѢра сія основывается на такихЪ основаніяхЪ, посредствомЪ коихЪ сія драгоцѢнная истинна выдерживаетЪ всѢ пробы строжайшаго испытанія, наиточнѢйше согласуясь сЪ натурою души нашей, яко живаго духа, и сЪ послѢднимЪ предметомЪ всѢхЪ дѢлЪ БожіихЪ, и со всѢми другими нравственными истиннами состоя вЪ ближайшемЪ союзѢ.

Душа есть живый духЪ и начало (Principium) жизни вЪ человѢкѢ, исполненная разумѢнія (Intelligentia) и силы. Сему научаетЪ насЪ познаніе наше о нашемЪ существованіи, и ощущеніе жизни, которое утверждается еще болѢе великимЪ различіемЪ, находящимся между живущимЪ и умирающимЪ, не взирая на все наружное сходство механизма. Внутреннее души нашей есть весьма чистое, несмѢшанное, ниже изЪ какихЪ либо стихій сложенное свѢта существо; понеже она, вЪ разсужденіи свободно мыслящей и свободно хотящей силы, подобна Божеству. СЪ какою же вѢроятностію хочетЪ деистЪ утверждать ея уничтоженіе

 купно

купно съ разрушенiемъ ея жилища, когда она, яко несложный духъ, возвышена выше натуры, которой сила не далѣе простирается, какъ до разрѣшенiя въ элементы? Можетъ ли изчезнуть и лишиться бытiя своего то, что Божеству подобно. Можетъ ли престать быть то, что есть самое начало, или источникъ жизни? Сколь мало можетъ удержать ниспадающiй лучь свѣта наижесточайшая буря, со всею своею яростiю весь воздухъ въ движенiе приводящая и смѣшивающая, столь же мало можетъ вредить человѣку въ смерти происходящая въ немъ великая перемѣна. Она съ умаленiемъ теплоты жизненной въ тѣлѣ отвлекаетъ, подобно склоняющемуся лучу свѣта, оживляющую силу свою, и съ духовнымъ паренiемъ неудержно спѣшитъ къ своему началу, или источнику жизни своея, который есть Богъ. — И такъ первое основанiе безсмертiя души находится въ ея собственномъ непреходящемъ существѣ.

Особливо же главное основанiе безсмертiя души находится въ послѣднемъ предметѣ всѣхъ дѣлъ Божiихъ,

къ

къ которому принадлежатъ и человѣки, яко нравственные граждане града Божія. Почто произвелъ Богъ толь великое и велелѣпное зданіе міра, и снабдилъ его безчисленнымъ запасомъ? Кто можетъ предполагать иной какой послѣдній предметъ, кромѣ откровенія славы Божія, и съ онымъ соединенное блаженство такихъ твореній, которыя исполняютъ и распространяютъ сей Божественный предметъ? Между всѣми видимыми твореніями на небеси и на земли, кромѣ человѣковъ, не знаемъ мы никакихъ иныхъ, которыя бы были одарены разумомъ и свободою, которыя бы были способны познавать и хвалить славу Божію, и чрезъ нравственное исполненіе Божественной воли были бы удобны къ блаженству и возрастѣнію въ совершенствахъ. Слѣдовательно одни только человѣки принадлежатъ преимущественно предъ прочими видимыми тварями къ послѣднему концу дѣлъ Божіихъ. А понеже тѣло человѣческое есть тлѣнная вещь, которая по достиженіи предмета своего приходитъ въ тлѣніе: то и слѣдуетъ, что

единая только нетлѣнная часть въ человѣкѣ душа, которой бытіе и крайнее блаженство собственно принадлежитъ къ послѣднему предмету дѣлъ человѣческихъ. Можетъ ли мудрый, сохраняя мудрость, уничтожить свой собственный послѣдній предметъ? А тѣмъ менѣе можетъ учинить сіе Богъ, всѣхъ премудрѣйшій, да и самая Премудрость. Понятіе о мудромъ научаетъ насъ паче тому, что Онъ всѣ свои попеченія направляетъ къ соблюденію послѣдняго своего предмета; кольми же паче соединяются всѣ Божественныя свойства, на подобіе лучей свѣта, въ единую точку возгаранія, къ соблюденію и крайнему блаженству тѣхъ, кои составляютъ послѣдній Его предметъ. На семъ-то вѣчномъ и твердомъ основаніи самаго Божества основывается безсмертіе души.

Всѣ иныя нравственныя истинны состоятъ съ сею истинною, съ безсмертіемъ духа нашего, въ ближайшей связи. Мы примѣчаемъ въ себѣ всеобщее влеченіе къ блаженству; но достигаемъ ли мы здѣсь онаго? Не премѣняется ли наша жизнь часто разны-

ными печальными судьбами? Впрочемъ имѣемъ мы понятіе о вѣчномъ продолженіи, и къ оному чувствуемъ натуральное желаніе.

Сіе есть преимущество человѣковъ, котораго не дано никакому животному. Да, еще болѣе: способности духа нашего превосходятъ и самое малое число лѣтъ нашихъ здѣсь на земли; онѣ входятъ въ самую безконечность. Все сіе показываетъ, что духъ человѣческій сотворенъ не только ради тѣсныхъ предѣловъ сея временныя жизни, но и для вѣчности. Ежелибъ не предстоялъ намъ и не былъ сей предметъ въ самомъ дѣлѣ, то Богъ вложилъ въ человѣческую натуру много напраснаго. Премудрость Божія ничего тщетнаго не дѣлаетъ; слѣдовательно должна быть другая жизнь по смерти, и душа долженствуетъ быть безсмертною, яко Божественное дыханіе.

Наконецъ; когда все сотворено для человѣковъ, а они не для прочихъ вещей существуютъ, однакожъ не могли бы быть сотворенными для того только, чтобъ быть: то есте-

 ственно

ственно слѣдуетъ, что Божественное опредѣленіе о благороднѣйшихъ на землѣ тваряхъ, способныхъ къ безсмертнымъ чаяніямъ, должно быть гораздо вышшее и лучшее, нежели то, чтобы онѣ краткое въ мірѣ время, подобно животнымъ, только ѣли, пили, спали, размножалися, и притомъ обременялись бы трудами, мучились бы разными попеченіями и сражались бы съ различными нещастіями, и наконецъ умирали бы, и вѣчно были бы уничтожены ради того только, чтобъ уступить мѣсто ихъ потомкамъ, кой бы потомъ подвержены были равной судьбѣ. — Былъ ли бы тогда міръ сей достойнымъ твореніемъ премудраго и безконечно благаго Существа? Не оскорбляя Божества, не могу я имѣть таковыхъ подлыхъ, таковыхъ скотскихъ мыслей, якобы Богъ сотворилъ меня ради того только, чтобъ меня при превосходнѣйшихъ предметахъ моего представленія низвергнуть въ смерть, и попустить быть пищею червей. Ежели крайняя цѣль человѣковъ должна быть тлѣніе, то для чего же сотворилъ Богъ гораздо чувствительнѣйшими,

ми, горазло мучительнѣйшими нещастія изящнѣйшихъ и благороднѣйшихъ тварей подъ солнцемъ? Вожделѣнный разумъ! не уже ли долженъ ты служить мнѣ толь краткое время и притомъ къ тому только, чтобъ я чувствовалъ тѣмъ болѣе бѣдствіе мое? Ахъ, нѣтъ, Творче мой! Ты не мыслишь такъ тирански. — Однимъ словомъ, или нѣтъ Бога, или душа наша безсмертна и опредѣлена къ вѣчному продолженію.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

О будущемъ воздаяніи по вѣчности.

Четвертый столпъ религіи есть будущее воздаяніе по дѣламъ человѣческимъ, купно съ оными сопряженными судьбами въ вѣчности. Сюда стремится острый взоръ и предметъ всякой нравственности и всякой религіи. На что мнѣ быть благочестивымъ, бояться Бога, убѣгать зла и дѣлать доброе? Дабы хорошо мнѣ было въ

вѣч-

вѣчности. Время жизни нашей въ здѣшнемъ мірѣ есть время испытанія, въ которомъ поведеніе наше покажетъ, къ какому классу духовъ мы нѣкогда принадлежать будемъ. Время жизни сея есть время приготовленія къ гораздо возвышенному степени совершенства и блаженства по ту сторону гроба, когда мы то, что служитъ къ вѣчному нашему спасенію, наблюдаемъ и не попускаемъ себя прельщать похотямъ нашимъ. Здѣшняя жизнь есть время воспитанія, въ которомъ мы по плану Божественныя премудрости должны приготовиться быть достойными неба гражданами, когда мы сопротивленіемъ нашимъ не сдѣлаемъ тщетными Божественное воспитаніе и руководство.

Мы въ предъидущемъ отдѣленіи показали, что душа наша какъ по ея внутренней натурѣ, такъ и по крайнему, или послѣднему Божію намѣренію одарена безсмертіемъ, изъ сего непосредственно слѣдуетъ, что по премудрому и любви полному намѣренію Божію уготовано въ вѣчности

совер-

совершенное блаженство для почитателей и послѣдователей воли Его. Сравненіе человѣческой любви съ любовію Божественною будущую сію надежду почитателей Божества полагаетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Я чувствую склонность, побужденіе, даже пламенное рвеніе сдѣлать непрестанно щасливыми тѣ честныя и благочестивыя души, коихъ я люблю. Но мнѣ не достаетъ на то проницанія и могущества, и я долженъ оставаться при одномъ только желаніи. Но Богу, который есть самая любовь, нѣтъ недостатка ни въ премудрости, ниже въ могуществѣ произвесть сіе въ дѣйство. И такъ не уже ли моя любовь къ высокимъ и достойнымъ душамъ простираться будетъ далѣе, нежели любовь Божественная къ ея почитателямъ и послѣдователямъ? Не уже ли моя любовь будетъ надъ оною превосходствовать? Нѣтъ, сего и помыслить не возможно. Какъ же вѣрѣ и надеждѣ вѣрующихъ и добродѣтельныхъ о блаженномъ состояніи по смерти быть неосновательными, когда исполненіе оныхъ есть самый предметъ

метъ Божества; когда качество внутренняго существа духа не только сему не препятствуетъ, но еще сему и споспѣшествуетъ? И такъ сколь вѣрно бытіе Бога, столь же вѣрна и вѣра сія, сія надежда, утверждаемая Священнымъ Писаніемъ.

Но понеже вѣчная жизнь вообще для безсмертныхъ душъ открыта намъ даже изъ свѣта натуры, то остается сдѣлать великій вопросъ: какова оная будетъ? Точное и собственное состояніе оныя не можетъ знать никакой смертный, да и намѣреніе вопроса не то; но по крайней мѣрѣ сему научаетъ насъ и самый нравственный Божій характиръ, который есть святость и праведность, и внутреннее ощущеніе совѣсти, само себя или осуждающее, или разрѣшающее, что будущее душъ состояніе по великому различію добродѣтели и порока будетъ различно, и учредится точно сообразно поведенію въ сей жизни. Ничто несокровенно предъ всевѣдѣніемъ Божіимъ; истинна Его все то приведетъ во свѣтъ, что здѣсь сокровенно; а святость и правда Его со-

совершитЪ сразмѢрнѢйшее воздаянie. Уже вЪ здѢшнемЪ мiрѢ примѢчаемЪ мы слѢды нравственнаго мiроправленiя. Между тѢмЪ большая часть вЪ чудесныхЪ путяхЪ БожiихЪ остается гаданiемЪ, которое разрѢшится тамо вЪ Божественной ясности, кЪ которой ключь есть входЪ вЪ вѢчность. Тамо сЪ полнымЪ сiянiемЪ оправдится неразрѢшимая здѢсь Божественная правда по точнѢйшему воздаянiю за человѢческiя заслуги. — МожетЪ ли, на примѢрЪ, остаться безЪ воздаянiя, естьли кто до того посрамлялЪ человѢчество, что щастiе свое основывалЪ на слезахЪ и бѢдствiи подобныхЪ себѢ человѢковЪ, и на погибели многихЪ семействЪ и домовЪ; изЪ нихЪ даже кровь высасывалЪ, гналЪ невинность и свергалЪ вЪ бездну, осмѢивалЪ и ругался добродѢтели, Божество порицалЪ, и при всемЪ томЪ даже до конца своего процвѢталЪ вЪ щастливѢйшихЪ обстоятельствахЪ? Неуже ли явитЪ БогЪ полное равнодушiе кЪ добру и злу, и истребитЪ между оными то великое различiе, которое ОнЪ самЪ учредилЪ по своей вѢчной пре-

премудрости: и благочестивый и добродѣтельный, подъ страданіями утомленный, равную будутъ имѣть участь по смерти? Нѣтъ, такъ сотворить Богъ не можетъ, не не узнаетъ Онъ святѣйшихъ учрежденій своихъ, и не сдѣлаетъ ихъ самъ суетными, напротивъ того откроетъ Онъ святость свою своею правдою.

Развѣ наконецъ хочетъ вольнодумецъ ради освобожденія оскверненной совѣсти своей отъ будущаго отчета, предъ которымъ трепещетъ сердце его, защититься отъ грядущаго воздаянія по дѣламъ человѣческимъ частію своею организаціею, Творцемъ ему данною, частію безконечною любовію Божіею, которая не назритъ строго человѣческіе пороки? Въ такомъ случаѣ что до организаціи принадлежитъ, то пусть почувствуетъ онъ самаго себя.

Почто вольнодумецъ до безумія сердится и бѣсится, когда его жена, или домашніе и прочіе слуги слѣдуютъ его примѣру и по правиламъ господина своего предаются роскоши, тѣмъ ли, или другимъ образомъ, все рав-

равно, играютъ въ карты и ведутъ распустную жизнь? Развѣ и они не также ли равно, какъ и онъ, организованы? Для чегожъ сложеніе тѣла слугамъ служитъ въ порокъ, а господину вмѣняется въ добродѣтель? Не рѣшитъ ли здѣсь самъ вольнодумецъ! сообразуясь внутреннему ощущенію сердца своего? Или развѣ получилъ онъ отъ Бога увольнительную предъ прочими грамоту? Нѣтъ воистинну! у Бога нѣтъ лицепріятія. — Чтожъ касается до любви Божіей, то сей-то любви и долженъ вольнодумецъ наиболѣе бояться; ибо ежели любитъ Богъ чистосердечно своихъ почитателей, то долженъ Онъ ненавидѣть и наказывать тѣхъ, кои своими насмѣшками надъ религіею нетвердыми дѣлаютъ сихъ почитателей Его и соблазняютъ ихъ беззаконными своими примѣрами, и такимъ образомъ похищаютъ у Бога души, увлекая ихъ купно съ собою въ погибель. — Конечно, летитъ время быстрыми крылами вѣчности, въ которое одинъ послѣ другаго пріиметъ воздаяніе предъ престоломъ правды и

откровенія святости Божіей. Благо тому, которой возметъ съ собою изъ временности въ вѣчность доброе свидѣтельство совѣсти! Кто сего не уважаетъ, тотъ много беретъ на страхъ свой.

ОТДѢЛЕНІЕ XIV.

О истиннѣ религіи и ея должностяхъ.

Наконецъ приходимъ мы къ заключительному положенію настоящаго разсужденія, которое есть истинна религіи.

Есть Богъ безконечныхъ величественныхъ свойствъ. — Сей Богъ управляетъ міромъ и печется во особливости о каждомъ наилучшимъ образомъ. — Душа наша есть безсмертный духъ, сотворенный для вѣчности. — Всѣмъ предстоитъ воздаяніе по дѣламъ, и Божественная правда наиточнѣйше размѣрять будетъ судьбы наши въ вѣчности съ поведеніемъ нашимъ на земли сей. — Все сіе въ предшедшихъ отдѣленіяхъ доказано. И такъ возможно ли истинну положеній сихъ признa-

знавать, а религію еще почитать изобрѣтеніемъ политическимъ и поповскою выдумкою, не предавшись духомъ въ злое ожесточеніе? Ежели же религія есть истинна, како то она и подлинно есть, всепріятнѣйшая и для насъ смертныхъ наиувеселительнѣйшая, имѣющая намѣреніемъ своимъ спасеніе человѣчества во времени и вѣчности и проистекающая изъ чистѣйшаго источника признательности и благодаренія къ Богу: то какъ же не стараться усерднѣйше съ веселостію исполнять требуемыя ею должности. Требованіе ея естественно, справедливо, и есть собственное наше благополучіе. Требуетъ она поклоненія Божеству, коему обязаны мы всемъ тѣмъ, что мы есьмы, и что имѣемъ. Она требуетъ чистоты сердечной и усовершенствованія ума въ добродѣтели. Требуетъ человѣколюбія и истинной честности по начальному образу Божію. Требуетъ вѣрности и прилѣжанія въ отправленіи должностей званія для общей пользы. Въ семъ состоитъ намѣреніе бытія нашего, чрезъ достиженіе ко-

тораго, сколько намъ извѣстно изъ свѣта натуры, достойно приготовляемся мы къ будущему сообществу чистыхъ духовъ. Исполненіе сихъ должностей получаетъ цѣну и красоту свою отъ живаго почтенія къ Богу. Здѣсь, слѣдуя предмету моему, да позволится мнѣ заимствовать слѣдующее мѣсто изъ извѣстной духовной рѣчи:

„Почтеніе къ Богу есть всеперь„вая и естественнѣйшая изъ нашихъ „должностей. Оно есть основаніе вся„кой добродѣтели и честности, и „слѣдовательно сокращеніе, душа цѣ„лаго богослуженія. Не имѣли бы ни„какого понятія о семъ почтеніи, „ежелибъ могли въ ономъ сомнѣвать„ся, какъ скоро вѣрятъ Существу „всесовершеннѣйшему, которое есть „Начатокъ, Соблюдатель и Благодѣ„тель міра. Вѣрить Богу, допус„кать въ мысляхъ своихъ возвышен„наго Духа, коего величіе безконеч„но, въ которомъ все соединяется, „что есть прекрасно, славно и любви „достойно; помышлять, говорю, о „семъ совершеннѣйшемъ Духѣ, яко о „Творцѣ и Благодѣтелѣ своемъ, имѣю-

„щемъ

„щемъ въ предметѣ своемъ единое „щастіе и радость тварей своихъ; „помышлять, и не почитать Его, „не ощущать къ нему приверженно„сти, преданности, смиренія, любви, „упованія, сіе было бы такое противо„рѣчіе, противу котораго не льзя от„вѣчать. Какъ скоро мы вѣримъ Богу „и представляемъ въ Немъ высочай„шее, совершеннѣйшее и изящнѣйшее „Существо, то слѣдуетъ естественно, „что мы должны Его почитать, то „есть Ему себя подвергнуть, пре„даться Ему, предъ Нимъ смиряться, „уповать на Него, и Его любить, и „страшиться дѣлать Ему неугодное. „Ежели мы сего не дѣлаемъ, ежели „душа наша при сей мысли о Богѣ „не ощущаетъ никакихъ сихъ движе„ній: то вѣрной знакъ, что мы не „основательно и не живо увѣрены о „Его бытіи, о Его величествѣ; и „потому неспособны ни къ религіи, „ниже къ добродѣтели. Ежели же раз„умѣніе наше исполнено великою и „истинною мыслію о Богѣ, ежели серд„це наше исполнено высокаго почте„нія къ Богу: тогда-то религія на-

„ша естъ подлинно религія, и добро-
„дѣтель наша есть подлинно добро-
„дѣтель; обоя же суть духъ и жи-
„вотъ. Тогда-то будемъ мы дѣ-
„лать всякое добро въ прямомъ на-
„мѣреніи и по прямому побужденію,
„то есть ради Бога, изъ горячаго
„желанія угодить Ему, изъ повино-
„венія волѣ Его. Да и приходить въ
„удивленіе толь естественно душѣ на-
„шей паче всего, надъ нами возвышен-
„наго, велико, чрезвычайно и изящно
„есть, чтобы чтили мы Бога, ежели бы
„и всѣ тѣснѣйшія отношенія могли
„быть уничтожены, въ которыхъ мы
„находимся съ Богомъ; ежели бы и не-
„чего было намъ отъ Него надѣять-
„ся и нечего бы было Его бояться.
„Потребно намъ только представить
„Его, яко вѣчнаго, неизмѣримаго, яко
„всемогущаго и всевѣдущаго, дабы ис-
„полнится къ Нему удивленіемъ и
„глубочайшимъ почтеніемъ. Сколь же
„сильнѣе и живѣе должно быть сіе
„почтеніе, когда мы помыслимъ,
„коль близокъ къ намъ Богъ сей; ког-
„да помыслимъ, что сей превозне-
„сенный и всесовершенный Богъ есть
„нашъ

„нашъ Богъ, нашъ Создатель, нашъ „необходимый Сохранитель и По„кровитель, нашъ Господь, нашъ „Отецъ, нашъ Благодѣтель, нашъ не„премѣнный Судія, нашъ вѣчный „Наградитель! Всѣ Его совершен„ства, все Его величество есть для „насъ крайнѣ важно, исполненно „для насъ утѣшенія и благословенія, „для насъ необходимо. Наше удо„вольствіе, наше щастіе, все на„ше спокойствіе зависитъ точно отъ „того, что Онъ есть, и что Онъ „есть таковъ, каковъ Онъ есть. Для „насъ Онъ вѣченъ, для насъ все„могущъ и премудръ, для насъ „высочайшее добро и любовь. Ка„кіе же предѣлы дерзнемъ мы по„ложить нашему къ Нему по„чтенію! До какой живости болѣе „не увеличиваемаго уже степени „должно простираться сіе почте„ніе наше!

„Сіе къ Богу почтеніе, которое „есть столь натурально и необхо„димо разумному творенію, конечно „имѣетъ источникъ свой и собствен„ное жилище свое во внутреннѣйшемъ

 „серд-

„ сердца нашего. Состоитъ оно изъ „ понятій и ощущеній, и потому живетъ въ душѣ; но не должно и не „ можетъ оно пребывать тамъ сокровенно, и такъ сказать погребено; не „ можетъ оно, когда оно дѣйствительно есть, отрицать бытія своего, но будетъ всегда изъявлять „ оное нѣкоторыми наружными знаками. Душа наша такъ уже сотворена, что не можетъ удерживать для „ себя одной живѣйшихъ своихъ ощущеній, сильныхъ склонностей своихъ, а особливо, когда оныя такого рода; но должна ихъ открывать „ и сообщать другимъ. Огнь, горящій „ во внутренности ея, прорывается, „ такъ сказать, въ поступки, въ слова и дѣла. Кто знаетъ украшеннаго „ заслугами достопочтеннаго мужа, „ котораго онъ дѣйствительно въ сердцѣ своемъ почитаетъ, къ коему онъ „ привержeнъ нелицемѣрнымъ почтеніемъ и любовію? Кто имѣетъ благодѣтеля, или друга, коего великія „ свойства признаетъ онъ со внутреннимъ удовольствіемъ, и молчитъ о цемъ и не старается со-

„ дѣ-

„ дѣлать его въ глазахъ другихъ „ столь же великимъ и почтенія до„ стойнымъ, каковъ онъ есть въ его „ глазахъ? — Кто можетъ почитать „ Бога и сокрывать, что онъ Его по„ читаетъ? О безстыдные лжецы, хо„ тящіе насъ увѣрить, что вы вѣри„ те Богу, знаете Бога, чтите Бога, „ и не показываете то наружно ни „ единымъ взглядомъ, ни единымъ сло„ вомъ, ни единымъ дѣйствіемъ! Коль „ ложно должно быть ваше сердце, „ или искусство ваше должно быть вы„ ше человѣчества! „

И такъ изъ всего сего разсужденія ощутительно видна *неосновательность* вольнодумственнаго невѣрія; а напротивъ того сіяетъ, яко солнце, истинна вѣры, *религіи* и основаніе должностей оныя. Весьма радующая истинна, что Божественный Промыслъ бдитъ надъ всѣми и надъ каждымъ, и что Богъ преведетъ безсмертный духъ нашъ послѣ сего благоупотребленнаго нами *времени испытанія* и по достойномъ приготовленіи чрезъ смерть въ состояніе гораздо щастливѣйшее и возвышеннѣйшее. Неоцѣнен-

ное сокровище истинны, возвышающей конечныя судьбы наши выше всего умирающаго, въ добрѣ насъ укрѣпляющей и подающей намъ утѣшеніе въ страданіи и дерзновеніе на смертномъ одрѣ нашемъ.

Въ заключеніе сего еще намѣрены мы относительно къ религіи сличить и наикратчайше объяснить мнимыя благія вольнодумца съ благими почитателя Божества.

Вольнодумецъ не занимается вымыслами.	Почитатель Божества также не занимается вымыслами.
Но сей не занимается и истинною, какъ бы драгоцѣнна она ни была.	Вѣра его есть драгоцѣннѣйшая истинна, которой научаетъ его цѣлая натура и ощущеніе его сердца.
Вольнодумецъ не боится ада.	Почитатель божества тѣмъ менѣе можетъ ада страшиться.

Онъ

Онъ не боится также войти въ небо.	Богъ и его добрая совѣсть суть въ томъ его порукою.
Вольнодумецъ свободенъ отъ всякаго принужденія въ религіи.	Истинный почитатель Божества также не вѣдаетъ ни о какомъ принужденіи въ религіи.
Но онъ свободенъ также и отъ блаженства, добродѣтели, прямой честности и отъ благія совѣсти.	Его сердце само собою наклонно къ оному по причинѣ ихъ неоцѣненности.
Вольнодумецъ любитъ добродѣтель, не ожидая награды.	Почитатель Божества тѣмъ болѣе любитъ добродѣтель ради внутренняго ея изящества.
Но онъ любитъ также свой любимой порокъ безъ награжденія будущаго.	Онъ укрѣпляетъ силу производить оную въ дѣйствіе размотреніемъ грядущія сла-

ВольнодумецЪ имѢетЪ честь быть сильнымЪ духомЪ (Esprit fort).

ПредЪ кѢмЪ? ПредЪ своими братьями, еще болѢе его погруженными вЪ невѢжество. Но почто охотно отдаляетЪ онЪ помышленія о смерти и о будущемЪ воздаяніи?

БольшимЪ вольнодумецЪ хвалиться не можетЪ.

славы, которую уготовалЪ БогЪ ради своихЪ.

Почитатель Божества заслуживаетЪ тѢмЪ большую честь крѢпкаго вЪ духѢ.

Сей помышляетЪ о концѢ своемЪ и о грядущемЪ судѢ безЪ трепета, спокойно и сЪ веселостію.

Напротиву того почитатель Божества еще и сіи благи имѢетЪ:

1) Честь у Бога.
2) Утѣшеніе во всѢхЪ обстоятельствахЪ.
3) Надежду блаженства.

А

А прешедшія также не многаго стоятъ. Чтожъ остается?

Все сіе возвышаетъ земное его удовольствіе и доставляетъ ему дерзновеніе на смертномъ одрѣ его.

И такъ кто имѣетъ больше благъ, и чьи драгоцѣннѣе?

Теперь, о вольнодумцы! или оставайтесь собственными своими врагами, или возвратитесь къ источнику всякаго покоя и блаженства, и воздайте честь Богу. Ежели нѣкоторой родъ стыда васъ удерживаетъ, ахъ! постыдитесь лучше ожесточенія вашего. Тысячи душъ взираютъ на вашъ примѣръ, коихъ можете вы паки пріобрѣсть, или еще болѣе прельстить. Которою изъ сихъ двухъ должностей обязаны вы человѣчеству?

Но вы, почитатели Божества, вы, которые ощутили уже сладость упованія на Бога и надежду блаженныя вѣчности, пребывайте твердыми и не колебайтесь. Соблюдайте сей вѣнецъ вѣры вашей даже до конца, и

не

не минуетъ васъ никогда спокойствіе душевное и довольствіе.

Господи! дозволь намъ во свѣтѣ Твоемъ видѣть свѣтъ истинны, и достойно ходити въ немъ, доколѣ достигнемъ до свѣта славы!

Сокращенное повтореніе главныхъ положеній по содержанію отдѣленій.

I. Вольнодумство состоитъ въ отрицаніи всякой религіи.

II. Раждается оно отъ желанія распустной вольности безъ всякаго будущаго отвѣта.

III. Изъ сего слѣдуютъ всѣ бѣдственныя положенія вольнодумцевъ, а особливо удаленіе Божества отъ міра, и отрицаніе души и ея безсмертія.

IV. Для опроверженія ихъ не надлежитъ прибѣгать ни къ Священному Писанію, тѣмъ менѣе къ модной Философіи, ниже къ чему либо. А должно открыть собственную ихъ наготу.

V. Нагота сія явствуетъ

1) Изъ незнанія о натурѣ.

2) Изъ ихъ подлаго характира.

3) Изъ ихъ ненатуральнаго образа мыслей.

4) Изъ ихъ собственнаго униженія даже до скота.

5) Изъ похищенія ихъ у самихъ себя всякаго утѣшенія.

6) Изъ безбожнаго истре́бленія всякой нравственности.

VI. Всѣ ихъ противоположенія и основанія суть ни къ чему годны, на примѣръ:

1) Сомнѣніе о свойствахъ Божіихъ.

2) Ни о чемъ не пекущееся Божеское величество.

3) Механизмъ міра при отдаленномъ Божествѣ.

4) *Любимой* матеріализмъ, коимъ они по большой части забавляются, дабы,

5) Имѣя смертную душу, можно быть свободну отъ всякаго будущаго отвѣта.

Также ничего не значитъ и

6) Ихъ нравоученіе и отверженіе всякой религіи и совѣсти.

Таково-то бѣдно вольнодумство!

VII. Напротиву того сколь восхитительны положенія *религіи*, взятыя изъ

изъ понятій о Божественномъ міроправленіи, сопряженныхъ съ надеждою вѣчныя и лучшія жизни по смерти. — Сіи должны быть доказаны.

VIII. Прежде опровержена должна быть монадная Философія, полагающая Божество внѣ міра и спомоществующая вольнодумству. *Простое*, *несложное* называлось у древнихъ чистое, несмѣшанное, такъ какъ духъ означалъ у нихъ дѣйствующее, а матерія страждущее, при чемъ утверждали они бытіе всеобщаго духа натуры.

У новыхъ же *простое*, *несложное* есть химерическая нераздѣльная точка, ради которой

1) Вездѣсущіе Божіе отъ міра удаляется,
2) Духъ натуры премѣняется въ фатальную машину міра,
3) Физическое вліяніе извлекается, и
4) Произведеніе душъ отлагается ко времени предъ сотвореніемъ міра.

Что все вообще содержитъ въ себѣ видимыя нескладности и ученіе древ-

древнихЪ тѣмЪ болѣе утверждается.

IX. Еще оправдываются нѣкоторыя положенія древнихЪ, при чемЪ сперва предлагается понятіе сЪ малымЪ сѣннописаннымЪ начертаніемЪ натуры.

По семЪ даются отвѣты на вопросы:

1) БогЪ есть ли Существо, отЪ міра отдѣленное, или сЪ онымЪ соединенное. (Послѣднее доказывается.)

2) МірЪ есть ли машина, сама собою продолжающаяся, или продолженіе ея происходитЪ отЪ беспрестаннаго Божественнаго вліянія? (И здѣсь послѣднее доказывается.)

3) КакЪ БогЪ, натура и мірЪ различны, но притомЪ другЪ во другѣ?

НапослѣдокЪ опровергаются противоположенныя возраженія, кои суть:

1) Что БогЪ не есть часть міра, и мірЪ не есть часть Бога.

2) Что чрезЪ то цѣлая натура уничтожается.

3) Что БогЪ по сему положенію участвовалЪ бы во злѣ, и

4) Во всѣхъ нечистыхъ и срамныхъ вещахъ, да и въ самомъ бы адѣ быть долженствовалъ.

X. Теперь слѣдуютъ четыре главныхъ столпа религіи: 1. Есть познаніе Бога и Его величественныхъ свойствъ, кои прежде вкратцѣ описываются, а потомъ особливо доказываются противоборческія, какъ-то:

1) Неизмѣримость, вездѣсущіе, вседѣйствіе и оживленіе всѣхъ вещей.

2) Всевѣдѣніе.

3) Премудрость, все объемлющая.

4) Управленіе всемъ.

5) Всеблагость и высочайшая любовь.

6) Святость и правда (правосудіе).

7) Всеобщіе слѣды Божества и языкъ Его (глаголы Его).

XI. 2. Главный столпъ религіи есть нравственное міра правленіе и особливый промыслъ Божій.

Первое доказывается Божественными распоряженіями при учрежденіи человѣчества и судьбами человѣчества.

Второе Божественнымъ вліяніемъ во всѣ вещи и опытами, предста-

ставляемыми событіемъ примѣчанія достойныхъ сновъ.

И наконецъ опровергается возраженіе сомнящихся и вопрошающихъ: почто же судьбы человѣческія не сообразны точно съ ихъ поведеніемъ?

XII. 3. Главный столпъ религіи есть безсмертіе души. Вопервыхъ доказывается бытіе души духовными ея дѣйствіями.

А потомъ ея безсмертіе натурою самыя души, яко живаго и богоподобнаго духа, послѣднимъ предметомъ дѣлъ Божіихъ и ближайшимъ соединеніемъ съ прочими нравственными истиннами.

XIII. 4. Главный столпъ религіи есть будущее воздаяніе по дѣламъ человѣческимъ, купно съ онымъ соединенными судьбами въ вѣчности.

Сіе уже слѣдуетъ изъ безсмертія души. Но еще доказывается.

Какъ воздаяніемъ человѣческія и Божественныя любви, такъ и нравственнымъ характиромъ Божіимъ и внутреннимъ ощущеніемъ совѣсти, ежели противоположатъ,

что

что въ семъ мірѣ съ добрыми случается худо, а съ худыми хорошо. Здѣсь вольнодумца не можетъ защитить ни безконечная любовь Божія, ни организація.

XIV. Наконецъ слѣдуетъ заключительное положеніе настоящаго разсужденія, которое есть истинна религіи, при чемъ кратко показываются должности, религіею налагаемыя, исполненіе коихъ возвышается достолѣпнымъ къ Богу почтеніемъ. Въ заключеніе сличаются мнимыя благи вольнодумца съ истинными благими почитателя Божества.

Конецъ первой части.